

Алексей Александрович Маслов

Тайный код Конфуция

Аннотация

Конфуция (551–479 до н.э.) называют «учителем учителей» и «символом китайской нации». О нем написаны сотни книг, но чаще всего китайская традиция настойчиво скрывает самое потаенное в жизни великого наставника. Уже через много веков его слова и события жизни получили новую «официальную» интерпретацию, а истина оказалась глубоко запрятана.

Чему и у кого обучался сам Конфуций? Почему он столь настойчиво стремился получить официальную должность, но чаще всего был гоним? Какую тайную традицию он нес в себе и пытался передать своим ученикам? Перед нами предстает человек, который, получив тайную традицию, решил принести тайные знания людям и на основе этого учения установить гармонию в Поднебесной. Но тайное не должно было оказаться раскрытым. Конфуция отвергли и сами представители мистической традиции, которые подвергли его остракизму за раскрытие тайн, и правители царств, считавшие его учение слишком отвлеченным. Его пытались убить во время странствий, его покинули многие ученики, а многие оставшиеся последователи оказались недостойны его наставлений. Так какое же тайное учение он пытался передать последующим поколениям?

Новый бестселлер профессора Алексея Маслова приоткрывает завесу тайны над одной из загадок мистической истории Древнего Китая.

Алексей Маслов

Предисловие. Последний из посвященных

Конфуцианство и Конфуций

Человек и миф

Время великих наставников

Начало пути Учителя

Тайна обучения Учителя

Лао-цзы: загадочный наставник Конфуция

Служитель Неба

Странствия в поисках службы

Непонятая миссия Учителя

Гонимая мудрость

«Наставлял он в ритуалах и музыке»

Тайное знание

Ритуал – метод связи с Небом

Вдохновляйся песнопениями и совершенствуйся музыкой

Раскрытие тайного

Падший Феникс

Радости Конфуция

«Учитель не рассуждал о духах»

Цзюньцзы: идеал мистического знания

«Редко говорил о человеколюбии»

Суровая добродетель

«Размышлять и не учиться – губительно»

Радостный и безмятежный

Древний ритуал и новая этика жизни

Мистерия государственного служения

Учитель, что стал Колоколом

Учение, что умирает в учениках

Заключение

Переводы Конфуция и цитируемая литература

Примечания

1

2

Самое главное не увидеть глазами, только сердце зорко

А. Сент-Экзюпери «Маленький принц»

Предисловие. Последний из посвященных

Его называют «Символом китайской нации» и «Учителем учителей». Наверняка, именно его образ придет на память любому при упоминании культуры или философии Китая. Ему возведены памятники во многих странах Восточной Азии, где как считается, сложилась уникальная культурная общность – конфуцианский культурный регион, формировавшийся под влиянием идей Великого Учителя. Он превратился в «визитную карточку» Китая – обложки многих книг о Китае украшены изображениями великого наставника, он растиражирован на календарях, плакатах и рекламах. Культ Конфуция был объявлен императорским, правители совершали моления в храмах Конфуция, на его родине в местечке Цюйфу в провинции Шаньдун возведен огромный храмовый комплекс, ныне превращенный в роскошный музей, куда съезжаются туристы из всех стран мира.

Тот торжественно-величественный Конфуций, который известен нам сегодня, чей образ вошел во все книги о Китае и который стал символом всей цивилизации Восточной Азии, очень далек от действительной личности живого Конфуция. В традиции он предстает перед нами как символ наставничества и духовной мудрости, как носитель идеи государственного служения и заботы о народе. Но этот Конфуций – продукт тысячелетнего подpravления образа скромного наставника Кун Цю по имени Чжунни.

Сегодня мы знаем Конфуция таким, каким его захотели представить комментаторы и исследователи, таким, каким его хотела видеть официальная китайская историография, начиная с V–VI вв. Именно из их усилий перед нами предстает величественный облик Учителя Учителей, непоколебимого в своей мудрости и нравственности.

...

Конфуций – «учитель учителей», унесший с собой тайну своего знания

На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного – сколько известно случаев, когда реальные исторические персонажи были буквально погребены под напластованиями мифов, легенд и преданий. Каждый, кто внес вклад в духовное развитие человечества, сегодня предстает перед нами как совокупность образов и преданий – именно таковы сегодня и Иисус Христос, и Будда, и Мухаммед. И, конечно же, Конфуций.

Но в личности Конфуция есть своя тайна – тайна, которую тщательно оберегает вся китайская традиция, а ей чаще всего следуют и все западные исследователи и комментаторы. Это – загадка самой личности Конфуция, загадка его Учения, его посвящения и его школы. Это – загадка его становления и воспитания, тайна сокрытого смысла его проповеди. И этот истинный Конфуций не был лишь одним из философов или служивых мужей из обедневших аристократических семей эпохи Чжоу. Он вообще не был «философом» в том западном смысле этого понятия, которое в него обычно вкладывается. Не был он и проповедником неких морально-этических норм и государственных доктрин, хотя при желании такие мысли можно отыскать в его высказываниях. В период своей жизни он особенно ничем не прославился и был чаще гоним, чем привечаем. Он не сумел воплотить в жизнь практически ни одной своей идеи по поводу «человеколюбивого управления» царствами, а его статус духовного наставника и проповедника вызывал у многих

скепсис или даже резкое отторжение.

Чтобы «разгадать» Конфуция, чтобы понять коды его слова, надо прежде понять, чему он сам обучался и что хотел передать. И для этого на время придется забыть о многих традиционных версиях восприятия Конфуция: Конфуция – философ, Конфуций – символ китайской нации, Конфуций – обожествленный мудрец.

Так кем же был тот – настоящий Конфуций? Каким был этот человек без последующих наносов канонизации, обожествления и превращения в абсолютный символ восточной мудрости?

Конфуций был одним из посвященных священнослужителей, близких по духу к древним медиумам и шаманам. Он – живой пример умирающей архаической традиции магов и медиумов, часть из которых, как и сам Конфуций, решили служить правителям царств и открыто проповедовать свое учение. Он стал тем, кто решил вынести мистические и магические знания на люди, поставить эти знания на службу государству и при их помощи восстановить нарушившуюся гармонию в Поднебесной. Он был носителем очень древнего Учения, связанного с архаическими магическими культами, которые он постарался представить в виде концепции Ритуала или Правил. Он стремился дать своим ученикам методы восстановления связи с Небом и поддержания постоянного соприкосновения с духами предков и первых мудрых правителей Китая, откуда и следует черпать высшее Знание.

Но эти его черты китайская традиция постаралась скрыть, превратив Конфуция в одного из крупнейших духовных учителей и проповедников честного служения в виде образа «Благородного мужа». Именно такой – «окультуренный» и вписанный в нормы государственной доктрины – Конфуций был необходим для китайской традиции. Но это повествование – рассказ не столько о триумфе учения Конфуция, сколько о личной драме духовного проповедника и мистика по имени Кун Цю.

Конфуцианство и Конфуций

Сегодня во всём мире вряд ли найдется человек, не слышавший о конфуцианстве и его знаменитом основателе Конфуции (551–479 до н. э.), имя которого по-китайски звучит как Кун-цзы или Кун-фу-цзы (Мудрец Кун). В традиционных трактатах чаще всего Конфуций упоминается не под именем собственным, а обозначается просто иероглифом «цзы» – «Учитель», выступая тем самым как фигура скорее знаковая, нежели как индивидуальный человек. Но читателю сразу становится ясно, что речь идёт о великом наставнике, который стал нравственным идеалом сотен миллионов людей. На высказывания Конфуция ссылаются философы, политики и учёные всего мира, а фразы из «Лунь юя» сегодня можно услышать даже от малограмотного китайского крестьянина.

Более того, все нравственное развитие китайцев всегда представлялось как изучение и воплощение наследия, завещанного Конфуцием: тем его бесед с учениками, наставлений правителям, стремлением к идеалу «благородного мужа».

В отличие от многих полулегендарных наставников Китая, например, Лао-цзы и Хуан-ди,

он является абсолютно реальным персонажем – персонажем вполне «живым», переживающим, нередко сомневающимся, плачущим и торжествующим, наставляющим и негодующим. Но во всем этом многообразии чувств и эмоций он удивительно целостен. «Мой Путь – все пронзать Единым», – говорит он своему ученику (XV, 4) [1].

Самый сложный вопрос – почему именно он стал «Учителем учителей» и превратился в символ Китая? Что он сказал или сделал такого, чего не удавалось никому ни до, ни после него?

В эпоху Чжоу, когда жил Конфуций, существовало немало подобных ему честных служивых мужей (ши), в том числе и вышедшими из мистических школ, которые своими знаниями пытались послужить правителям царств. Многие из них делали это в надежде на достойное жалование и должность, другие старались сочетать это с идеалом установления гармонии в Поднебесной. Но из той плеяды в истории остался лишь один Конфуций. Так может быть сохранения образа Конфуция в истории – это всего лишь случайность? В тот период в Китае проповедовало сотни учителей, а тысячи жили и до него и после. Может быть, просто о других проповедниках не сохранилось достаточного количества сведений, например, их ученики не были столь старательны в своих записях, как последователи Конфуция, который тщательно зафиксировали каждый шаг и каждую фразу своего любимого учителя? И так он вошел в историю – не потому что был самым великим, а потому что оказался самым «описанным»?

Тайна влияния личности Конфуция, если смотреть на него просто как на философа и служивого мужа, вряд ли может быть разгадана. Безусловно, записи его учеников, обобщенные в «Лунь юе» сыграли немалую роль для формирования его образа как национального символа, однако этого было бы вряд ли достаточно.

На первый взгляд, он вполне повседневен – и именно в этой повседневной житейской мудрости проступает его трансцендентное величие. Он не отстранен от мира чувств и эмоций, как буддист, не чудесен в своих историях как Чжуан-цзы, не обладает сверхъестественными способностями, как даосские маги. Он – такой как все. И все же он значительно более мистичен, чем десятки других духовных наставников древнего Китая.

Понять его очень просто – он никогда не говорит о вещах трансцендентных, потаенных, мистических. С учениками и правителями, с аристократами и простолюдинами он в равной степени говорит просто и доступно. И поэтому в его речах даже сегодня любой человек может найти источник как житейски советов, так и духовных откровений.

Понять его нелегко. За кажущейся простотой скрывается такая глубина традиции, аллюзий и полупамятков, что не всякий китайский знаток сможет уловить эти тонкости.

...

По всему Китаю были основаны конфуцианские академии для обучения будущих ученых мужей. Одна из самых больших академия Сунъян в горах Суншань была построена в 484 г. и целиком перестроена в 1035 г.

Прочтение образа Конфуция зависит от того, на какой точке зрения мы изначально стоим – про Конфуция и традиционное конфуцианство сегодня известно столько, что весьма затруднительно подходить к этому образу непредвзято. Понимание самого Конфуция – как дословно-текстовое, так и постижение глубинной драмы его образа, зависит чаще всего от изначального подхода к его личности. Если мы допускаем, что в древнем Китае существовала развитая «философия» – то перед нами образ чрезвычайно педантичного, тщательного философа. Но стоит нам лишь допустить, что Конфуций являлся посвященным духовным наставником, соприкасающимся с самими глубинными мистическими традициями древнего Китая, то приходит иное понимание его образа. Перед нами предстает духовный учитель, перенявший древнейшие магические ритуалы и образы, и ныне стремящийся при помощи этих знаний установить гармоничное правление в царствах на Центральной равнине Китая. Но он не только носитель этой духовной традиции – он ее десакрализатор. Он сообщает о ней открыто, позволяет записывать за собой и – самое главное – видит свою миссию в служении правителям и образовании людей, а не в уединенном отшельническом подвижничестве.

Конфуцианство считают величайшим китайским философским и духовным наследием, что отчасти верно. И все же суть конфуцианства лежит глубже, это даже не национальная идея – это национальная психология. И описывать ее функционирование следует скорее в терминах этнологии и этнопсихологии, нежели философии.

Конфуцианство в Китае – это абсолютно всё. Все что бы не делал древний или современный китаец, его манера поведения, его особенности политической культуры, его способы ведения бизнеса и установления отношений с партнерами, – все это автоматически будет названо конфуцианством. По сути, то, что в науке называется

«традиционным психотипом китайцев» или «особенностями политической культуры Китая», в обиходе именуется конфуцианством. Это – просто обобщающее слово для чего-то того, что явно отличает Китай от многих других стран или культур, но чему сложно дать краткое объяснение. И вот тогда, чтобы не вдаваться во все тонкости объяснений формирования своеобразия китайской цивилизации, это и именуют «конфуцианством». И все это нередко, увы, очень далеко от того, что проповедовал сам Конфуций.

Существует несколько слоев конфуцианства. Есть официальная традиция восприятия конфуцианства, которая в основном навеяна неоконфуцианскими трактовками, развивавшимися в XI–XIII вв. Тогда же и было дано основное толкование всех ключевых терминов, которые использовал Конфуций и его великий последователь Мэн-цзы (III в. до н. э.) в своих проповедях: «ритуал» (ли), «человеколюбие» (жэнь), «справедливость» (и), «почитание старших» (сяо), «искренность» (синь), «преданность» (чжун) и многих других.

...

Народное представление о сферах Неба и о «единстве трех учений» На верхнем уровне сидят обожествленные Лао-цзы, Будда и Конфуций

Несмотря на всю свою морально-этическую терминологию, происхождением которой мы обязаны в основном попыткам «преобразовать» китайские реалии в христианизированный лексикон Запада, конфуцианство, равно как и вся китайская традиция, не-морально, она – прагматична. Именно это и составляет ядро китайской цивилизации, и это открывается и в политической культуре, и поведенческих стереотипах и в особенностях

мышления.

Конфуцианство, в отличие от индивидуального учения самого Конфуция, не целостное учение, не стройная система взглядов, представлений, политических доктрин и морально-этических

установок. Это политическая идея, объединяющая Китай. Это и абсолютный слепок национального характера китайской нации. Зачастую в китайской экзегетике представляется, что конфуцианство повлияло на весь облик современного Китая, на психологию и поведение всего населения Поднебесной, начиная от императора и заканчивая простолюдином. Но, кажется, в реальности дело обстояло абсолютно противоположным образом: конфуцианство само явилось лишь слепком с уже сложившегося стереотипа поведения и мышления. И здесь оно удивительным образом из «матрицы идеального китайца» и благородного мужа превращается лишь в констатацию уже существующего стереотипа.

В конце концов оказалось, что конфуцианство – гносеологическая абстракция, абсолютный объем, который может быть наполнен практически любым содержанием. Нередко китаец, как бы сканируя свои мысли, стереотипы и особенности поведения, говорит: «Вот это и есть конфуцианство». Итак, конфуцианство не то, что должно быть, а то, что уже сложилось, уже живет и развивается. Оно не корректирует поведение, а оправдывает его. Так выглядит некая великая символическая идея, вмещающая все что угодно.

Символизм «слова Конфуциева» прослеживается практически во всех высказываниях учителя. Следует заметить, что еще никем не доказано, что записи слов Учителя велись сходу, т. е. записывались в момент его наставлений или незадолго после этого. Возможно это воспоминания, впечатления, записанные (и, разумеется, додуманные) через весьма продолжительный период времени. И писали уже не столько слова Конфуция или о Конфуции, сколько в анналы вносились слова Идеального Учителя, который становился символом наставничества и правильного поведения в соответствии с ритуалом.

Стало привычным именовать Конфуция «величайшим мудрецом», но в действительности очень сложно объяснить, почему история выделила именно его из созвездия блестящих философов и значительно более удачливых администраторов, которые жили на одном временном отрезке с ним. Кажется, в отличие от многих своих современников Конфуций оказался как раз не возвышен, а максимально приземлен, практичен, он рассуждал о вещах «посюсторонних», удивительным образом сводя всякое священное ритуальное начало к каждодневной деятельности, например, об урожае, о болезнях, о приеме пищи, о правильном сне.

О Конфуции написано, пожалуй, слишком много, и сегодня уже вряд ли возможно отделить реальный образ этого мудрого старца от многочисленных агиографий, «выправление» образа Конфуция под нужды государственной доктрины в разные периоды. Само же учение Конфуция настолько оказалось скрыто за многочисленными комментариями последующих эпох, что многие ученые абсолютно разумно решили разделять само учение Конфуция от последующего конфуцианства – социально-политической теории и государственной

доктрины Китая. К последней Конфуций имел весьма косвенное отношение и никакого «государственного учения» не создавал.

Конфуцианство, в отличие от вполне конкретного учения Конфуция, – скорее лозунг нежели учение, гибкий и трансформирующийся тезис о том, что должно считаться «сделанным по ритуалу» от отношений с соседями до приема пищи и управления уездом. Само же конфуцианство – совершенно особое мировосприятие, поэтому не стоит ждать однозначного ответа на вопрос: стало ли оно религией Китая или просто этическим учением? Но очевидно, что конфуцианство выполняло в Китае практически все функции религии и, таким образом, превратилось в национальную квазирелигию. Во всяком случае, другого типа религиозного сознания Дальний Восток не знал.

Мы же будем говорить здесь не о конфуцианстве, а о самом Конфуции.

Человек и миф

В отличие от многих других мудрецов и духовных наставников древнего Китая о Конфуции, на первый взгляд, известно очень многое. Прежде всего, он обладает настоящей биографией – хроники донесли до нас и даты его жизни и описания странствий по Китаю от двора одного правителя к другому, по записям его учеников можно увидеть и характер Конфуция – строго ментора и тонкого наставника, человека страдающего и твердого, чувствительного и непоколебимого. И именно за счет этой кажущейся противоречивости и драматичности жизни этот человек, живший две с половиной тысячи лет назад, оказывается чрезвычайно обаятелен.

Не меньший драматизм образу Конфуция добавляет сама история его жизни, которая на первый взгляд, кажется абсолютно тривиальной для книжных людей того времени. В сущности, он был одним из многих служивых людей – ши, происходивших в основном из числа «малых домов» – разорившихся аристократических семей, некогда славных, но ныне не обладавших ни особой властью, ни тем более богатством. Знаком их жизни становится само служение, причем смена господина, переезд от одного двора одного правителя к другому считалось нормой этого служения.

О себе Конфуций не любил рассказывать, а свой жизненный путь сумел описать в нескольких строках: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учёбе. В тридцать лет я обрёл самостоятельность. В сорок – сумел освободиться от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю Неба. В шестьдесят лет научился отличать правду от лжи. В семьдесят лет я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуала» (II, 4).

«Достигший высшей мудрости первоучитель Кун-цзы» – портрет канонизированного Конфуция из книги XIV в.

В этом высказывании – весь Конфуций как человек и как идеал традиции. Его путь от учёбы через познание «воли Неба» к свободному следованию «желаниям сердца» и добровольному соблюдению норм поведения, которые он считал священными, «небесными», стал нравственным ориентиром всей китайской традиции. Его учение весьма многогранно: оно включает в себя совокупность духовных и социальных норм, которые передавались из поколения в поколение на протяжении почти 2,5 тыс. лет. Правила эти касались воспитания человека, определяли его поведение в семье, на службе и в обществе, устанавливали способ мышления. До сих пор именно конфуцианство служит тем источником, из которого исходит огромный духовный заряд, свойственный всей китайской нации.

...
Мэн-цзы (372–289 до н. э.), последователь учения Конфуция, поведал о многих несчастьях Учителя, который тот испытывал в своих странствиях

Но вот вопрос – откуда исходит эта удивительная мудрость Конфуция? Каким знанием должен был обладать этот человек, что его импульс не только сохранился на тысячелетия, но и стал государственной доктриной всего Китая? Один из крупных западных ученых, пытаюсь дать ответ на вопрос о причинах возвышенного одиночества и величия Конфуция, пришел к парадоксальному выводу: он был крайне несчастен с женой (что можно прочесть меж строк некоторых его высказываний), а поэтому отправился в странствия со своими учениками, посвятив себя наставлениям и обучению. Разумеется, можно и так объяснить величие Учителя, но если бы именно неудачливая женитьба была бы причиной рождения всякого мудреца, то Конфуций затерялся в толпе миллионов себе подобных неудачников-философов.

Порою мы бессильны логически объяснить успешность проповеди Конфуция, ее удивительную витальную силу. И как мы покажем, ответ на этот вопрос заключен не в том, что говорил Конфуций, а скорее в том, о чем он отказывался говорить.

Культ Конфуция создавался уже после его смерти – при жизни он не был особо почитаем и ценим. На месте его рождения был сначала воздвигнут небольшой алтарь, через много веков превратившийся в огромный храмовый комплекс. Однако впервые китайский император совершил на этом месте поклонение Учителю лишь в 195 г. до н. э., т. е. лишь через три века после его ухода из жизни, когда Конфуций стал уже превращаться в легенду. В 37 г. н. э. императорским указом его впервые жалуют посмертными титулами и чинами, т. е. по сути награждают не его, а забирают духа предка, стараясь правильно договориться с ним и перевести в разряд духа-защитника и покровителя. Наконец в 58 г. ханьский император Мин-ди, прославившийся своими предпочтениями к конфуцианским трудам, открывает особые школы, где изучались наставления учителя, а на следующий год приказывает совершать по всей стране жертвоприношения в честь Конфуция – скромный чиновник из Лу окончательно

превратился в духа предка. Вскоре он действительно объявляется центральным духом государственного культа. Уже после своей смерти Конфуций стал продвигаться по китайской иерархической лестнице. Императорскими указами он был пожалован многочисленными высокими титулами, а в 1106 г. его стали даже именовать «правителем». В 1008 император Чжэнь-цзун совершает пышный обряд поклонения Конфуцию, а через два года повелевает построить храмы Конфуция во всех городах и округах по всей стране. Он оказался обожествлен и как небожитель – «Старый наставник абсолютной мудрости», что поставило его в один ряд с даосскими бессмертными небожителями и народными героями.

Не сложно заметить, что речь идет уже не столько о человеке Конфуции, сколько о том особом духовном существе, которое занимает место предка-защитника всей китайской нации. Обедневший аристократ Кун Цюй из царства Лу столь же связан с обликом «мудрец Куна», сколь и отличен от него.

...

Великий неоконфуцинец Чжу Си (1130–1200). Именно он составил самые пространные комментарии на труд Конфуция и был одним из тех, кто изменил первоначальный смысл мистической проповеди Учителя

Существует вполне стандартное изложение основных взглядов, что проповедовал Конфуций. Это изложение его взглядов частично вытекает из трактовки сборника его высказываний «Лунь юй», но в большей мере – из значительно более позднего понимания роли Конфуция, суть которой была услужливо представлена более поздним поколениям, прежде всего группой философов-неоконфуцианцев. Безусловно, самой значимой фигурой в трактовке версии «Конфуций – философ» явился блестящий ученый Чжу Си (XIII в.), составивший пространные комментарии на каждый параграф «Лунь юя». И именно на эти комментарии, на менторские послы о том, как надо понимать Учителя, и опирались все последующие поколения китайских ученых-книжников, западных переводчиков и европейских исследователей. Постепенно самой политической

культурой Китая Конфуций методично был превращен из духовного наставника узкой школы в социально-политического мыслителя

Что может служить источниками о жизни великого учителя? Если отложить в сторону многочисленные биографии, написанные через сотни, а то и тысячи лет после смерти Конфуция, и еще более многочисленные легенды, то таких источников немного. Большинство историй о Конфуции носят довольно поздний характер. Естественно, это, прежде всего сборник его речений и поступков «Лунь юй» (обычно переводимый как «Суждения и беседы»). «Лунь юй» однако не представляет собой систематического и подробного изложения событий из жизни Конфуция. Много эпизодов можно почерпнуть из «Цзо чжуань» – «Хроник Цзо», подробных, но как всегда фрагментарных родовых записей из истории царства Лу, точнее – области Цзо, где родился и жил Конфуций. Часть историй и высказываний Конфуция вошла в большой компендиум «Ли цзи» – «Записки о ритуале», по своему содержанию частично повторяющие высказывания «Лунь юя».

Таким образом, число записей, непосредственно примыкающих к жизни Конфуция, не велико, а поэтому детальность его биографии лишь кажущаяся. Учитывая, что многие первичные источники переписывались, дополнялись и подправлялись, а образ Конфуция постепенно корректировался в соответствии с государственными запросами, то точность его биографии вообще должна вызывать большие сомнения. Впрочем, то же самое и порою даже в большей степени относится ко всем китайским духовным наставникам древности.

Немало преданий о Конфуции передает его последователь Мэн-цзы (ок. 372–289 до н. э.), причем по своему содержанию (хотя и не текстуально) они совпадают с «Лунь юем». На первый взгляд, его весьма подробную биографию предоставляет нам историк Сыма Цянь в его «Исторических записках» («Ши цзи», I в. до н. э.), но все же он скорее передает устные предания, которые по прошествии нескольких столетий с эпохи жизни Конфуция оказывались весьма неточны. Вообще, Сыма Цянь излагает скорее не точные факты, сколько комплекс преданий и мифов, рассказывающих о Конфуции именно как о наставнике и образчике для подражания.

Время великих наставников

Что представлял собой Китай времен Конфуция? Прежде всего – это страна, раздираемая распрями, расколота на множество царств. Царства заключают между собой союзы против других царств, союзы эти быстро раскалываются, прежние друзья превращаются в противников. Все это свидетельствовало о том, что «Поднебесная утратила гармонию» и, как считал сам Конфуций, золотой век «высокой древности» остался в прошлом. Идеал его – идеал возвращения к стабильности прошлых веков, поиск идеального правителя, подобного мудрецам давних лет, которые «жили в соответствии с Небом». По сути, это поиск правителя-мага, который, находящегося в неразрывной связи с Небом и транслирующим на землю небесную благодать. Это и призыв к каждому человеку соблюдать определенный набор ритуальных правил и даже определенный характер мыслей, которые позволяют постоянно поддерживать небесно-земную связь.

В конце III-начале II тыс. до н. э. на территории Центральной равнины Китая начали

складываться протогосударства, которое в то время представляли собой по сути племенные союзы. Этот период принято называть эпохой Шан-Инь – по названию племенного объединения, которое развивалось в среднем течении Хуанхэ, в основном на территории современной провинции Хэнань. Параллельно шанской цивилизации существовало еще несколько центров, например, в центральной части Китая, в провинции Сычуань, или на юге Китая, где сложилось гигантское и аморфное царство Чу, на территории которого вплоть до начала 1 тыс. н. э. процветала культура шаманизма и медиумизма. Одно из племенных объединений – Чжоу, существовавшее в рамках шанской цивилизации, в результате нескольких военных столкновений приходит в власти, кладя начало одному из самых долгих, противоречивых и интересных периодов в истории Китая – Чжоу (XI–III вв. до н. э.).

Эпоха Чжоу распадается на два отдельных периода, традиционно называемых Западной или Ранняя Чжоу (XI в. – 771 г. до н. э.) и Восточная или Поздняя Чжоу (771–246 г. до н. э.). В свою очередь Позднюю Чжоу принято разделять на два периода: Чуньцю – «Весен и Осеней» (770–476 до н. э.) и период Чжаньго – «Сражающихся царств» (475–331 до н. э.). Первый период получил такое название по имени летописи «Чуньцю» – «Весны и Осени», приписываемой Конфуцию, которая описывает события, происходящие в домене Чжоу. Период «Сражающихся царств», как несложно догадаться из его названия, оказался связан с непрекращающимися военными и политическими столкновениями между десятками крупных и мелких царств, возникших тогда на территории Срединной равнины.

Чжоуские лидеры не сумели, да и не стремились объединить все территории Китая под своей властью, к тому же само Чжоу постепенно превратилось в одно из многочисленных царств на Центральной равнине. Большинство этих царств некогда были наследственными владениями, выделенными правителем Чжоу (ваном) своим родственникам или ближайшим сподвижникам. Однако постепенно они начали обособляться, не признавать над собой власть вана и вести борьбу за гегемонию. Сам же домен Чжоу постепенно превращается в небольшое, хотя и развитое в культурном отношении царство. Некоторые лидеры царств формально признавали власть домена Чжоу, хотя ему не подчинялись, большинство же открыто игнорировало его. Царства дробились и враждовали между собой, вступали в стратегические союзы, которые быстро распадались. Ряд этих царств, располагавшихся на Центральной равнине, принято объединять под названием Срединные царства или Чжунго (сегодня – именно таково самоназвание Китая), где постепенно сложился костяк китайского этноса – этническая общность хуася. В некоторые периоды число таких царств достигало нескольких сотен, наиболее же влиятельными считались чуть более десятка царств, среди которых выделялись «семь гегемонов» – семь сильнейших, «семь сильнейших» (ци сюн): Цинь, Чу, Ци, Хань, Чжао, Вэй и Янь.

Существовал ещё целый ряд мелких царств, например, Чжоу, Сун, Лу (откуда происходил Конфуций), Се и другие. Многие государства оказались поглощены более сильными соседями. Так, царство Лу, где родился Конфуций, попало под власть мощного царства Чу. Масштаб царства отнюдь не находился в прямой зависимости от его культурного развития, например, наиболее высокоразвитое в этом отношении царство Чжоу, столицей которого был город Лои (ныне город Лоян в провинции Хэнань), являлось одним из

самых мелких царств. Однако именно там были сосредоточены многие архивы, сюда стекались знатоки ритуала из соседних царств и именно здесь, как утверждает предание, произошла встреча между Лао-цзы и Конфуцием.

...

На Центральной равнине во времена Конфуция в период Восточного Чжоу (770–221) насчитывались десятки царств

Страна, раздробленная на противоборствующие владения, вела долгие, изнурительные и бесполезные войны. В начале этой эпохи Поздняя Чжоу на территории центральной равнины оказалось около 140 мелких и крупных царств. Не проходило и года, чтобы между ними не возникали стычки. Служилась даже особая категория бродячих мудрецов, особых служивых мужей (ши) которые, переходя из одного государства в другое, пытались уладить конфликты между правителями.

И именно в этот период позднего Чжоу начали закладываться основы практически всех духовных школ и мистических учений Китая, многие из которых дошли до сегодняшнего дня, в том числе и учение Конфуция. Для этого было две основных причины. Прежде всего – причина внешняя, социальная и очевидная. Она заключается в поисках объяснения того хаоса, который сложился в царствах на Центральной равнине, разрушении традиционных общин и статусов.

Издревле китайская социальная система была чётко поделена на уровни, каждому из которых предписывались свои строжайшие нормы поведения, причём эти предписания порой касались даже мелочей. Существовал принцип: «Кто знатен – тот богат». Незнатный не мог быть не только богатым, но даже зажиточным. Например, было точно известно, в каких одеждах кому ходить, какую пищу есть, какие обряды совершать. Высшая аристократия так и называлась – «те, кто ест мясную пищу», в то время как на столе простолюдинов мясо не появлялось, и не потому, что его не хватало на всех, – причина заключалась в ритуальных предписаниях.

Несколькими веками ранее в обиходе появилось железо. Это нарушило гармонию общественных отношений, позволив людям, не обладающим знатностью, богатеть за счёт обработки новых земель. В результате возникли так называемые «сильные дома». Казалось, золотой век китайской государственности остался позади, в страну приходят «смута и хаос». Нет уже великих мудрецов древности – Яо, Шуня, Хуан-ди, Чжоу-гуна, способных вернуть Китай в лоно вселенской гармонии. Да разве найдётся сегодня тот, кто передаст правление не по наследству, а по заслугам – самому достойному, как великий правитель древности Яо, передавший трон Шуню? Нет, нравы измельчали, все власть предержащие заботятся лишь о собственном достатке и страдают неумеренными амбициями. Китай раскололся на множество мелких царств, непрестанно враждовавших между собой.

Не это ли – знак утраты гармонии в Поднебесной, о которой говорил Конфуций? Среди духовных учителей и служивых мужей идет мучительный поиск способов того, как восстановить утраченное равновесие, и основной мыслью Конфуция станет идея

возвращения старых правил и ритуалов, и – что самое главное – того состояния сознания гармонии с Небом, которое было присуще правителям прошлых эпох. При этом все резче и резче проявляется дисперсность культуры на территории Китая – страна оказывается расколота не столько на царства, сколько на множество самостоятельных в культурном плане регионов.

В китайской истории ранний период правления Чжоу считается едва ли не идеальным временем в жизни людей и государства, когда все жили в достатке и каждый «знал своё место». Как сказал бы Конфуций, «правитель был правителем, а подданный – подданным».

Основатель Чжоу – Чжоу-гун представлялся мужественным, трудолюбивым и добродетельным человеком. Он выгодно отличался от своего неудачливого предшественника, последнего правителя династии Инь, который погряз в разврате. Именно Чжоу-гуну история приписывает лозунг: «Уважать добродетель и оберегать народ». Многие мудрецы, в том числе и Конфуций, называли его образцом лучших нравственных качеств, подтверждённых временем. Учитель ставил Чжоу-гуна выше всех правителей древности, указывая на то, что он «полностью овладел культурным началом», а значит, и «ритуальными» нормами поведения, в которых Конфуций видел основу вселенской гармонии.

Вторая причина почти единовременного появления (точнее – проявления) десятков духовно-философских

школ значительно менее очевидна, но не менее важна. По сути, то что проповедуют философы «ста школ» (бай цзя), то есть тех многочисленных интеллектуальных групп, складывающихся вокруг духовных наставников, является переработкой неких мистических культов и идей, вынесенных «на люди», оккультуренных, приведенных в относительное логическое единство. Жизнь этих людей – разрыв со старым медиумизмом и оккультной практикой, из которой они выросли, их проповедь – переложение идеи мистического единения с Небом и духами на язык светского служения государству и обществу. Для Конфуция формой такого единения является сложнейший набор форм поведения и состояний сознания, которое он обозначал как ли– ритуал или правила.

Сильнейшие социальные и духовные кризисы, разрушение идей архаического оккультизма и потеря веры в духов – всё это способствовало рождению совсем иного типа философии. Итак, вторая причина заключена в десакрализации мистической традиции, выводе ее на уровень широкой проповеди.

В этой проповеди высший небесный дух-правитель шанди постепенно уступает место другому началу – Дао (Путь), не имеющему антропоморфного воплощения, и не требующего никакого поклонения. Происходит постепенный отрыв от ранне-архаической традиции предыдущего периода Шан-Инь (XVI–XI вв. до н. э.) с её верой в многочисленных духов и антропоморфными представлениями о Небе. В Китае в этот период формируются все основные философские и духовные школы, лидерами которых становятся Конфуций, Лао-цзы, Ян Чжу, Чжуан-цзы, Мэн-цзы, Хань Фэй-цзы и другие. Кто-то оставляет после себя обширные труды, записи бесед с учениками, как, например, Конфуций или Хань Фэй-цзы, высказывания же других, таких как Ян Чжу, встречаются лишь во вторичных источниках, и мы не можем с уверенностью сказать, насколько они точно

передают слова мудреца.

Для многих духовных наставников, воспитанных в традициях магической практики, дробление царств означало дробление благодатной силы (дэ) правителя. По представлениям, характерным для Древнего Китая, правитель обладал огромной духовной мощью, которая дарована ему Небом, а основная функция такого правителя – опосредовать связь между Небом и Землей, передавать благодатную энергию подданным. Представление о ней сложилось ещё в глубокой древности, когда мир понимался как место встречи людей с духами и поэтому был пропитан особой «энергией». Именно благодать правителя стала позже одним из ключевых моментов учения Конфуция о государстве и роли в нём правителя. Безраздельная власть требовала одновременно и особой нравственной чистоты, добродетельности, личного духовного совершенства вана, к чему и призывал Конфуций.

Что-то разладилось в Поднебесной... Разрушился стержень взаимоотношений между людьми. Неужели великую страну ожидают хаос и смута?

Именно в этот момент многие мудрецы, философы и мистики, страшась «великой смуты в Поднебесной», размышляли над способами, которые могли бы привести страну к покою и процветанию. На этой волне возникло множество духовных, философских и политических учений. Некоторые из них угасли за несколько столетий или даже десятилетий; другие – такие, как конфуцианство, легизм, даосизм, – настолько внедрились в культуру Китая, что китайская цивилизация сегодня просто немыслима без них.

Казалось, духи, которым поклонялся Китай, оказались не способны привести страну к гармонии. Наступил кризис архаического сознания, духообщение уже не давало человеку полноты истины, а человек стремился именно к ней, его больше не устраивало просто спасение от бед и несчастий. Не случайно Конфуций однажды заметил, что «если утром постигнешь истину, то к вечеру можно и умереть».

«Лунь юй»: муж достойного поведения [2]

I, 6

Учитель сказал:

– Молодые люди, находясь дома, должны проявлять почтительность к родителям, выйдя за ворота – быть уважительными к старшим, в делах – осторожными, в словах – правдивыми, безгранично любить людей и особенно сближаться с теми, кто обладает человеколюбием. Если у них после осуществления всего этого еще останутся силы, то потратить их надо на изучение культуры (вэнь)

...

Здесь под «культурой» подразумевается целый комплекс знаний и навыков, в том числе изучение древних канонов, каллиграфия, а также норм ритуального поведения и т. д. Все это вместе должно привести к самораскрытию человека.

II, 18

Цзы Чжан упорно учился, надеясь получить государственное содержание. Учитель посоветовал ему:

– Больше слушай, будь сдержан, а когда возникает у тебя сомнение, говори об этом осторожно. Тогда и нареканий тебе будет мало. Больше наблюдай, обходи опасное, а в остальном же будь осмотрителен, – и тогда редко будешь раскаиваться в содеянном. Когда слова будут вызывать мало нареканий, а в поступках не придется часто раскаиваться, тогда и получишь ты государственное содержание.

...

Цзы Чжан – ученик Конфуция Чжуаньсунь Ши.

IV, 14.

Учитель сказал:

– Не печалься, что не занимаешь достойного поста – печалься, если способности твои не соответствуют этому посту. Не печалься, что люди не знают тебя – поступай так, чтобы они смогли узнать тебя.

IV, 23.

Учитель сказал:

– Редко бывает, чтобы ошибался человек сдержанный.

IV, 25.

Учитель говорил:

– Добродетельный человек не одинок-неприменно найдутся единомышленники.

V, 16.

Конфуций так отозвался о Цзы-чане:

– Он обладал четырьмя качествами (Дао) благородного мужа: свершая дела, он исходит из самоуважения; служба вышестоящим он исходит из ответственности, в наставляя народ, исходит из доброты; управляя народом, исходит из справедливости.

...

Цзы-чань (Гун Сунь-цяо) – прозвище сановника из царства Чжэн.

VI, 14

Учитель сказал:

– Мэн Чжифань никогда не хвастался своими заслугами. Когда его войско обратилось в бегство, он следовал позади его, а когда войско вступало в город, он стегнул своего коня, сказав: «Я не смел бы быть позади, да вот конь мой не шел вперед».

...

Мэн Чжифань – аристократ из царства Лу.

IX, 16

Учитель сказал:

– Во внешнем мире (т. е. при дворе) следует служить правителям и сановникам, дома надо служить отцам и старшим братьям, нельзя проявлять леность в совершении погребальных ритуалов и не стоит хмелеть от вина. Но что во мне самом есть из всего этого?

IX, 29

Учитель сказал:

– Мудрый не сомневается, человеколюбивый не печалится, храбрый не боится.

XIII, 8

Учитель сказал о вэйском царевиче Цзине:

– Да, он умеет вести дела своей семьи. Когда у него появляется что-нибудь, он говорит: «Достаточно». Когда же он получает сверх этого, то говорит: «Богатею». Когда же получает еще больше, то произносит: «Замечательно!».

XIV, 2

Учитель сказал:

– Если служивый муж (ши) думает лишь о спокойствии и удовольствиях, то он не достоин так называться.

XIV, 12

Цзы Лу спросил, кого можно назвать совершенным человеком. Учитель ответил:

– Если взять знания Цзан Учжуна, бескорыстие Гунчо, храбрость Чжуан-цзы из города Бянь, мастерство Жань Цю, да прибавить к этому познания в Правилах и музыке, то может получиться совершенный человек.

А затем добавил:

– Но вряд ли таким должен быть ныне совершенный человек. Если он предпочитает долг выгоде, рискует жизнью, столкнувшись с опасностью, помнит о своем обещании даже в трудные времена, то уже такого человека можно назвать совершенным.

...

Цзян Учжун, прославился своим умом, современники называли его мудрецом. Чжуан-цзы – правитель города Бянь в княжестве Лу.

XIV, 25

Цюй Боюй послал человека побеседовать с Конфуцием. Конфуций почтительно усадил гостя и спросил:

– Что заботит Вашего хозяина?

Посланец ответил:

– Он все время размышляет, как бы поменьше совершить ошибок, но пока еще не достиг желаемого.

Когда посланец удалился, Учитель произнес:

– Вот так посланец! Вот так посланец!

...

Цюй Боюй – аристократ из царства Вэй, его гостеприимством пользовался Конфуций во время пребывания в Вэй.

Начало пути Учителя

Практически каждый эпизод жизни великого учителя описан достаточно подробно, хотя, естественно, большая часть этих подробностей – мифологическая. Слои за слоями формировалась священная биография Конфуция, шаг за шагом скромный и честный наставник, посвященный священнослужитель и неудачливый администратор превращался в символ всей китайской традиции, небожителя и основателя государственной доктрины.

Конфуций появился на свет в царстве Лу на территории современной провинции Шаньдун, в местечке Цюйфу, где сегодня разбит огромный музейный и храмовый комплекс, посвященный «учителю учителей».

В его жизни много необычного и знакового. Уже само его рождение оказалось окружено слухами и преданиями. Великий мудрец родился от связи, которую называли «странной», «варварской», нарушающей правила» и даже «противозаконной и развратной». Его отец Шулян Хэ, которому уже минуло, 70 лет вступил в связь с очень

юной девушкой из рода Янь. Не очень понятно, что подразумевал Сыма Цянь, называя в своих «Исторических записках» эту связь «странной» или «развратной» (се цзяо). Возможно, что Шулян Хэ и девица Янь Чжи отнюдь не состояли в официальном браке, а лишь сожителем; возможно, что при бракосочетании не были соблюдены все обряды, которым в те времена необходимо было строго следовать; может быть многие были недовольны тем, что разница в возрасте «молодых» была почти в 40 лет. Могли ли такие слухи не отразиться на юном Конфуции? Сын благородных родителей, знавший славную историю своего рода и ратные подвиги отца, он вряд ли мог забыть об обстоятельствах своего появления на свет.

И вечно должен был своим примером доказывать, что свойства людей одинаковы независимо от их рождения, что важно другое – способна ли душа человека следовать древним канонам, может ли он неустанно воспитывать себя, изгонять из себя неискренность и злобу, пестуя в своём сердце человеколюбие.

Высказывались даже предположения, что сам Конфуций был незаконнорожденным, он не получал всей полноты той аристократической власти, которая полагалась бы ему по закону – а отсюда многие обиды, которые пришлось ему претерпеть в детстве. Но, возможно, это лишь домыслы. Так или иначе, предания в «Исторических записках» рассказывают, что Шулян Хэ, который уже имел несколько дочерей, в возрасте 63 лет решил взять наложницу, которая, наконец, родила ему сына. Но и здесь неудача – сын оказался хромоногим. Шулян Хэ в отчаянии начал искать себе новую спутницу, и внезапно совсем юная девушка из города Цюйфу, представительница знатного рода Янь, согласилась связать свою жизнь со старым воином. Эта женщина и подарила миру 27 августа 551 г. до н. э. великого мудреца – Конфуция. При рождении долгожданному мальчику дали имя Чжун Ни. Случилось это так: «Они пошли вместе и вознесли на холме Ницью молитвы Небу и после этого она понесла Кун-цзы. На двадцать второй год правления луского властителя Сян-гуна на свет появился Кун-цзы. Родился он с бугорком на голове, а поэтому дали ему имя Цюй – «холмистый». Его второе имя (цзы) было Чжунни, а его клановое имя – Кун» [12, 1905].

По-китайски, цюй– это округлый холм с небольшой ложбиной посередине. По преданиям, именно такой формы голова была у Конфуция и таким он предстает на многих более поздних канонических изображениях. Кажется, что историограф Сыма Цянь передает нам на самом деле не одну, а сразу две легенды, которые он смешивает воедино: мудреца называли Цюй то ли из-за моления его родителей на холме, то ли из-за странной формы головы. Сыма Цянь по своей традиции никогда не комментирует записываемые им предания, нам же может быть интересно понять суть такого странного прозвища.

...

По легенде, Конфуций с детства отличался странной «бугристой» формой головы. (Худ. Ма Юань, XII в.)

Достоверно не известно, была ли у Конфуция действительно голова столь необычной формы. Что, впрочем, само по себе не толь важно – важна сама символика столь странной головы. Хорошо известно другое: все великие мудрецы древнего Китая обладали

каким-то характерным признаком, неким физическим недостатком, который явно указывал на их чудесность и необычность. Так мудрец Фуси, принесший людям иероглифическую письменность, приготовление пищи и вообще, многое из того, что мы называем культурой, также изображался в виде странного вида человека либо с небольшими рожками на голове, либо с впадинкой посреди головы (что, в сущности, одно и то же). «Бугристой» головой отличался и легендарный первоправитель Китая «Желтый правитель» Хуан-ди, так иногда изображался другой священный правитель, основатель земледелия Шэнь-нун, в более поздние эпохи так представляли даосские маги (например, Чжан Саньфэн в XIII в.).

Семья будущего великого наставника принадлежала к так называемым «малым домам» – некогда славным, а ныне разорившимся аристократическим семьям, не имевшим большого влияния на политику и не располагавшим ни большими земельными наделами, ни заметным количеством подданных. В известной степени это отразилось и на психологии молодого Кун-цзы, который считал, что происходит разрушение древних обычаев, когда «все находилось на своих местах» – когда людям воздавали по их положению, званию и, конечно же, мудрости и преданности правителю. Теперь же, когда при дворе «служат недостойные» многие представители «малых домов» типа Конфуция вынуждены быть на малых должностях, а то и оставив отправляться на чужбину.

Многие предания указывали, что Конфуций происходил не только из аристократической семьи, но из царского рода, причем эту линию тянули из глубокой древности. По преданиям, известный аристократ из царства Лу Мэн Сицзы (два его сына стали учениками Конфуция) лишь перед смертью поведал, что Конфуций происходил из линии Фу Фухэ, который был старшим сыном правителя Мин-гуна из царства Сун. Он уступил свое право на правление своему младшему брату Ли-гуну (IX в. до н. э.). Затем через несколько поколений наследование перешло к Чэн Каофу, который служил трем правителям царства Сун в 799–729 гг. и прославился своим уважительным отношением к своим господам. Как сочли китайские комментаторы, другим именем Чэн Каофу и было Кун Фуцзя [13, гл. «Чжао-гун», 44.166-17а].

Собственно, как нам пытаются показать китайские историки и прежде всего Сыма Цянь, именно Кун Фу или Кун Фуцзя и был прямым основателем рода Кунов. В 710 г. видный аристократ Хуа Ду казнит Кун Фуцзя и занимает вместо него пост советника в царстве. По преданию, причина этого была весьма тривиальна – Хуа Ду «увидел красоту его жены Кун Фу и обрадовался».

Упоминаний об отце Конфуция – Шулян Хэ мы не встречаем ни в каких ранних источниках, непосредственно не связанных с самим Конфуцием. Лишь местные хроники «Цзо чжуань» упоминают некоего Шу Хэ из области Цзоу, возможно он и был отцом великого Учителя. Прославился этот Шу Хэ своими воинскими доблестями и невероятной силой. Когда триста воинов отряда, которым он руководил в борьбе против царства Ци, прорывались в город Биян и уже начали входить в ворота, противник начал опускать тяжелые ворота, рассекая атакующих надвое. И тогда могучий Шу Хэ, подставив предплечья, сумел удержать ворота и дать пройти своему отряду [13, гл. «Сян-гун», 31.36]. И хотя в этом рассказе ничего непосредственно не указывает на Шу Хэ именно как на отца Конфуция, уже Сыма Цянь в исторических записках пересказывает

эту историю, используя имя Шулян Хэ. Так за счет небольших «косметических» подправлений Конфуций получал свою славную предысторию. А это очень важно для того, кто столь трепетно проповедовал прежде всего уважение к предкам.

Шулян Хэ был представителем четвертого поколения рода Кунов. С ним происходит какая-то странная история, суть которой сегодня уже не дано нам понять. Странность заключалась в том, что будучи столь славным воином, он не получает ни званий, ни наград, ни официальных должностей. После войны он возвращается в родное местечко Цзоу (по некоторым предположениям, он получает его во владение в качестве признания заслуг), когда ему исполнилось уже 63 года.

Конфуций был беден и, по-видимому, страдал от этого. В одной из бесед он упоминает: «В молодости я был беден, поэтому я освоил многие презренные занятия» (9, 6). Карьера великого наставника начинается весьма обыденно и скромно. Он занимал невысокий и не очень значимый пост, вел хозяйственные записи – занимался учетом скота. «Все, за что я отвечал, чтобы овцы и коровы росли сильными и здоровыми» (Мэн-цзы, V б,5). В общем, его первые шаги были весьма характерны для потомков обедневшей аристократии его времени.

С юности жизнь учила Конфуция немало мужеству. Ему ещё не исполнилось и семнадцати, как умерла его мать. Его не приглашали на пиры, которые устраивались знатными родами в царстве Лу, потому что его род, хотя и благородного происхождения, был из числа «малых домов» – бедных и маловлиятельных. Не раз Конфуцию приходилось испытывать и публичные унижения, презрительные взгляды богатых вельмож... Не тогда ли он понял, что «благородный муж может быть огорчен лишь тем, что не обладает способностями, но не беспокоится о том, что люди не знают его»? Невзгоды не ожесточили его сердце – наоборот, он увидел в них средство самовоспитания, обнаружил в своей душе ту удивительную любовь к людям, которой впоследствии учил других.

В 525 Конфуций, занимавший тогда, невысокий чиновничий пост, был представлен наместнику Тану во время его визита в Лу. По преданиям, Конфуций имел честь рассказать ему о том, что в прошлом официальные присутственные места назывались по названиям птиц [13, гл. «Чжао-гун», 48, 3б-9а]. Он вообще с молодых лет подпадает под обаяние уложений прошлых эпох – тех, где остался его идеал «мудрого и справедливого правления» и когда еще не была нарушена связь между людьми и духами.

«Лунь юй»: путь Учителя

I, 16

Учитель сказал:

– Не печалься, что люди не знают тебя. Печалься, что сам не знаешь людей.

II, 4

Учитель сказал:

– В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе. В тридцать лет встал на ноги. В сорок освободился от сомнений. В пятьдесят познал волю Неба. В шестьдесят научился отличать правду от неправды. В семьдесят стал следовать желаниям сердца и не переступал меры.

II, 11

Учитель сказал:

– Тот, кто, повторяя старое, способен обрести новое, может стать наставником.

II, 21

Некто спросил Конфуция:

– Почему Вы не участвуете в управлении [государством]? Учитель ответил:

– В «[Каноне] истории» говорится: «Когда надо проявлять сыновнюю почтительность – проявляй ее, будь дружен со старшими и младшими братьями». В этом и кроется суть правления. Таким образом, я уже участвую в управлении. К чему непременно состоять на службе ради управления?

...

«Канон истории» («Шу цзин») – сборник исторических преданий с с мифических времен до периода Чуньцю, (с XXIV по VIII в. до н. э.)

III, 24

Начальник пограничной службы в И, желая встретиться [с Учителем], сказал:

– Когда сюда прибывали благородные мужи, я встречался с каждым. Ученики попросили [Учителя] принять его.

Выйдя от Учителя, он сказал:

– Почему вы так обеспокоены, что нет у вас чиновничьих постов? Поднебесная уже давно лишилась Дао, скоро Небо сделает Вашего Учителя колоколом.

IV, 15

Учитель сказал:

– Шэнь! Мой Дао-Путь пронизан Единым. Цзэн-цзы ответил:

– Воистину!

Когда Учитель вышел, ученики спросили:

– Что это значит?

Цзэн-цзы ответил:

– Путь Учителя включает лишь два понятия – чжун-верность и шу- снисхождение.

...

Шэнь – Цзэн Шэнь (Цзэн-цзы), один из самых любимых учеников Конфуция.

V, 26

Янь Юань и Цзылу стояли подле Учителя.

– Расскажите мне, – сказал Учитель, – чего бы вы оба хотели?

– Я бы хотел, – ответил Цзылу, – делить и повозку, и платье на меху с друзьями. А если сломают или износят – не досадовать.

– А я бы хотел, – сказал Янь Юань, – не кичиться достоинствами и не выставлять напоказ заслуги.

А Цзылу сказал:

– Позвольте услышать и о желаниях Учителя.

И Учитель ответил:

– Чтобы старики жили в покое, чтобы друзья были правдивыми, а младшие проявляли заботу о старших.

VI, 12

Жань Цю сказал:

– Не сказать, что я не могу оценить вашего Учения-Дао, просто сил мне не хватает.

Учитель сказал:

– Те, кому сил не хватает, останавливаются на полпути. Ты же не сделал еще и шага.

VII, 2

Учитель сказал:

– Запоминать и хранить в своем сердце; усиленно учиться, не зная пресыщения; наставлять других, не ведая усталости, – что из этих трех принципов я претворяю?
...

Здесь изложен один из основных принципов жизни мистических наставников – устная передача знания и наставление в нем других людей.

IX, 7

Лао сказал:

– Учитель говорил: «Я не был использован на государственной службе, поэтому овладел некоторыми искусствами».
...

Личность Лао вызывает споры, возможно, это был ученик Цай Лао из царства Вэй.

VII, 11

Учитель сказал Янь Юаню:

– Когда нас привлекают на службу – действуем. Когда нас отвергают – удаляемся. Только мы с тобой можем так поступать.

Цзы Лу спросил:

– А если бы Вам доверили командовать армией, кого взяли бы с собой?

Учитель ответил:

– Не того, кто с голыми руками бросается на тигра или вплавь переправляется через реку и в результате безрассудно гибнет. Я бы взял того, кто начинает дело с осторожностью, и не только любит продумывать планы, но и способен добиться успеха.

VII, 12

Учитель сказал:

– Если бы богатства можно было домогаться, то я согласился бы стать даже возницей. Поскольку домогаться невозможно, я займусь тем, что мне нравится.

VII, 16

Учитель сказал:

– Есть грубую пищу, пить воду, спать на согнутом локте – во всем этом тоже есть

радость. А богатство и знатность, нажитые нечестно, для меня – что плывущие облака!

VII, 17.

Учитель сказал:

– Если бы мне прибавили несколько лет жизни, то я имел бы возможность в пятьдесят лет изучать «Канон перемен» и, возможно, избежал бы больших ошибок.

VII, 24

Учитель сказал:

– Вы, ученики, полагаете, что я что-то скрываю от вас? Я ничего не скрываю от вас. Я ничего не делаю без вас. Таков я.

VII, 28

Учитель сказал:

– Вероятно, есть люди, которые могут делать что-либо, ничего при этом не зная. Я, увы, не таков. Мне приходится многое слушать, выбирать из этого доброе и следовать этому. Мне приходится наблюдать многое и запоминать это. И все же такие знания вторичны»

Вторичным знаниям противопоставлены те, что даны от рождения

VII, 33

Учитель сказал:

– В учености я подобен другим людям. Что же касается достоинств благородного мужа, то в этом я, увы, не преуспел.

VII, 34

Учитель сказал:

– Что касается высшей мудрости и человеколюбия, то разве смею ли я обладать ими? И все же я учусь и тружусь, не зная пресыщения, обучаю, не ведая усталости, – только это и можно сказать обо мне.

Гунси Хуа сказал:

– Мы как раз этому и не можем никак научиться.

IX, 5

Когда Учителю угрожали в местечке Куан, он сказал:

– После смерти [чжоуского] Вэнь-вана я стал тем, в ком заключена культура (вэнь). Если бы Небо действительно хотело бы уничтожить культуру, то оно не наделило бы ею меня. А коль само Небо не уничтожило ее, стоит ли мне бояться каких-то куанцев?

...

Жители местечка Куан приняли Конфуция за их обидчика Ян Хо продержали философа с учениками в окружении целых 5 дней.

IX, 13

Цзы-гун сказал:

– Вот кусок прекрасной яшмы. Спрятать ли нам ее в шкатулку или же постараться продать ее за хорошую цену?

Учитель сказал:

– Продать, продать! Я ожидаю покупателя.

...

Считается, что под «прекрасной яшмой» имеется ввиду сам Конфуций, который выбирает, либо ему укрыться от людей, либо служить достойным правителям.

IX, 19

Учитель сказал:

– Вот, например, я заканчиваю возведение холма. И пускай мне осталось насыпать лишь корзину земли, но я остановился. Вот это и есть остановка. Или, например, если я на ровном месте [начинаю возводить холм], то пускай я высыпал лишь одну корзину земли, то я уже продвинулся. Вот это и есть продвижение

...

Конфуций имеет в виду постижение Учения, где истинное знание приходит от методичной работы. И даже у продвинутого человека перед достижением Высшего знания может быть остановка, что отбросит его назад.

IX, 15

Учитель сказал:

– После моего возвращения из царства Вэй музыка наконец была исправлена, а оды и гимны обрели должное место.

...

Речь идет о том моменте, когда 69-летний Конфуций после долгих странствий возвратился в родное царство Лу. Именно после этого, умудренный опытом, он начинает редактировать древние каноны.

XIII, 10

Учитель сказал:

– Если бы правитель использовал меня на службе, то уже через год я навел порядок, а через три года добился бы успеха.

XIII, 21

Учитель сказал:

– Увы, не вижу вокруг себя людей, что способны придерживаться середины. Посему вынужден сходить с теми, кто своеволен или излишне осторожен. Своевольный хватается за любое дело, осторожный же избегает неприятностей.

XIV, 13

Учитель спросил у Гунмин Цзя о Гуншу Вэньцзы:

– Правда ли, что твой учитель не говорит, не смеется и не берет подношений?

Гунмин Цзя ответил:

– Те, кто сообщил об этом, ошибаются. Когда надо сказать, он говорит, но так, чтобы никого не утомить. Когда он весел, он смеется, но так, чтобы никого не задеть. Когда надо взять по справедливости, он берет, но так, чтобы ни у кого не вызвать осуждения.

Учитель сказал:

– Это так? Неужто он действительно так и поступает?

...

Гунмин Цзя служил при дворе аристократа Гуншу Вэньцзы. Гуншу Вэньцзы (Гунсунь Ба) сановник из Вэй, внук правителя царства Сянь-гуна.

XIV, 29

Цзы Гун любил давать оценку людям. Учитель сказал:

– Как ты мудр, Цы! А вот у меня на это нет времени.

XV, 3

Учитель спросил:

– Цы! Ты полагаешь, что я, многое изучая, всё запоминаю?

Тот ответил:

– Конечно, а разве не так?

– Нет, – ответил Учитель, – у меня все пронизано Единым.

XV, 16

Учитель сказал:

– Если человек сам не спрашивает себя: «Как же быть? Как же быть?», – то и я не знаю, как с ним быть.

XV, 31

Учитель сказал:

– Бывало так, что дни и ночи я проводил в раздумьях без сна и пищи. Но все тщетно...
Лучше уж учиться!

XVI, 13

Чэнь Кан спросил у Бо Юя – сына Конфуция:

– Есть ли что-нибудь особенное, о чем ты слышал от отца?

Тот ответил:

– Нет, ничего особенного.

Как-то раз Учитель был один, а я пробежал в это время по двору, и он спросил меня: «Ты уже учил «Канон песнопений»? Я ответил: «Еще нет». Тогда он сказал: «Если ты не будешь учить «Канон песнопений», у тебя не будет ничего, о чем говорить». Тогда я пошел и стал учить «Канон песнопений»

В другой раз Учитель опять был один. Я пробежал в это время по двору. Он спросил меня: «Ты уже учил Правила?» Я ответил: «Еще нет». Тогда он сказал: «Если ты не будешь учить Правила, у тебя не будет ничего, на чем утвердиться». Тогда я пошел и стал учить Правила. Вот только об этих двух вещах я и слышал от него.

Чэнь Кан вышел и радостно сказал:

– Я спрашивал об одном, а узнал сразу три: о Стихах, о Правилах и о том, как благородный муж узнал, как благородный муж далек от сына.

XVII, 1

Ян Хо хотел встретиться с Конфуцием, однако тот не являлся к нему. Тогда Ян Хо послал ему жареного поросенка. Но Конфуций отправился к нему с визитом, лишь узнав, что самого Ян Хо нет дома. Неожиданно они встретились на дороге. Ян Хо сказал:

– Подойди поближе, я хочу поговорить с тобой.

Конфуций подошел.

– Можно ли считать человеколюбивым того, кто наделен большими способностями и тем не менее спокойно взирает на хаос в государстве? – спросил Ян Хо.

Конфуций промолчал.

– Нет, нельзя, – ответил сам себе сказал Ян Хо и продолжил речь.

– Можно ли назвать умным того, кто стремится поступить на службу и тем не менее упускает возможность одну за другой?

Конфуций вновь промолчал.

– Нет, нельзя, – ответил сам себе Ян Хо. – Время уходит безвозвратно, оно не ждет.

Конфуций ответил:

– Верно сказано! Я согласен поступить на службу.

...

Ян Хо был управляющим делами – клана Цзи в царстве Лу. Янь Хо, совершив переворот, заключил в темницу своего господина Цзи Хуаньцзы и взял управление в свои руки. Конфуций ведет себя очень тонко: формально отказываясь, как и положено благородному мужу, он позволяет себя уговорить.

Тайна обучения Учителя

В жизни Конфуция, несмотря на обширность биографических записей, существует немало загадок. И загадка его появления на свет – далеко не единственная, и тем более, не самая главная. Она скорее связана с неясностью его происхождения, и это в целом ничуть не влияет на его дальнейший путь. Но есть загадка куда более

серьезная и темная – загадка, на которую до сих пор не ответил ни один исследователь его жизни. Более того, многие либо намеренно, либо случайно избегают обсуждения этого вопроса: чему и как обучался сам Конфуций, где исток его собственного знания. Обычно на это отвечают весьма поверхностно, следуя классической китайской историографии: с детства Учитель увлекался изучением древних канонов, в том числе «Канона песнопений» («Ши цзин»), много учился и размышлял. И на основе этого сплава постоянного обучения и личного переживания и возникла философия Конфуция.

Безусловно, это правильно – действительно все источники указывают на то, что Конфуций уделял основное внимание именно изучению древних канонов, а также учился шести классическим искусствам «благородного мужа»: ритуалы, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, письмо и искусство счета. Впрочем, этому же обучались и сотни других выходцев из аристократических семей, практически любой служивый муж-ши проходил аналогичный путь. Но это не отвечает на главный вопрос: что же позволило Конфуцию войти в историю не как чиновнику и администратору, коими он постоянно стремился стать, а как наставнику и проповеднику некой традиции, которая уже позже и была названа конфуцианством.

Так чему же обучался сам Конфуций? Кажется, именно здесь и заключена основная тайна жизни и проповеди этого человека. Нигде, абсолютно нигде мы не встретим рассказа о сути его обучения, о его подготовке. Кажется, о нем рассказано буквально все, его ученики старательно записали то, как он ел, как сходил с повозки, как входил в дом правителя и как выходил оттуда, какие одежды носил. И все эти подробности создают ощущение, что о нем действительно рассказано практически всё. Но попробуйте узнать, какие ритуалы изучал сам Конфуций, кто наставлял его, с какими учителями он общался в период своей молодости, – ничего из этого узнать уже никогда не удастся. Из истории загадочным образом тщательно вымараны все упоминания о становлении самого Учителя. И такое «замалчивание» косвенным образом указывает, что где-то здесь и заключен ответ на вопрос об удивительной силе учения, что проповедовал Конфуций.

Чтобы постичь это, надо прежде понять, чему обучался сам Конфуций и как пытался предать свое учение дальше. Понять это не просто – как мы уже упоминали, многие сведения либо намеренно вымараны со страниц истории, либо принципиально никогда не записывались (а это было принято в мистических школах медиумов).

Для начала посмотрим, как Конфуция воспринимали сами правители, сановники и аристократы того времени, – ведь они наверняка должны были знать, к какому служению готовился Конфуций. И здесь нас ожидает первая неожиданность: почти никто не воспринимает его как потенциального чиновника и администратора, скорее наоборот, никто не привечает его в таком качестве и чаще его гонят из царств и от дворов правителей. Над ним нередко издеваются как над учителем, что собрал вокруг себя учеников и последователей, восклицая «Какой же это учитель!?» (XVIII, 7).

Но есть другая область его познаний, где, кажется, никто не сомневается в его посвященности: знание ритуалов, правил общения с духами, погребальные

церемониалы и все то, что можно назвать жреческой деятельностью. По сути, Конфуций воспринимается большинством «внешних» людей (т. е. не членами его школы) как священнослужитель и медиум, что может общаться с духами и передавать их веления Неба на землю.

И это открывает нам «скрытую» особенность биографии Конфуция: скорее всего он обучался в одной из магических школ и готовился именно к карьере священнослужителя. Но здесь было и его отличие от шаманов, мистиков и магов предыдущих эпох. Конфуций не стремится к сокрытию этой тайной традиции, наоборот, он выносит магические знания на люди и пытается при помощи них отрегулировать ситуацию в Поднебесной. Он социализирует эти жреческие знания, создает общедоступную школу, старается наставлять правителей царств и областей в надежде, что это восстановит гармонию среди людей и возобновит утраченную связь между людьми и духами. Увы, как показала вся жизнь Конфуция, две различных области человеческой деятельности – социально-государственная и жречески-магическая – не могут заменить одна другую. И единственным его стремлением в поздний период жизни становится желание передать ученикам суть своих знаний.

Так каких же знаний? Пожалуй, это самый загадочный вопрос: чему и как обучался сам Конфуций. Кто был его наставником, как проходило его обучение? Примечательно, что источники практически ничего не говорят об этом. Целый период жизни будущего великого наставника приблизительно до его тридцатилетия таинственным образом выпадает из поля зрения комментаторов и историков. Естественно, существует множество более поздних версий, но они опираются даже не на устные версии, а на предположения, изложенные в рамках становления идеального образа учителя и мудреца.

Такое «выпадение» в биографии человека, который определил развитие характера китайской цивилизации на тысячи лет вперед, не может не показаться странным, равно как и не может быть просто случайностью.

Действительно, почему ничего не сказано об учителях Конфуция, о формах его обучения, о тех методах, в которых он совершенствовался? Ведь это очень важно для Китая – знать имя твоего учителя, поскольку это как бы закрепляет твой статус в традиции. И вдруг – ничего. Абсолютно ничего: ни имен учителей, ни рассказов о возмужании Конфуция.

Впрочем, этому есть прямые параллели. Дело в том, что упоминания об учителях отсутствуют у целой плеяды китайских духовных наставников, например, у Лао-цзы, Чжуан-цзы, Мэн-цзы. Они как бы черпали мудрость от Неба, обладали ею изначально, что, в общем, соответствует мистической концепции «спонтанного пробуждения мудрости», что заложена в самом человеке. Большинство из таких персонажей принадлежит к даосской, а точнее к прото-даосской традиции, к мистическим и оккультным школам. Более того, эта традиция непосредственно тяготеет к архаическим шаманам и медиумам – и те и другие, хотя, безусловно, и могут формально изучать у кого-то методы оккультной практики, все же получают свои способности «от рождения», «от Неба». Их мастерство основывается не на получении этого формального знания, но

на целом ряде способностей входить в мистический транс, испытывать видения и трактовать их, «переводя» на доступный людям язык. И Конфуций принадлежит именно к этой категории людей, получивших «Знания от Неба».

...

Передача Знания в традиционной конфуцианской школе. Изображение на стеле

Не только он сам, но даже сами ученики Конфуция не считали, что он учился у кого-то конкретного. Вопрос, у кого учился сам Конфуций, интересовал многих его современников, что, в общем, легко объяснимо: если он один из мистических учителей, отшельников и медиумов, которые бродят по Китаю – то он получает свои знания от Неба. Но если же он обычный служивый муж из обедневшей аристократической семьи – то у него должны быть и учителя. Проблема заключалась в том. Что сам Конфуций представлял собой весьма необычный персонаж: он пытался совместить в себе оба этих качества, что, естественно, вызывало недоумение у тех, кто встречался с ним. Некоторые пытаются выяснить, от кого же получал свои знания Учитель. На один из таких вопросов ученик Конфуция Цзы Гун отвечает так, что становится ясно – их Учитель есть наследник потаенной мудрости правителей Китая прошлых поколений, от которых он мистическим образом и получает Знание. Он говорит: «Путь-Дао Вэнь-вана и У-вана не сгинул на земле, а растворился в душах людей. Достойные наследовали великое, а недостойные – малое.... Разве не всюду мог учиться наш Учитель? И неужели для этого нужен лишь один наставник?» (XIX, 22). Вэнь-ван и У-ван – первые правители династии Чжоу, объединившие разрозненные земли внутри единой протогосударственной общности, и их очень высоко ценил сам Конфуций. Таким образом, в традиции Конфуций тот «достойный», который «унаследовал великое» – и в этом были убеждены как ученики Конфуция, так и он сам: он несет в себе мистическое знание древних поколений.

Но, конечно же, какие-то реальные учителя у молодого Конфуция, безусловно, были. Однако традиция очень строго хранит эту тайну, поскольку это тайна посвящения Учителя, а не просто его формального обучения. Он действительно у кого-то приходил самое тщательное и очень строго обучение в жреческой практике – строгость подхода видна практически во всех его действиях и высказываниях относительно ритуалов. Конфуций, например, может снисходительно отнестись к несправедному правителю и даже к заговорщику, и – никогда к нарушителю ритуала. Священнослужитель не может потерпеть разрушение связи с Небом!

Лао-цзы: загадочный наставник Конфуция

Есть лишь одно упоминание об учителе Конфуция – но он оказалось столь неожиданным, что многими отвергалось как еще одно предание. И это упоминание гласит, что Конфуций учился у Лао-цзы, а точнее получал от него наставления в сути ритуалов.

Эта версия отвергалась многими средневековыми комментаторами как абсолютно невозможная: не мог основатель Конфуцианства учиться у основателя даосизма. Например, историки XVIII в. Ван Чжун и Цуй Шу считали, что даже если эта встреча

и могла состояться, то все древние хроникеры заметно приукрасили её. Так, Ван Чжун, считал, что сам Лао-цзы крайне негативно относился ко всем ритуалам, а поэтому вряд ли бы мог наставлять Конфуция в этом вопросе.

Но вспомним, что в тот момент еще никакого конфуцианства и даосизма просто не существовало. Был лишь круг посвященных мудрецов, которые пошли на службу государству. Лао-цзы, мистик и посвященный из южного царства Чу, пришел на север, в домен Чжоу, где получил пост хранителя архивов. Практически в то же самое время Конфуций странствует по царствам в поисках достойной государственной должности. Именно в домене Чжоу в городе Лои (ныне г. Лоян в провинции Хэнань) и должна была произойти их встреча. И встреча эта многократно описывается, являясь по сути символом передачи мистического знания от одного более старого мудреца (Лао-цзы) к другому – молодому Конфуцию. Наиболее подробное описание акта передачи знания можно встретить в «Исторических записках» («Ши цзи») Сыма Цяня, причем дважды: один раз в «Жизнеописании Лао-цзы», другой – в «Жизнеописании Конфуция», при этом оба описания заметным образом отличаются друг от друга. Сыма Цянь не одинок в своем описании встречи – оно с теми или иными вариациями встречается многократно в «Чжуан-цзы», «Люйши чуньцзо» («Вёсны и осени господина Люя»), в «Ли цзи» («Записи о ритуалах»).

Многое в этом диалоге двух мудрецов покрыто тайной, равно как и вообще все ученичество Конфуция. Была ли это просто встреча, или Конфуций действительно получал какие-то регулярные наставления от Лао-цзы. Так в «Люйши чуньцзо» прямо говорится: «Кун-цзы учился у Лао Даня (т. е. у Лао-цзы)».

Могло ли это быть на самом деле? Лао-цзы безусловно имел более высокий статус посвящения и мистический опыт. Он сам вырос в царстве Чу на юге Китая, прославленного своими шаманскими традициями и большим количеством школ медиумов и магов. В то время, когда на севере Китая, в том числе и там, где жил Конфуций уже происходил отход древних архаических традиций шаманов, в царстве Чу вовсю процветали древние экстатические культы. И Лао-цзы был одним из тех, кто принес эти знания на север Китая.

Само обучение Конфуция у Лао-цзы могло произойти именно в тот «темный» период, который вообще не упоминается в «Лунь юе» и о котором, судя по записям, сам Лао-цзы никогда не говорил. Тогда Конфуций был молод, в ту пору ему могло быть по разным предположениям от 17 до 34 лет. Именно в Лои был сосредоточен культурный центр того времени, содержался архив правителя, жила аристократия, сюда съезжались знатоки древних ритуалов и обычаев. Не удивительно, что Конфуций в поисках знаний и службы решил направиться к чжоускому двору.

Самое известное описание встречи Конфуция и Лао-цзы встречается в «Исторических записках» Сыма Цяня в «Биографии Лао-цзы» и содержит множество примечательных подробностей, буквально разбросанных по тексту:

«Конфуций приехал в царство Чжоу, чтобы спросить у Лао-цзы о смысле ритуале. Лао-цзы сказал: "Те, люди, о которых вы говорите, уже умерли, а кости их превратились в прах. Остались лишь их слова. Когда приходит время, благородный муж (цзюньцзы)

садится на лошадь, в другое же время он покрывает себя и уходит.

...

Лао-цзы по преданию, покинул службу и удалился от людей. Успел ли он перед этим передать свои знания Конфуцию?

Я слышал, что хороший торговец так глубоко запрячивает свои товары, что его лавка кажется пустой, а благородный муж, достигнув полноты Благодати, кажется глупцом. Избавься от своего заносчивого вида и многочисленных желаний, манерности и похотливых устремлений, – все это не имеет никакой пользы для тебя. Вот все, что я хотел сказать тебе"».

Вернувшись, Конфуций рассказал своим ученикам: «Я знаю, что птица может летать, рыба может плавать, животное может бегать. Чтобы поймать того, кто бегаёт, расставляют силки; на того, кто плавает, закидывают сети, а для того, кто летает, используют стрелу. Что же до дракона, то я не могу постичь, как он, оседлав ветер и облака, взмывает в небо. Сегодня я видел Лао-цзы – воистину он подобен дракону!»

Конфуций называет Лао-цзы «драконом» (лун) – и это не просто комплимент мудрецу. В эпоху Чжоу понятием лун обозначалось не столько мифологическое животное, сколько один из типов магов, которые во время ритуалов могли вступать в контакт с духами предков. Лун – дракон также был одним из тех духов, которые были перевозчиками душ в царство мертвых и в этом смысле также дублировали функции традиционного шамана, также проводившего души умерших [5, 196–202]. Итак, Конфуций признается, что повстречал одного из таких посвященных магов, причем его мастерство не может быть им даже постигнуто до конца.

Интересно, что Лао-цзы обвиняет своего собеседника в заносчивости, многочисленных желаниях и даже каких-то то ли «похотливых устремлениях» то ли «темных желаниях» (инь чжи). Не намек ли это на постоянное стремление Конфуций получить государственную должность, поступить на службу и за счет своих мистических знаний гармонизировать Поднебесную? Разве это не является с точки зрения Лао-цзы излишними амбициями и «похотливыми устремлениями»? Достаточно вспомнить, что сам Лао-цзы в конце концов покидает свою должность и уходит туда, «где следы его затерялись». Он отказывается выносить тайные знания на люди и передавать их непосвященным. А вот Конфуций, уже в раннем возрасте собирая вокруг себя учеников и стремясь стать советником правителей разных царств, по сути, отходит от традиции тайной передачи.

И именно поэтому Лао-цзы и говорит молодому Конфуцию о необходимости «запрячивать» истинное знание, а не выносить его на люди: «Хороший торговец так глубоко запрячивает свои товары, что его лавка кажется пустой, а благородный муж, достигнув полноты Благодати, кажется глупцом».

Не сложно догадаться, что Конфуций обращается к Лао-цзы с вопросами о мудрых первоуправителях древности, например, Чжоу-гуна и Вэнь-вана, в которых он видел

идеал сочетания тайного знания и открытого служения людям. Но Лао-цзы настроен к такому преклонению очень скептически: «Те люди, о которых Вы говорите, давно уже умерли». Это значит, что следует самому в прорыве мистического знания, достичь мудрости древних, а не формально почитать их.

А вот раздел «Жизнеописание Конфуция» из того же трактата «Исторические записки» содержит несколько иную версию, хотя ее можно воспринимать и как продолжение предыдущего рассказа.

«Когда он Конфуций собрался уходить, Лао-цзы проводил его и сказал: «Я слышал, что богатый и знатный человек делает другим подношения деньгами, в то время как человеколюбивый делает подношения словами. Увы, я не являюсь ни богатым, ни знатным человеком, лишь осмелюсь полагать, что я человек человеколюбивый. Поэтому я тебя провожу следующими словами: умные и глубокоумные люди быстро умирают. Образованный рискует своей жизнью за зло других. Человек, который стал мудрецом (цзы), уже не принадлежит самому себе. Человек, который получил государственный пост, также больше не принадлежит самому себе»

На первый взгляд, здесь Лао-цзы выступает почти как «конфуцианец», например, он говорит о «челоколюбивом человеке» (жэнь жэнь). Но само понятие жэнь («челоколюбие») лишь позже стало атрибутом именно конфуцианства. Ниже мы покажем, что во времена встреч Конфуция и Лао-цзы оно означало несколько иное: способность человека устанавливать непосредственную, прямую связь с небом, служить проводником небесной энергии на землю. А поэтому Лао-цзы выражает надежду на то, что он, не будучи богатым или знатным, прежде всего является тем, кто устанавливает связь между Небом и землей, то есть посредником, медиумом. И свою миссию – миссию такого посредника-мудреца он сравнивает с функцией чиновника, что не принадлежит себе и должен служить своему правителю. Мудрец же должен своим высшим Знанием служить людям.

Именно в этом и заключен скрытый смысл послания Лао-цзы молодому Конфуцию: магические знания, что когда-то были переданы ему, не могут остаться лишь внутри него и он должен предать их людям. В этом вообще была общая тенденция многих служивых мужей того времени, которые, получив воспитание в качестве священнослужителей, решали служить правителю и получать государственные должности. Но Лао-цзы, по-видимому, разочаровавшись в самой идее открытого государственного служения, когда царство Чжоу, в котором он жил, пришло к упадку, оставляет и должность и царство. Конфуций же до конца жизни следовал заветам своего наставника, предлагая свои услуги правителям разных царств.

Естественно, возникает множество сомнений в реальности не только такой встречи, но и самого факта обучения Конфуция у Лао-цзы. Действительно, в источниках очень много расхождений. Например, указываются разные даты встречи и разные местности, где путешествовали оба мудреца. Но, кажется, ни для автора «Исторических записок», ни для составителей «Чжуан-цзы», «Ли цзи» и других трактатов сам факт встречи не вызывал никаких сомнений. Так почему же он не упоминается в самом «Лунь юе» – основном источнике о жизни Конфуция? Но в «Лунь юе» вообще не упоминается ранний период жизни учителя, там нигде и ничего не говорится ни о его учителях, ни о

том конкретно, чему и как обучался сам Конфуций. Более того «Лунь юй» представляет собой записи его учеников сделанных ровно настолько, насколько, вероятно, сам Конфуций хотел этого.

Сегодня трудно с точностью сказать, сколько лет было Конфуцию в момент его обучения у Лао-цзы (если вообще принимать такое обучение за исторический факт, а не за предание). «Исторические записки» и ряд других источников говорят, что встреча произошла в 535 г. до н. э., когда Конфуцию было лишь семнадцать лет, Лао-цзы же был значительно старше. Разумеется, семнадцать лет – это возраст ученика, который действительно мог получать наставления от Лао-цзы. «Исторические записки», раздел «Жизнеописание Конфуция», называют ещё один вариант даты 522 г. до н. э., т. е. когда Конфуцию было 30 лет. Сами разночтения в дате, встречающиеся внутри одного и того же раздела, показывают, что Сыма Цянь сам не был до конца уверен, когда все-таки произошла знаменитая встреча, и поэтому называл лишь предполагаемые года правления, не решаясь говорить собственно ни о возрасте Конфуция, ни о возрасте Лао-цзы. Есть и другие возможные даты, когда Конфуцию исполнилось 27, 30 или 34 года [6, 148–149]. В любом случае он был молод и вполне мог быть именно учеником, а не равным собеседником Конфуция. Не это ли обучение у Лао-цзы имел в виду сам Конфуций, когда признался ученикам, что лишь «в тридцать лет я встал на ноги» или «в тридцать лет я утвердился в своих помыслах» (II, 4)?

Вероятно, это была отнюдь не одна встреча. В разных трактатах рассказываются о нескольких случаях бесед Лао-цзы с Конфуцием – и во всех них Конфуций выступает как ученик, а не как равный мудрец. Так, Лао-цзы тщательно наставляет его в погребальных ритуалах и обрядах – в том, что так высоко ценил сам Конфуций и что предавал своим ученикам. Например, в трактате «Ли цзи» («Записи о ритуале») описывается четыре случая бесед, в которых Лао-цзы наставляет Конфуция именно в погребальных ритуалах, в частности объясняет ему, что похороны человека во время затмения могут стать проявлением неуважения к усопшему. Например в разделе «Цзэн-цзы вэнь» («Вопросы Цзэн-цзы») приводится любопытный рассказ, приписываемый самому Конфуцию. «Конфуций сказал: «Однажды я следовал за Лао Данем на похороны в Сяндань. Когда мы достигли Хэна, то случилось солнечное затмение, и Лао Дань заметил: «Цю! (имя Конфуция – А.М.). Останови погребальную повозку справа от дороги. И останови слезы, дабы следовать изменениям»

Все эти подробности весьма примечательны: о таких вещах могут беседовать лишь два священнослужителя, два человека, чьей профессиональной обязанностью является выполнение самых важных ритуалов. Таким образом перед нами два «жреца» и носителя единого учения, причем Конфуций здесь выступает как старательный ученик.

Они не были в момент своей встречи столь разными – такими их сделала последующая традиция, разнеся Конфуция и Лао-цзы по разным школам духовной мысли древнего Китая. Скорее, они были очень близки по духу. Оба обучались какой-то мистической традиции, она решили пойти на государственную службу, оба считали что истинный Ритуал заключен не в исполнении каких-то формальных церемониалов или действий, а в установлении постоянной связи с Небом и духами.

«Лунь юй»: тайна Учителя

V, 13

Цзы Гун сказал:

– Суждения Учителя о культуре (вэнь) еще можно услышать. Суждения же Учителя о природе человека и о Дао Неба невозможно услышать.

VII, 21

Учитель не говорил о чудесах, физической силе, хаосе и духах.

IX, 1

Учитель редко говорил о выгоде (ли), о судьбе (мин), о человеколюбии (жэнь).

XVII, 19

Учитель сказал:

– Я не хотел бы больше говорить (т. е. проповедовать)

Цзы Гун сказал:

– Если не будете больше проповедовать речами, то что же станут передавать Ваши ученики?

Учитель ответил:

– А, разве Небо говорит? Между тем четыре сезона чередуются ежегодно как обычно. Все сущее рождается как обычно. А разве Небо говорит?

Служитель Неба

Уже в ранние годы постепенно среди аристократов он начинает считаться тонким знатоком ритуалов прошлого, к нему обращаются правители и видные сановники за советами по поводу проведения церемониалов. Более того, уже в относительно молодые годы к нему приходят первые ученики. По традиции, двумя первыми учениками считаются два сына видного луского аристократа Мэн Сицзы, который в 518 г, прямо перед своим уходом из жизни завешает своим детям изучать у Конфуция смысл ритуалов. В ту пору Кун-цзы было лишь 33 года – очень ранний, почти невероятный возраст для наставника. И все же к нему приходят ученики, очевидно зная, что сам Конфуций обладает какими-то древними знаниями, которые не получишь от традиционных мистиков, но которые можно почерпнуть от Конфуция. Несомненно, он обладал не только знаниями, но и удивительным обаянием своей проповеди. С той поры число его

учеников начинает расти, в конце концов переваливая за сотню человек, которые так или иначе получали от него наставления в разные периоды. И постепенно именно наставническая, проповедническая деятельность захватывает его все больше, он чувствует, что именно на этом поприще он должен приложить свои знания.

Как же мы можем понять, чему и как обучался Конфуций? На первый взгляд, наставления, которые он передает ученикам, можно считать очевидными, хотя и косвенными указателями на суть его обучения. Обратим внимание – всю свою дальнейшую жизнь он выступает знатоком именно внутренней сути ритуалов, при этом во всех тонкостях разбираясь как в самой технике проведения церемониалов, так и в методиках настройки сознания на духовное соприкосновение с высшими силами. Он рассуждает о мудрецах прошлого, например, о Яо, Шуне, Чжао-гуне, которые являлись по своим функциям и по своей сути магами и медиумами.

Конфуций также выступает как типичный медиум, слышащий веления Неба и стремящийся их трактовать в силу своего понимания пользы для людей и общей гармонии в Средних царствах. Его приглашают на ритуалы экзорсизма – изгнания злых духов, которые проводились людьми из его общины – и это знак того, что Конфуций воспринимался как человек, связанный с практикой духообщения. В эти моменты он обряжался в ритуальное платье и стоял на восточной части крыльца (X, 14).

Очевидно, что Конфуций был одним из высших распорядителей такого обряда. Обряд изгнания духов поветрия совершался шаманом, который накидывал на себя медвежью шкуру с четырьмя золотыми глазами, обряжался в черное платье с красной юбкой, брал в одну руку копье, в другую – щит. После этого шаман в сопровождении людей отправлялся по комнатам домов искать вредоносных духов и изгонял их. Во времена Конфуция, скорее всего, это уже выглядело как дань обрядам прошлого, но, как видно, сам Конфуций очень уважал такое общение с духами, поскольку в парадном платье стоял на восточном священном крыльце.

Таким образом, он получает систематическое образование именно как священнослужитель, в чьи функции входит сбережение изначального смысла ритуалов. Но его роль в обществе уже не велика, время столь щепетильных последователей ритуальной целостности уже проходит, многие не понимают сути этого и тем более не чувствуют экстатического слияния с духами. Время архаического слияния с духами уже безвозвратно прошло.

Кун-цзы не может и не хочет понять этого. Все это вызывает у него грусть и недоумение. И поэтому он все время говорит о цзюньцзы (т. н. «благородном муже») – идеале человека прошлого, который пребывает в состоянии постоянного радения, непрерывного ритуального соприкосновения с духами прошлых поколений и напитывается ими. И для него цзюньцзы становится символом посвященного мудреца, который несет свои знания людям

Он был блестящим знатоком именно жертвенных ритуалов, известных под названием ди. Впервые, как можно судить по хроникам, в качестве «мастера ритуалов» он приглашается на церемониал жертвоприношений в 517 г., когда ему едва исполняется 34 года. Это – явное свидетельство его посвященности, указание на то, что перед нами – не

просто мелкий чиновник, но священнослужитель, прошедший специальную подготовку и наделенный магическими знаниями. Тогда исполнялся ритуал жертвоприношений и поклонениями духа в присутствии Сян-гуна, правителя царства Лу. Основное количество людей, исполняющих ритуальный танцы, были специально приглашены из известного аристократического рода Цзи, из семьи Цзи Пинцзы, который, вероятно, и был хранителем этих техник [13, 51,17а]. Но, как оказалось, то ли случайно, то ли намеренно была допущена, на первый взгляд, небольшая неточность в исполнении ритуала. Танцоры построились в восемь рядов, что обычно полагалось при исполнении танцев перед Сыном Неба, то есть правителем всей страны. А перед правителем царства надо было строиться лишь в шесть рядов. Род Цзи, стараясь польстить правителю царства, исполняет перед ним ритуал, достойный лишь одного Сын Неба! Этим хаосом в ритуалах, этим смешением сущностей и сакральных сил Конфуций страшно возмущен: «Восемь рядов танцуют в храме. Если такое можно вытерпеть, то чего же вытерпеть нельзя?» (III, 1). И Конфуций не боится показать свое недовольство – причем, в том числе, и недовольство правителем, ведь тот принял ритуал, который ему по чину не предназначался.

Он трепетен в строжайшем следовании самым, казалось бы, малым тонкостям ритуала. Он имел способность, присущую медиумам, ярко переживать весь ход ритуала, особенно ритуалов жертвоприношений, когда священнослужитель непосредственно вступает в контакт с духами. Он «совершал жертвоприношение предкам, будто они были живые. Когда же свершал жертвоприношение духам, то вел себя так, будто они были рядом» (III, 12).

...

Храм на священной горе Тайшань в провинции Шаньдун, где совершал поклонения Конфуций: «Стоит ли предполагать, что гора Тайшань будет страдать...»?

Порою он кажется невыносим в своих требованиях соблюдать все тонкости ритуала, и не случайно оказывается часто гоним, не понят и как был «излишен» в ту эпоху, когда правителей больше занимают выгодные политические союзы, нежели ритуальная казуистика. Ему пытаются противоречить даже свои же ученики, стремясь избежать слишком уж сложных ритуалов, которые кажутся им слишком архаичными. Так, его ученик Цзы Гун хочет отменить обряд регулярного жертвоприношения барана, исполняемый в первый день месяца. В древности после прохождения весеннего равноденствия, правитель рассылал своим правителям областей календарь с обозначением первых чисел каждого месяца наступающего года. И именно в первые числа каждого месяца и следовало приносить жертву. Но Конфуций не может позволить такого святотатства и насмешливо говорит нерадивому ученику: «Ты любишь этого барана, а я всё же люблю ритуал» (III, 17).

Магическая роль Конфуций ярко видна в его придирчивости к точности ритуала жертвоприношений. Конфуций как-то узнает, что некий дафу – один из высших сановников (обычно правитель области) обирается совершить жертвоприношение на горе Тайшань – самой священной вершине Китая, где издревле располагались жертвенные

капища. Это место, где земля соприкасается Небом, где духи спускаются на землю, и лишь правитель страны имел право совершать там обряд жертвоприношения духам. Дафу не имеет священного права делать этого, его энергетики недостаточно, чтобы соприкоснуться с самыми сильными духами. И Конфуций обращается к своему ученику Жань Ю с вопросом: «Можешь ли ты помещать ему?». «Не могу», – отвечает Жань Ю. Тогда Конфуций замечает: «Стоило ли предполагать, что гора Тайшань будет страдать от этого так же, как Линь Фан (человек, который спрашивал у Конфуция о ритуалах, проявив при этом немалое беспокойство и озабоченность – А.М.)» – он уверен, что незаконное жертвоприношение будет отторгнуто Небом (III, 6).

Во многих эпизодах он выступает не просто как знаток ритуалов, но как посвященный священнослужитель. Более того, именно ему поручают совершать жертвоприношений или готовить их, что являлось функцией лишь священнослужителей высшего ранга. Например, известно, что «при жертвоприношениях в храме предков Конфуций не допускал, чтобы жертвенное мясо главного животного оставалось на второй день. Жертвенное мясо других животных не должно было лежать более трех дней. Если оно пролежало три дня, то он его не ел (X, 9). Примечательно, что Конфуций может есть мясо жертвенного животного. Такое разделение пищи с духами – исключительно прерогатива высшего жреца, поскольку в этот момент он становится «единотелесен» с духами предков. К тому же он выступает как распорядитель многих церемоний жертвоприношений и даже смотрит за тем, сколько должно храниться жертвенное мясо.

Вообще, очевидно, что выполнение ритуалов связи с духами и было основной функцией и призванием Конфуций. Оказавшись неумелым чиновником и невостребованным государственным администратором и советником, он прекрасно справлялся с тем, чему обучался профессионально – жреческой деятельностью.

«Лунь юй»: служение людям

VI, 4

Как-то Юань Сы был назначен при Конфуции управляющим. Конфуций пожаловал ему 900 мер зерна, то тот отказался. Учитель сказал:

– Не стоит отказываться. Если тебе этого много, возьми и раздай соседям, живущим с тобою в одном хуторе, деревне, селе или волости.

...

Юань-сы (Юань Сянь) – ученик Конфуция по имени Сянь, который служил управляющим делами при Конфуции, когда тот занимал чиновничий пост в царстве Лу.

XIII, 9

Учитель направлялся в царство Вэй. Жань Ю правил повозкой. Учитель сказал:

– Как много здесь народу!

Жань Ю спросил:

– Когда так много народу, то как его направлять?

Учитель ответил:

– Прежде всего надо, чтобы он разбогател.

Жань Ю вновь спросил:

– А когда он разбогател, то как его дальше направлять?

Учитель ответил:

– Тогда его надо воспитывать.

XIII, 30

Учитель сказал:

– Посылать на войну людей необученных – значит просто бросить их.

XIV, 7

Учитель сказал:

– Если любишь народ, разве не сможешь ты побудить его к упорному труду? Если ты действительно предан правителю, разве не сможешь его вразумить?

XV, 33

Учитель сказал;

– Если, достигнув Знания, в дальнейшем не будешь опираться на человеколюбие, то достигнутое будет утрачено. Если достигнув знания, ты будешь опираться на человеколюбие, но управляя народом, не сможешь сохранять чувство собственного достоинства, то народ не будет почтителен. Если достигнув Знания, будешь опираться на человеколюбие и сохранять чувство собственного достоинства при управлении народом, но без соблюдения Правил, значит, ты еще не достиг совершенства.

XVIII, 2

Когда Люся Хуэй возглавлял судебное ведомство, его трижды лишали должности. Некто спросил его:

– Не пора ли Вам покинуть это царство?

Люся Хуэй ответил:

– Если служишь людям, следуя прямому Дао, то где бы ни служил, все равно лишат должности. Если служишь людям, следуя кривому Дао, то ни к чему и покидать родное государство.

Странствия в поисках службы

Большой период жизни Конфуция связан с многочисленными странствиями, в которых его сопровождают некоторые ученики. В 517 г. до н. э. он впервые на короткое время отправляется в соседнее царство Ци. Около 502 г. до н. э. он получает административную должность сы-коу в родном царстве Лу, соответствующую уездному секретарю. Но либо администратором Конфуций оказался не очень удачным, либо был слишком требователен и строг по отношению к окружающим, неспособным выдержать его ритуальные требования, – долго на этой должности он не смог удержаться.

Около 492 г. он решает покинуть родное царство и теперь уже надолго отправляется в странствия. В этот период своей жизни Конфуций оказывается гоним и непривечаем. Вообще, его жизнь не оказалась отмечена ни торжеством его учения, ни всеобщим признанием. Его весьма невысокий социальный статус не позволял Конфуцию нигде закрепиться, а, по-видимому, нелегкий характер, выразившийся в строжайших ритуальных требованиях, не позволял ему долго задерживаться при дворах разных правителей.

Он готов служить кому угодно – он страстно желает, чтобы его призвали на службу и не мыслит себя вне этой службы. Он даже решает служить правителю царства Вэй – Лин-гуну, человеку, про которого он сам говорил, что тот «сошел с Дао» и может управлять царством лишь благодаря честным чиновникам (XIV, 19). Этим тезисом по сути Конфуций тем самым оправдывает свое поведение – почему он пришел к двору столь недобродетельного правителя. Но и здесь он может надолго закрепиться.

...

Конфуций покидает царство Вэй с учениками. Здесь правитель провожает его с почестями. На самом деле Конфуция нередко преследовали несчастья и гонения в его странствиях

В другой раз он отправляется служить в царстве Лу к одной из самых одиозных личностей царства Янь Хо. Янь Хо – управляющий делами крупной аристократической клана Цзи, совершил то, что просто не могло уложиться в голове у «благородного мужа». Он, совершив переворот, заключил в темницу своего господина Цзи Хуаньцзы и взял управление в свои руки. Это было нарушением буквально всех возможных правил и принципов, что проповедовал Конфуций. Теперь Янь Хо нужен был человек, подобный Конфуцию, отличающийся мудростью и благоприятным обликом, чтобы как-то смягчить свое правление. Он хотел, чтобы Конфуций представился ему лично и даже послал ему в подарок жареного поросенка, за которого Конфуций обязан был по правилам вежливости отблагодарить. Ему, вероятно, очень хочется поступить на

службу, но сразу же он не может сделать это, учитывая поступок Янь Хо. И здесь Конфуций ведет себя очень тонко: формально отказываясь, как и положено благородному мужу, он все же позволяет себя уговорить. Как бы поддавшись на фразу Янь Хо «время уходит безвозвратно, оно не ждет», он как бы внезапно прозревает: «Верно сказано! Я согласен поступить на службу!» (XVII, 1).

Против его неразборчивости выступают даже ученики. А Конфуций надеется, что придя на службу к любому правителю, он возродит добропорядочность и честность древних времен. Ему это не удалось нигде, ни в одном царстве, ни в одном уезде, но своим примером он задал идеал служения. И, тем не менее, его поступки были непонятны даже ближайшим ученикам. Конфуций поддерживает даже некоего Гуншань Фужао, который вместе с Янь Хо решает выступить против своего правителя. Ближайший ученик Цзы Лу ошарашен и возмущен. Он пытается предупредить учителя от его столь явной неразборчивости: «Если некуда поступать на службу, то лучше вообще и не выезжать!». Но Учитель уже принял для себя решение. Он горд уже тем, что его призвали на службу – это утверждает его в мысли о своей избранности. «Тот человек призвал меня. Неужто он обратился ко мне без надобности? Если кто-то обратился ко мне за помощью, то я смогу возродить там порядки Восточного Чжоу» (XVII, 5). Он очень верит в то, что он способен на возрождение древних традиций при любом, даже самом низком и подлом правителе.

В другой раз он решает непосредственно отправиться служить мятежнику Би Си, который отказался подчиниться своему правителю и поднял против него мятеж. Зная, что Конфуций ищет себе место службы, Би Си сразу же посылает к Конфуцию гонцов и приглашает его к себе. Конфуций соглашается, не задумываясь. И вновь ученики поражены и возмущены. Ошеломленный Цзы Лу напоминает Конфуцию его же слова «Благородный муж не идет туда, где люди творят неблагоприятные дела». А ныне Конфуций решает поддержать мятежника. Но Конфуций, вяло оправдываясь, просто заявляет, что хочет, чтобы «люди пользовались им» (XVII, 7). Вот так, все очень просто – он, оказывается, просто боится оказаться невостребованным. Более того, все это показывает, что для него руководство учениками, передача Учения – вторичное, а первичное – найти себя место службы и там реализовать свои проекты и мысли. Причем даже не задумываясь об облике правителя.

«Лунь юй»: служит ли мудрец правителю?

III, 19

Дин-гун спросил:

– Скажите, как правитель должен использовать сановников и как сановники должны служить правителю?

Конфуций ответил:

– Правитель использует сановников, руководствуясь Правилами. Сановники же служат

правителю, руководствуясь чувством преданности.

...

Дин-гун – правитель царства Лу, где жил Конфуций (прав. с 509 по 495 г. до н. э.)

Х, 2

При дворе Конфуций если разговаривал с низшими сановниками, был мягок и любезен, а если беседовал с высшими сановниками – вежлив и прям. Когда правитель выходил, он выказывал благоговение, но держался с достоинством.

Х, 3

Когда правитель призывал его и поручал принимать посланников из других царств, то лицо его преображалось и походка менялась. Когда он в знак приветствовал взмахом рукой стоящих слева и справа, то платье его спереди и сзади сидело расправленным. Когда он спешил навстречу гостям, то был походил на птицу с распростертыми крыльями. Когда посланники удалялись, он докладывал всегда правителю: «Посланники ушли и назад не оглядывались».

Х, 4

Когда Конфуций входил в дворцовые ворота, то пригибался, словно боялся, что не пройдет. В воротах не задерживался и проходил, не наступая на порог. Когда подходил к престолу правителя, лицо его преображалось, колени подгибались и слов ему будто не хватало. Поднимался в зал, подбирая полы одежды, пригнувшись и затаив дыхание, словно не дышал вовсе. А когда выходил из зала и спускался на одну ступень, то вид его уже становился ровным и спокойным. Спускался вниз быстро, распростерши руки. И когда возвращался на свое место, казался умиротворенным.

Х, 5

Когда Конфуций нес ритуальную нефритовую табличку, то выглядел так, будто кланялся, подавленный ее значимостью. То поднимал ее высоко, словно приветствовал, то опускал вниз, словно делал подношение. Лица его постоянно менялось в трепете, он двигался мелкими шажками, наступая с пятки и не отрывая ног от пола. При поднесении подарков сохранял сдержанность. В частной же беседе был весел.

Х, 15

Если он посылал кого-либо в другое царство с поручением, то дважды кланялся посланнику и лишь потом отпускал его.

Х, 18

Когда правитель жаловал его кушаньем, то он всегда сначала расправлял циновку и после этого отведывал блюдо. Когда правитель жаловал его сырым мясом, то всегда

отваривал его и прежде чем попробует сам, подносил предкам. Когда правитель жаловал живой скот, то прежде он откармливал его. На трапезе у правителя, дожидался, когда правитель принесет жертву предкам, и затем первым начинал есть.

X, 19

Когда Конфуций занемог, то сам правитель пришел проведать его. Конфуций отвернул голову от востока, накрылся парадной одеждой и поверх перекинул пояс.

...

Конфуций настолько ослаб, что не мог обрядиться в ритуальное платье, полагающееся для приема правителя, но ритуал все же исполнил, накрывшись платьем. При приеме правителя следовало смотреть в западную сторону.

X, 20

Когда правитель повелевал прибыть к себе, Конфуций отправлялся пешком., не дожидаясь, пока для него заложат повозку,

XI, 25

Цзы Лу собирался послать Цзы Гао управляющим в уезд Би. Учитель на это сказал:

– Это все равно, что погубить чужого сына.

Цзы Лу ответил:

– Там есть народ, которым надо управлять. Там есть алтари духов земли и злаков, которым надо приносить жертвы. Так стоило ли читать книги, чтобы научиться всему этому?

Учитель сказал:

– Вот поэтому я и презираю бойких на язык.

...

Цзы Лу, ученик Конфуция, в то время занимал высокую должность в клане аристократа Цзи и мог назначать управляющих уездами.

XI, 26

Цзы Лу, Цзэн Си, Жань Ю и Гунси Хуа сидели подле Учителя. И Учитель сказал:

– Я чуть постарше вас и потому не в счет. Вот вы все сетуете: «никто про нас знает!» Ну, а если бы кто узнал и взял на службу, что бы вы стали делать?

Цзылу ответил сразу же:

– Пусть это будет государство лишь в тысячу боевых колесниц. Оно зажато со всех сторон большими государствами, их войска угрожают вторжением, а тут еще неурожай и голод. Я же, взявшись за дело, за три года вселил бы в людей мужество и научил бы их морали и справедливости.

Учитель улыбнулся.

– Ну, а ты Цю, с чего бы начал?

Тот ответил:

– Пусть это будет небольшое государство – ли в шестьдесят-семьдесят или даже в пятьдесят-шестьдесят. Если возьмусь за управление, то года за три сумею сделать народ богатым. Что же до обрядов и музыки, то здесь уж придется подождать, когда появится благородный муж.

– Ну, а ты, Чи, с чего бы начал?

Тот ответил:

– Не скажу, что бы я уже сейчас справился бы с таким делом. Поэтому хочется еще поучиться. Я бы желал, облачившись в парадное платье, быть младшим распорядителем при жертвоприношениях в храме предков или при приеме других правителей.

– А ты что скажешь, Дянь?

Когда замолкли звуки лютни, на которой он играл, Цзэн Си поднялся и ответил:

– А я хочу совсем не того, что эти трое.

– Так разве это плохо! – сказал Учитель. – Ведь каждый может высказать свое желание.

И Цзэн Си сказал так:

– В конце весны, в третьем месяце, когда все ходят в весенних одеждах, взять пять-шесть юношей, из тех, что уж носят шапки для взрослых, и шесть-семь отроков, омыться с ними в водах реки И, и, обсохнув на ветру у алтаря дождя, под песни возвратиться домой.

Учитель, глубоко вздохнув, сказал:

– Я хотел бы быть вместе с Данем.

Трое учеников удалились. А Цзэн Си, оставшись последним, спросил:

- Что вы скажете об их словах?
- Каждый высказал лишь свое желание, – сказал Учитель, – только и всего.
- Почему же вы, Учитель, улыбнулись, когда его говорил Ю?
- Страной управляют с помощью ритуалов, – сказал Учитель, – в его же словах не было уступчивости. Поэтому я и улыбнулся.
- А можно ли то, о чем говорил Цю, считать управлением государством?
- Отчего же страну в шестьдесят-семьдесят ли или даже в пятьдесят-шестьдесят ли не считать государством?
- А то, о чем говорил Чи, – можно ли это считать управлением государством?
- Храм предков и приемы при дворе – разве это не дела государства? Если есть там храм предков и союзы с князьями – значит, есть и свой князь. И если уж такой человек, как Чи, будет там лишь младшим распорядителем – то кто же тогда способен быть старшим?!

XV, 38

Учитель сказал:

- Когда ты на службе у правителя, думай прежде о своем деле, а потом уже о своем жалованье.

XVII, 1

Ян Хо хотел встретиться с Конфуцием, однако тот не являлся к нему. Тогда Ян Хо послал ему жареного поросенка. Но Конфуций отправился к нему с визитом, лишь узнав, что самого Ян Хо нет дома. Неожиданно они встретились на дороге. Ян Хо сказал:

- Подойди поближе, я хочу поговорить с тобой.

Конфуций подошел.

- Можно ли считать человеколюбивым того, кто наделен большими способностями и тем не менее спокойно взирает на хаос в государстве? – спросил Ян Хо.

Конфуций промолчал.

- Нет, нельзя, – ответил сам себе сказал Ян Хо и продолжил речь.

– Можно ли назвать умным того, кто стремится поступить на службу и тем не менее упускает возможность одну за другой?

Конфуций вновь промолчал.

– Нет, нельзя, – ответил сам себе Ян Хо. – Время уходит безвозвратно, оно не ждет.

Конфуций ответил:

– Верно сказано! Я согласен поступить на службу.

...

Ян Хо был управляющим делами – клана Цзи в царстве Лу. Янь Хо, совершив переворот, заключил в темницу своего господина Цзи Хуаньцзы и взял управление в свои руки. Конфуций ведет себя очень тонко: формально отказываясь, как и положено благородному мужу, он позволяет себя уговорить.

XIV, 22

Цзы Лу спросил о том, как служить государю. Учитель ответил:

– Не обманывай и увещевай его.

XIII, 3

Цзы Лу спросил:

– Правитель царства Вэй Чу-гун хочет пригласить Вас к участию в управлении его царством. С чего Вы начнете?

Учитель ответил:

– Прежде всего стоит упорядочить названия.

Цзы Лу спросил:

– Неужто Вы столь настойчивы в этой мысли?! Неужели непременно нужно упорядочение?

Учитель ответил:

– До чего же ты необразован! А вот благородный муж осторожно относится к тому, чего не понимает. Если названия не соответствуют своей сущности, то и со словами противоречат действительному положению вещей. Если слова противоречат истинному положению вещей, то и дела не будут исполняться. А когда дела не исполняются, то Правила и музыка оказываются недейственными. Если Правила и музыка недейственны, то наказания не будут справедливы. А когда наказания не справедливы, то народ не

знает, как с пользой распорядиться силой своих рук и ног. Поэтому благородный муж, вводя названия, должен произносить их правильно, а то, что произносит, непременно осуществлять. В словах благородного мужа не должно быть даже крупички неточности.

...

«Упорядочивание названий» или «исправление имен» (чжэн мин) – одна из основных концепций в проповеди Конфуция. Речь идет о том, что в Поднебесной нарушилось соответствие между сущностью предмета или человека и его обозначением (названием). Поэтому те, кто называются, например, «добропорядочными чиновниками», не могут достойно выполнять свои функции, дети не соблюдают сыновнюю почтительность и т. д. Соответственно надо вернуться к уложениям древности и сопоставить сущность с его названием.

XVII, 5

Гуншань Фужао обосновался в округе Би, чтобы выступить против правителя. Он призвал Учителя, и тот согласился приехать к нему. Цзы Лу был очень недоволен. Он сказал:

– Если некуда поступать на службу, то не стоит и выезжать. Зачем же непременно ехать к Гуншань Фужао?

Учитель ответил:

– Этот человек призвал меня к себе. Неужто он обратился бы ко мне без надобности? Если кто-то обратился ко мне за помощью, то я смогу возродить там порядки Восточного Чжоу.

...

Гуншань Фужао вначале служил в аристократическому клану Цзи, а потом вместе с Ян Хо выступил против хозяина.

XVII, 7

Би Си призвал к себе Конфуция, и Учитель собрался отправиться к нему.

Тогда Цзы Лу сказал:

– Прежде я слышал, как, Вы, Учитель говорили: «Благородный муж не идет туда, где люди творят неблаговидные дела». Ныне же именно Би Си поднял мятеж и захватил уезд Чжунмоу, а Вы тем не менее собрались к нему поехать.

Учитель ответил:

– Правильно, именно так я говорил. Но разве я также не говорил: «Твердое не сточить, а истинно белое и черной краской не зачернить»? Неужели я уподоблюсь тыкке-горлянке? Неужели меня можно привязать так, чтобы люди не старались воспользоваться мною?»

...

Би Си был видным чиновником во владениях Цзинь и управлял уездом Чжунмоу. Когда же цзиньский царь послал свои войска против Фан Чжунсиня, во время одного из военных конфликтов он отказался починиться своему правителю и укрепился в Чжунмоу

Непонятая миссия Учителя

Он не переносит, когда его воспринимают неправильно, не по статусу посвященного мудреца. Он готов сразу же покинуть царство, если его принимают просто за советчика, которые в большом числе странствовали в ту пору от царства к царству в поисках должности. Как-то Лин-гун из царства Вэй спросил Конфуция о тонкостях управления войсками. Кун-цзы резко отвечает: «Я слышан о делах, связанных с жертвенной утварью (т. е. с исполнением ритуалов – А.М.), что же касается построения войск, то я это не изучал». (XV, 1). На следующий день Конфуций покидает царство Вэй. Вероятно, он считает, что не о чем говорить с человеком, который принимает его – мудреца и посвященного наставника – за некоего мелкого военного стратега без армии. Вопрос задан не о том и не тому. Посвященный мудрец может поведать о тонкостях общения с миром духов предков, он может восстановить связь с миром прошлых поколений, а у него вопрошают о вполне земных делах управления войсками. Как-то он сам дает ученикам совет: «Не дружи с тем, кто тебе не ровня» (III, 8).

...

«Первоучитель Конфуций, что следует Учению». Он понимал свою миссию, но так и не сумел реализовать ее при жизни

В свой зрелый период жизни он абсолютно уверен, что является избранным и посвященным. Именно это придает ему уверенность в своей неуязвимости – ведь он находится под защитой могучих сил. Именно тех духов, с которыми он постоянно общается, но своих учеников, как еще «неготовых» предостерегает о такого прямого общения и советует «к духам бликом не приближаться», то есть не вступать в прямые контакты, ограничиваясь лишь церемониалами и достойным поведением. Как-то в своих странствиях в местечке Куан его принимают за другого – обидчика местных жителей некоего Янь Хо (Кстати, это говорит о том, что Учитель был мало известен при жизни). Почти пять дней они проводят в настоящей осаде, очевидно, что Конфуция в очередной раз хотят убить – при этом по ошибке. Но он абсолютно уверен, что его как носителя мистической традиции, смерть не тронет. Конфуций же невозмутим и обращается к ученикам: «После смерти великого правителя династии Чжоу Вэнь-вана стал тем, кто несет в себе «вэнь» (т. е. культуру – А.М.). Если бы Небо действительно хотело бы уничтожить вэнь, то оно не наделило бы ею меня. А коль само Небо не уничтожило ее, стоит ли бояться каких-то куанцев?» (IX. 5).

Примечательно, что здесь вэнь (обычно в осовремененном смысле переводимое как «культура»

или «Письмена неба») выступает синонимом мистической посвященности. В этом и заключалась передача традиции от посвященного к посвященному – в овладении особым комплексом знаний и состояний, которое и именовалось вэнь. И, самое главное, эта «культура-вэнь» представляет собой связь с посвященными мудрецами и правителями прошлого, откуда Конфуций и черпает свою мудрость и силы. Его ученики замечали, что их наставник был «абсолютно лишен самовозвеличивания» (IX, 5), что наверняка соответствовало действительности. Но вместе с этим Конфуций очень отчетливо осознавал свою миссию и свою посвященность. Он уверен, что его «знает лишь Небо», а этого вполне достаточно для посвященного.

«Лунь юй»: совершенствуй себя

I, 7

Цзы Ся сказал:

– Если кто-то в отношениях с женой ценит ее добродетели и не придает большого внимания ее прелестям, то он исчерпывает все свои силы, служа родителям. Он не щадит своей жизни, служа правителю. Он прям в отношениях с друзьями. И пускай скажут о таком, что он не обладает ученостью, я непременно назову его образованным.

...

Цзы Ся (Бу Шан) – ученик Конфуция.

IV, 17

Учитель сказал:

– Встретив мудрого, стремись сравняться с ним. Встретив немудрого, взглядишь в самого себя.

IV, 26

Цзы Ю сказал:

– Будешь назойлив в служении государю – навлечешь на себя бесчестье. Будешь назойлив в дружбе – отделишь от себя друзей.

V, 20

Цзи Вэньцзы трижды обдумывал каждое дело, прежде чем приступить к его осуществлению.

Учитель, услышав об этом, сказал:

– Достаточно и двух раз.

...

Цзи Вэньцзы (Цзисунь Шифу, ум. в 685 г. до н. э.) – видный сановник из царства Лу.

VI, 18

Учитель сказал:

– Если естество в человеке одолеет культуру – получится дикарь. Если культура одолеет естество – получится книжник. Лишь тот, в ком естество и культура уравновешены, может стать благородным мужем.

VI, 19

Учитель сказал:

– Человек от рождения прям, и если, впоследствии став кривым, он все же уцелеет, то лишь благодаря счастливой случайности.

VI, 6

Учитель сказал:

– Направляй всю свою волю на постижение Дао, будь добродетелен, опирайся на человеколюбие, упражняйся в [шести] искусствах.

...

Шесть искусств – классические «искусства» служивого мужа эпохи Чжоу: ритуалы, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, письмо и искусство счета.

VIII, 13

Учитель сказал:

– Будьте тверды и усердны в постижении Учения, до смерти держитесь истинного пути-Дао. В государство, где неспокойно, не отправляйтесь. В государстве, что охвачено смутой, не живите. Когда в Поднебесной царит путь-Дао, проявляй себя. Когда же Дао нет, уходите от мира. Когда страна следует Дао, то стыдно быть бедным и ничтожным. В государстве, что не следует Дао, стыдно быть богатым и знатным.

XIII, 13

Учитель сказал:

– Если человек способен сам исправить себя, то разве будут ему трудны дела управления? Если же не способен сам исправить себя, то как он сможет исправлять других?

XIV, 10

Учитель сказал:

– Быть бедным и не роптать – трудно, быть богатым и не зазнаваться – легко.

XIV, 26

Учитель сказал:

– Если ты не на месте правителя, то и не вмешивайся в его дела правления.

Цзэн-цзы заметил:

– Благородного мужа заботят дела, соответствующие его положению.

XV, 15

Учитель сказал:

– Если к самому себе будешь более требовательным, чем к другим, то избежишь обид.

XV, 24

Цзы Гун спросил:

– Существует ли лишь одна заповедь, которой можно руководствоваться всю жизнь?

Учитель ответил:

– Вот эта заповедь – будь снисходительным. Не делай другим того, чего не пожелаешь себе.

XV, 30

Учитель сказал:

– Не стоит печалиться тому, что люди не знают тебя. Печалься лишь о том, что еще не проявил свои способности.

XX, 3

Конфуций сказал:

– Не познав воли Неба, не станешь благородным мужем.

Не познав суть Правил, не сможешь прочно стоять на ногах.

Не понимая сути слов, не сможешь разобраться в человеке.

XIV, 33

Учитель сказал:

– Добрый скакун славятся не силой, а норовом.

XIV, 34

Кто-то спросил:

– Что вы думаете о высказывании, что «на зло надо отвечать добром?»

Учитель ответил:

– А чем отвечать тогда на добро? На зло отвечают по справедливости, а на добро отвечают добром.

XV, 8

Учитель сказал:

– Не поговорить с человеком, с которым стоит поговорить – значит потерять человека. А говорить с человеком, с которым говорить не стоит – значит терять слова. Мудрец не теряет людей и не теряет слов.

XV, 28

Учитель сказал:

– Когда кого-то все ненавидят, это непременно нужно проверить; когда кого-то все любят, это также непременно нужно проверить самому.

XV, 30

Учитель сказал:

– Лишь то можно считать настоящей ошибкой, которая не исправлена.

XV, 41

Учитель сказал:

– Если слова точно передали мысль – уже и этого достаточно.

XVI, 4

Конфуций сказал:

– Три типа друзей могут быть полезными три типа – вредными. Полезные друзья те, которые прямы, честны и обладают многими знаниями. Вредные друзья те, кто неискренни, льстивы и болтливы».

XVI, 5

Конфуций сказал:

– Три вида радости приносят пользу, и три вида радости причиняют вред. Вот полезные радости: радоваться, когда смог исполнить все Правила и музыку; радоваться, когда говоришь о достоинствах других; радоваться, что дружен со многими мудрыми людьми. А вот те радости, что причиняют вред: радоваться, наслаждаясь роскошью; радоваться в разгуле; радоваться, прибывая на пирах.

XVII, 2

Учитель сказал:

– Природные качества сближают людей, а приобретенные привычки – отдаляют.

XIX, 3

Ученики Цзы Ся спросили у Цзы Чжана, с кем следует дружить.

– А что говорил об этом сам Цзы Ся? – спросил Цзы Чжан.

– Он говорил: со стоящими людьми дружите, с нестоящими – рвите отношения.

Цзы Чжан удивился:

– А вот мне довелось слышать другое: благородный муж почитает выдающихся, но сходится и с заурядными, поощряет способных, но терпит и к бесталанным. И, если, положим, я имел бы очень много достоинств, разве я не смог бы с кем-нибудь поладить? А если, допустим, я не имел бы никаких достоинств, другие бы сами отвергли меня, а не я – их?!

Гонимая мудрость

После ряда неудач в царствах Вэй и родном Лу Конфуций покидает эти пределы и отправляется в дальнейшие странствия. Опять начинается его жизнь мудреца-странника, в которой он чувствовал себя, вероятно, наиболее адекватно своему статусу. Поразительным образом, но «Лунь юй» очень скупко говорит об этом периоде его жизни, не исключено, что его ученики намеренно упустили какие-то неприятные подробности

из жизни своего наставника. В основном это было время неудач, каких-то преследований, спорадических должностей. В «Мэн-цзы» упоминается: «В ту пору многие несчастья обрушились на Конфуция» (VA, 8), причем как считал сам автор «Мэн-цзы» было это связано прежде всего тем, что в этих царствах у него не было друзей – «тех, кто мог бы поддержать его».

Частично отголоски неприятностей, которые стали обрушиваться на Конфуция, мы можем встретить в значительно более позднем описании в «Мэн-цзы», которое, скорее всего, представляет собой запись устного предания. Судя по рассказу в «Мэн-цзы», Конфуций сначала отправляется в царство Вэй, где с ним происходят какие-то неприятности, а затем отправляется в царство Чэнь, где получает какой-то пост у властителя Чэнь. Чтобы проехать из Вэй в Чэнь Конфуций должен был пересечь царство Сун. Там происходит некий инцидент с Хуань Сыма (Хуань Туй) из царства Сун, который «намеревался подстеречь и убить его, а поэтому [Конфуций] вынужден он был странствовать через царство Сун тайно». Суть инцидента так и останется тайной для нас, однако на достаточно понять, что конфликты, происходившие вокруг Конфуция, были весьма серьезными, если речь шла о возможности убийства учителя. Однако Кун-цзы не только не устрашают все эти угрозы, но, более того, он и на этот раз считает себя неуязвимым благодаря небесной благодати, что пребывает в нем: «Небо одарило меня благодатью, так что же мне может сделать Хуань Туй?» (III, 23). В царстве Чэнь невзгоды Конфуция и его учеников продолжились – у них кончилось продовольствие и многие, изнуренные голодом, даже не могли подняться. Среди учеников растет раздражение и непонимание, Конфуций же и здесь продолжает наставлять учеников своим личным примером.

...

Конфуций в окружении учеников на повозке покидает царство. Его учение чаще всего не принимали правители

Его ближайший ученик Цзы Лу раздраженно спрашивает:

– Может ли благородный муж оказаться в безвыходном положении?

Учитель ответил:

– Благородный муж, оказавшись в безвыходном положении, проявляет стойкость, а маленький же человек в безвыходном положении становится безрассудным (XV, 2).

После царства Чэнь Конфуций отправляется в удел Цай, что лежал к юго-западу от Вэй. Цай в ту пору был частью южного царства Чу. Это было тяжелое путешествие, закончившееся, в том числе, по-видимому и отпадением от него ряда учеников и потерей друзей. Не случайно Конфуций сам признался: «Из сопровождавших меня в Чэнь и Цай никто уже не входит в мои ворота» (III, 2).

Он страшно переживает, что оказался невостребован на службе и более того – неизвестен среди людей. Он признается своему ученику: «Люди не знают меня» и в

надежде добавляет: «Если кто и знает меня, то лишь Небо» (XIV, 35), Хотя по настоящему его огорчает лишь то, что, по его же признанию, «малоталантлив» (XIV, 30). И все же он считает, что посмертная слава – очень важный показатель правильности поведения посвященного мужа при жизни. Более того, «благородный муж должен быть обеспокоен тем, что после смерти имя его не будет прославлено» (XV, 20). Все это очень точно передает настроение самого Конфуция – неизбывный страх человека, что посвятил всю свою жизнь служению, остаться в неизвестности.

Он становится все жестче и суровее – он чувствует, что передача Учения не удастся так, как он задумывал. Он постоянно критикует своих учеников, многие уходят от него, других же он называет то глупцами, то малодушными, то недоучившимися. Он внезапно осознает, что та миссия, в которую он так верил, оказывается невыполненной и, более того, она не будет доведена до конца даже его учениками. И он становится суровым крайне нетерпимым к недостаткам других.

Он даже крайне суров со своим родным сыном. Вот поразительный случай – чем запомнился сыну Конфуция Бю Юю его отец. Добрыми наставлениями? Долгими отеческими беседами? Нет, совсем другим!

Чэнь Кан, один из последователей Конфуция, спрашивает сына великого Учителя вспомнить «что-нибудь особенное, о чем ты слышал от отца». И тот прямо отвечает, что ничего особенного не может вспомнить... И лишь затем вспоминает: «Как-то раз Учитель был один, а я пробегал в это время по двору, и он спросил меня: «Ты уже учил «Канон песнопений»? Я ответил: «Еще нет». Тогда он сказал: «Если ты не будешь учить «Канон песнопений», у тебя не будет ничего, о чем говорить».... В другой раз Учитель опять был один. Я пробегал в это время по двору. Он спросил меня: «Ты уже учил Правила?» Я ответил: «Еще нет». Тогда он сказал: «Если ты не будешь учить Правила, у тебя не будет ничего, на чем утвердиться». Вот лишь об этих двух вещах я и слышал от него» (XVI, 13).

Только об этих случаях и может вспомнить сын великого Учителя. Не о долгих беседах и наставлениях, не о прогулках с отцом, не о его доброжелательном и ласковом отношении, а о двух строгих наставлениях. Сын пробегает по двору, а отец отсылает его учиться. Примечательно, что Чэн Кан, который расспрашивал сына Конфуция, заметил, что теперь он узнал, «как благородный муж далек от своего сына». И все это – без тени осуждения. Это – живое воплощение конфуцианского принципа «заботы о младших» – Конфуций считает необходимым наставить сына именно в изучении сборника ритуальных формул и песен «Канон песнопений» («Ши цзин») и в Ритуалах или Правилах. Ни в чем ином – Конфуций не разменивается на другие чувства.

После долгих странствий и своего последнего визита в царство Вэй Конфуций возвращается в 484 г. в родное царство Лу. Тринадцать лет он не был в родных местах. Здесь он много беседует с правителем царства Лу Ай-гуном и министром Ци Кан-цзы. Предположительно Конфуций был назначен советником одной из нижних категорий. Из странствий он возвращается другим – разочаровавшимся, но по-прежнему полный желаний воплотить в жизнь принцип соответствия каждого человека и вещи подобающему их месту. Кажется, он становится еще более суров: он требует от правителя Ай-гуна немедля

послать карательную экспедицию против аристократа соседнего царства Ци, который составил заговор и убил его своего правителя. Конфуций считает, что именно так следует поступать «благородному мужу», что стремиться восстановить древние ритуальные порядки взаимоотношения правителей и подданных. Он получает отказ как от самого Ай-гуна, так и от его всех лидеров аристократических семей: ритуальная суровость Конфуция в тот момент не соответствовала политическим интересам царства Ци и нецелесообразным советам такого непростого человека как Конфуций правитель решает не следовать. Политическая миссия наставника при его жизни не удалась.

Как-то во время охоты люди повстречали странное животное. Конфуций сумел в нем разглядеть единорога-цилиндра. Он воспринимает это как явный знак – возможно, последний знак явленный ему. Плохой знак – появление единорога по китайским поверьям было предвестником грандиозных несчастий.

...Старость потребовала от Конфуция не меньшего мужества, чем молодость. Нет, никто не подвергал его насмешкам, как когда-то в юности. Он был окружён уважением правителей, поклонением простых людей и почитанием учеников. Но вот в 482 г. до н. э. у 70-летнего Конфуция умирает сын, не доживший до 50 лет. Через год умирает его лучший ученик Янь Хуэй, которому Конфуций, по преданиям, хотел передать школу. Ведь он один был «внимателен к его наставлениям»(IX, 20).

Последний год жизни Конфуций посвящает исключительно беседам с учениками. Успел ли он передать всё, что знал, сумел ли показать своим ученикам прямой путь общения с Небом через внутреннее, непосредственное ощущение, до конца ли раскрыл для них идеал древности – наверное, эти вопросы мучили 73-летнего Учителя.

Однажды мудрец, не говоря ни слова, прошёл к себе в дом и лёг на постель. Шесть дней пролежал он не вставая, а на седьмой день мир потерял великого Учителя. Но он оставил учение, оставил свое Слово – и, читая его, люди вновь и вновь встречаются с Конфуцием. С его мудростью и его трагедией.

«Лунь юй»: «Все это повергает меня в скорбь»

III, 1

Говоря о роде Ци, Кун-цзы сказал:

– Восемь рядов танцуют в его храме. Если такое можно вытерпеть, то что же вытерпеть нельзя?

...

По установленному ритуалу, во время церемонии у Сына Неба танец исполняли 8 рядов танцоров по 8 человек в каждом, у правителей царств – 6 по 6 человек в каждом, у аристократов – 4 по 4 человека в ряду, а у служивых мужей в ранге ши– 2 ряда по 2 человека в каждом. Таким образом вельможи этой фамилии предвосхитили привилегии императоров. Аристократ Ци Пиннзы нарушил ритуал, исполнив у себя танец, достойный только Сын Неба.

V, 27

Учитель сказал:

– Вот и все! Я так и не встретил человека, который, заметив свои ошибки, смог бы сам осудить себя.

V, 22

Учитель, находясь в царстве Чэнь, сказал:

– Пора возвращаться! Пора возвращаться! Юноши моего дома распущенны и небрежны. Они образованны, но они не знают, как сдерживать себя.

VI, 10

Боню заболел. Учитель пришел его проведать, пощупал через окно его руку и сказал:

– Увы, смерть его неизбежна – такова его судьба. Такой человек – и умирает от такой болезни! Такой человек – и умирает от такой болезни!

...

Боню (Жань Гэн) – ученик Конфуция. По преданию, умер от проказы.

VI, 17

Учитель сказал:

– Кто может выйти, минуя дверь? Так почему же никто не идет по моему пути-Дао?

VII, 3

Учитель сказал:

– Когда добродетель не совершенствуют, в учение глубоко не вникают, а зная принципы долга, не могут им следовать и не могут исправить недостатки – все это повергает меня в скорбь.

VII, 26

Учитель сказал:

– Посвященного мудреца мне так и не довелось встретить. Хотя встретился бы мне благородный муж, и этого было бы уже достаточно.

Учитель добавил:

– Да и доброго человека мне также не довелось встретить. Встретился бы человек, обладающий постоянством, и этого было бы достаточно. Трудно обладать постоянством тому, кто, не имея чего-либо, делает вид, что имеет; кто пуст, но притворяется, что полон; кто нищий, но выдает себя за богатого.

IX, 2

Человек из деревни Дасян сказал:

– Как велик Кун-цзы! Ученость его огромна, но он пока ни в чем не прославился!

Учитель, услышав это, сказал ученикам:

– Так, каким же делом мне заняться? Управлять колесницей или стрелять из лука? Лучше буду управлять колесницей!

XV, 13

Учитель сказал:

– Все кончено! Я не встречал еще человека, который любил бы добродетель так же, как женские прелести.

XIII, 5

Учитель сказал:

– Затвердил наизусть все «Триста песен», а назначь его на должность – не справится, отправь послом в чужое царство – не сумеет там ответить как должно. Хоть и много прочел – а что толку?

...

«Триста песен» – речь идет о сборнике «Канон песнопений» («Ши цзин»).

XIV, 44

Когда мальчик из деревни Цюэ передавал послание, некто спросил о нем Конфуция:

– Сможет ли он преуспеть?

Учитель ответил:

– Я вижу, что он сидит, как взрослый, ходит, как взрослый. Он не преуспеет, ибо стремится к скорому успеху.

XV, 4

Учитель сказал:

– Ю (Цзы Лу)! Сколь мало людей, знающих, что такое добродетель.

XV, 17

Учитель сказал:

– Трудно чего-либо добиться с теми, кто целыми днями болтают обо всем и ни разу не обмолвятся словом о делах справедливости.

XV, 27

Учитель сказал:

– Льстивые речи пагубны для добродетели. Если не вникнешь в малые дела, погубишь великие замыслы.

XVII, 18

Учитель сказал:

– Я не люблю фиолетовый цвет, ибо он затмевает ярко-красный. Я не люблю, мелодии Чжэн, поскольку они портят древние мелодии. Я не люблю болтунов, ибо они губят государство и семьи.

...

В эпоху Конфуция, как считается, именно фиолетовый цвет вместо прежнего ярко-красного стал любимым среди аристократов.

XVIII, 4

Как-то правитель царства Ци прислал лускому правителю в подарок певичек и танцовщиц. Цзи Хуаньцзы принял их. Три дня при дворе не слушались дела правления. Конфуций покинул царство.

...

Речь идет об истории, когда правитель царства Лу вместе с одним из своих высших сановников Цзи Хуаньцзы увлекся певичками и либо пропустил, либо перенес жертвоприношения в храме Неба и Земли. Конфуций в тот период возглавлял в царстве палату по уголовным наказаниям. Он счел, что связь с Небом нарушена и демонстративно покинул царство Лу. По другой версии, правитель царства Ци, опасаясь влияния Конфуция при дворе царства Лу, специально послал певичек, чтобы вызвать раздражение Учителя и выжить его из царства. План удался– именно после этого случая он отправился в многолетние странствования.

...

Три года ученики Конфуция соблюдали траур и скорбели у могильного холма Учителя

«Наставлял он в ритуалах и музыке»

Прочтение Конфуция зависит от того, на какой изначальной точке зрения стоит читатель. Если он априорно уверен, что Конфуций является философом, то весь текст может показаться морализаторскими наставлениями и описанием жизни мудрого учителя. Но если предположить, что Конфуций был продолжателем очень древней традиции мистиков, то становится очевидным, что «Лунь юй» рассказывает о жизни одной, конкретно взятой школы и о ее лидере.

Мы также постараемся взглянуть на Конфуция именно как на представителя мистической традиции, и лидера в последствии очень влиятельной школы, которая постепенно сумела распространить свое идеологическое влияние на двор правителя, а затем и на формирование всей политической культуры Китая

Чаще всего Конфуция рассматривают именно как традиционного китайского философа, основателя своего направления, базирующегося на относительно стройной системе постулатов и правил. Как следствие выделяют философские категории, используемые в школе Конфуция, например, «ритуал (правила)», «добродетель», «долг», «сыновья почтительность». В известной степени, это, безусловно, правильно, но, увы, полное переживаний, драматизма и противоречивости проповедь Конфуция навсегда теряет свою жизненность, привлекательность и становится чем-то скучновато-высохшим, годным лишь для школярского изучения, но никак не практического воплощения.

Образ Конфуция-философа – во многом, это дань китайским ученым, стремившимся в первой половине XX в. обнаружить в своей истории «философию» и подравнять свое развития с западной традицией. К тому же Конфуций как философ понятен и относительно прост для изучения. Конфуций же как мистик-медиум и как духовный наставник сложен, многогранен и с трудом понимаем. Хотя, впрочем, именно этим он поразительно интересен, и именно в этом заключается разгадка витальности его учения.

...

Конфуций и его школа. Средневековое изображение

Ни одно философское учение, преподаваемое нам даже самыми блестящими мудрецами Запада от Аристотеля и Сенеки до Гегеля, Ницше и Кьеркегора никогда не становилось ни государственной доктриной, ни смыслом жизни многих поколений. Через несколько веков, а то и значительно раньше, эти школы философии оставляли после себя ни школы последователей, а лишь ученых-схоластов, методично штудирующих труды прошлых поколений. На плечах философских исследований на Западе возникали Университеты и Академии, но никак не государственные общности.

Философ Запада – всегда яркая индивидуальность, человек, воплощающий личностное, индивидуалистическое видение мира. Конфуций намеренно подчеркивает, что лишь «передает, но не создает». Он выносит древние магические знания, в том числе и формы трактовок смысла ритуала, на свет, в бранный мир, он учит жить по ритуалу, размышлять по правилам, управлять страной в соответствии с «велениями Неба». Ничего философского, кроме неизбывного желания превратить его в философа, в нем нет.

Очевидно, он не философ в классическом понимании этого слова. Тогда кто же он такой? Чему он учил?

Как ни странно, ответить на этот вопрос не так просто, как может показаться, исходя из прочтения «Лунь юя» и многочисленных биографий Конфуция. Великий учитель нигде не излагает самого учения – у него нет теории и предписаний. Он намеренно отказывается выступать ментором – ведь он «не создает нового», он «лишь передает» знание своим поведением, поступками, своим настроением мыслей. Он сам и есть – воплощенное Учение, выраженное через образ человека, а не через его поучения.

Так в чем же Конфуций наставлял своих учеников? Сыма Цянь, утверждает, что весь процесс основывался на четырёх «дисциплинах», а точнее – на четырёх темах, о которых беседовал Учитель. Прежде всего, это вэнь – древние писания, в которых благородные мужи должны черпать импульс к творчеству, сверяя себя с идеалом минувших веков. Второе – син («поступки» или «действия»): то, как должен действовать благородный муж, воплощая идеал древних канонов. Третье – чжун («преданность», «искренность»). Здесь речь шла о преданности как учению, так и государю, равно как и своим учителям – как реальным, так и мистическим. И, наконец, последнее – синь («вера» или «искренность»).

Сыма Цянь формулирует суть учения Конфуция так: «Конфуций наставлял в «Каноне песнопений», в «Каноне истории», в ритуалах и музыке» [12, гл. «Кунцзы чжуань» с. 1938]. Это, безусловно, верно и точно – Учитель Кун действительно постоянно апеллировал и к сборнику ритуальных песнопений «Ши цзину» («Канону песнопений») и к собранию древнейших полумифологических преданий в том числе и о великих правителях прошлого «Шу цзину» («Канону истории»), советуя своим ученикам именно с них начинать свое совершенствование. Много говорил о ритуале, высоко ценил воздействие музыки – но все же сводить всю мысль Конфуция именно к этому, казалось бы, несколько нелепо. И все же Сыма Цянь в главе «Жизнеописание Конфуция» своих «Исторических записок» заостряет наше внимание именно на этом аспекте. В этом нет ничего странного – сам Конфуций еще не был канонизирован, не превратился в символ традиционного наставничества и тем более не стал частью императорского культа, как это произойдет впоследствии. А вот его роль как собирателя и ретранслятора древнейших мистических знаний уже либо была забыта, либо не казалась столь важной. И поэтому он в I в. до н. э. выступает именно как наставник древнейших уложений, ритуалов и музыки. И апелляция к духам и героям древности, и специфические ритуальные действия, и особые музыкальные композиции составляют основу практики древних медиумов и священнослужителей. Именно на этом базировался Конфуций, и в своих наставлениях он меньше всего был философом и значительно

больше – интерпретатором «велений Неба».

«Лунь юй»: сыновья почтительность

I, 11

Учитель сказал:

– Пока отец жив, наблюдай за ним; когда отец умрет, озирай его жизнь. И если в течение трех лет ты не собьешься с пути-Дао отца, то лишь после этого тебя можно назвать воистину обладающим сыновней почтительностью.

II, 5

Мэн Ицзы спросил, как понимать рассуждения о сыновней почтительности. Учитель ответил:

– Не нарушай Ритуалов.

Фань Чи правил повозкой, в которой ехал Кун-цзы. Учитель сказал:

– Мэн Ицзы спросил меня о сыновней почтительности, я ответил – не нарушай Ритуалов.

Фань Чи спросил:

– Как понимать эти слова?

Кун-цзы ответил:

– При жизни родителей служи им согласно Ритуалам; когда умрут, похорони их согласно Ритуалам. А затем совершай жертвоприношения им согласно Ритуалам.

II, 6

Мэн Убо спросил о сыновней почтительности. Учитель ответил:

– Отец и мать тревожатся только о том, как бы их дети не заболели.

...

Мэн Убо – сын Мэн Ицзы.

II, 7

Цзы Ю спросил о сыновней почтительности. Учитель ответил:

– Сегодня есть люди, что называют сыновней почтительностью лишь то, что они

кормят своих родителей. Но ведь собак и лошадей тоже кормят. И если это делается без должного почтения к родителям, то в чем здесь разница?

...

Цзы Ю (Янь Янь) – Один из наиболее способных учеников Конфуция.

IV, 18

Учитель сказал:

– В общении с отцом или матерью проявляй мягкость и учтивость. Если видишь, что твои желания им неуютны, все равно проявляй почтительность – не противься их воле. И пускай даже ты устал – не смей роптать.

IV, 19

Учитель сказал:

– Когда родители живы, не отлучайся далеко, а если отлучишься, то живи в одном месте [чтобы место пребывания непременно было известно].

IV, 20

Учитель сказал:

– Если сын в течение трех лет после смерти отца не исправляет его Дао, это можно назвать сыновней почтительностью.

IV, 21

Учитель сказал:

– Нельзя не помнить возраста своих родителей, чтобы, с одной стороны, радоваться за их долголетие, а с другой – опасаться, как бы преклонный возраст не свел их в могилу.

IX, 23

Учитель сказал:

– На молодежь следует смотреть с уважением. Откуда нам знать, сравнится ли следующее поколение с нами? Но если человек к сорока-пятидесяти годам не свершил ничего путного, то вряд ли он заслуживает уважения.

XIII, 18

Шэ-гун сказал, обращаясь к Конфуцию:

– В моей деревне есть прямой человек. Когда его отец украл барана, то сын донес властям об этом.

Кун-цзы сказал:

– Прямые люди моей деревни отличаются от ваших, отцы укрывают детей, дети укрывают отцов – ведь именно в этом и заключается прямота.

XVII, 21

Цзай Во спросил:

– Не слишком ли долгов трилетний траур по родителям? Ведь если благородный муж три года не будет упражняться в ритуалах, то ритуалы непременно будут нарушены. Если он три года не будет упражняться в музыке, то и музыка ухудшится. Разве нельзя ограничиться годичным трауром – ведь даже старое зерно в течение одного года, после чего запасаются новым, а огонь, что получен трением, приходится зажигать заново.

Конфуций спросил в ответ:

– А был ли бы ты спокоен, если бы ты в период траура кушал рис и одевался в парчу?

– Да, наверняка был бы спокоен!

– Ну что же, если ты успокоился бы именно этим, то так и поступай. А вот для благородного мужа во время траура и пища не сладка, и музыка не доставляет ему радости, и, живя в доме, он не спокоен. Поэтому он не поступает так. Ну а если ты способен успокоиться этим – так и поступай!

Когда Цзай Во вышел, Конфуций сказал:

– Увы, в Юе (т. е. в Цзай Во) нет человеколюбия! Сын только через три года после рождения сходит с рук отца и матери. А поэтому трехгодичный траур обязателен для всех. А сам Юй разве не пользовался трехлетней любовью своих родителей?!

...

Трехлетний траур являлся важнейшей частью ритуального поведения эпохи Чжоу. При этом в первый год ближайшие родственники умершего должны были одеваться в одежды из грубого полотна, есть простую пищу и отказываться от всех удовольствий. Упоминание о добывании «огня из дерева посредством трения» скорее всего связано тем, что в разные сезоны огонь добывается из разного типа деревьев, что также является частью ритуального поведения. Так, весной огонь добывали из тополя и ивы, летом – из жожоба и абрикосового дерева, в конце лета – из тутового дерева и шелковичного дуба, осенью – из дуба и акации и зимой – из японской софоры и красного

дерева. Все это в совокупности и составляет годичный цикл поддержания огня.

XIX, 17

Цзэн-цзы сказал:

– Я слышал от Учителя, что люди, которые не смогли в свое время проявить всю полноту своих чувств, проявят ее в скорби по усопшим родителям.

Тайное знание

Все китайские духовные учения, зародившиеся в эпоху Чжоу и дошедшие до сегодняшнего дня, отличает одна характерная черта: по своей внутренней сути они построены как медиумные и оккультные учения. Они учат тому, как «общаться» с окружающим миром, как устанавливать гармонию в обществе, как воспринимать и трактовать «веления Неба». И в отличие от классической греческой традиции, Конфуция, равно как и подавляющее число наставников его эпохи, нимало не интересовало ни происхождение мира, ни происхождение человека. Он не задавался вопросом, как устроен мир, откуда произошли вещи, окружающие нас. Конфуций намеренно далёк от таких рассуждений. Существуют вещи, непостижимые для нашего сознания. Размышления, например, о космогонии и познаваемости мира лишь отдаляют от более насущных проблем. И Учитель говорил о другом: не о том, откуда произошли люди, но о том, какими они должны быть, об их моральных и этических качествах. Он думал не о происхождении Неба и Земли, а о том, как человек может понять их «волю» и не противоречить ей. Учение Конфуция – это, прежде всего, знания о человеческом в каждой личности, и в этом смысле вселенная для него антропоцентрична, т. е. человек в ней – центр воплощения импульсов Неба и велений духов.

Очень важно указание Сыма Цяня на то, что Конфуций наставлял в музыке. Естественно, речь идет о том, что обучал воспринимать «правильную» музыку и отбрасывать ту музыку, что не соответствует ритуалу. Музыкальный строй вообще очень важен в магических ритуалах, поскольку способствует вхождению человека особое соматическое состояние. И речь здесь идет не о красоте музыки, не о ее эстетике, а о том, насколько точно он соответствует ритуальным действиям.

«Лунь юй» доносит лишь обрывочные сведения, как и в чем наставлял Конфуций. Очевидно, его традиция отличалась от школы Лао-цзы и Чжуан-цзы. Ее главное отличие состояло в том, что основной упор делался на соблюдение особых форм общения с потусторонним миром, с духами, предками и их представителями на земле – правителям. Все это обобщенно и называлось ли – Правила, Уложения, Ритуал и т. д.

Это действительно было какое-то целостное и очень емкое Учение. Это учение оказывается очень сложным для освоения, и оно отнюдь не заключалось лишь в выполнении каких-то норм поведения и ритуалов. Его сердцевина тяготеет к самым древним медиумным и шаманским комплексам – к особому чувству или переживанию, достигаемому в момент соприкосновения с силами Неба.

Истинное знание для него – знание, заложенное в человеке при рождении, которое и составляет то Дао – учение или Путь, который и стоит пестовать всю жизнь. Но, увы, далеко не все способный пробудить в себе такое врожденное знание, это доступно лишь высшим посвященным и мистикам древности. И тогда наступает период обучения, благодаря которому можно также достичь высшей мудрости, хотя эта мудрость будет по своему качественному уровню ниже, чем врожденное знание: «Высший – тот, кто обладает знаниями от рождения. За ним следует тот, кто приобретает знания благодаря учению» (XVI, 9). Сам же Конфуций, увы, не принадлежит к тем, кто получил высшее Знание от рождения. Он признается «Я обладаю знаниями не от рождения. Я приобрел их лишь благодаря любви к древности и настойчивости» (VII, 20).

По сути, этим признанием он расписывается в своей неспособности пробудить в себе то древнее знание, которое заложено в некоторых людях от рождения. И ему приходится учиться – постигать знаки древности и изучать скрытый смысл ритуалов. И по этому же пути он и ведет своих учеников.

Кто же такие те, кто получает высшее знание от рождения? Скорее всего, это та весьма обширная категория шаманов, магов, отшельников, которых могли именовать у, си, сянь и которые никогда не проходили систематического обучения. Да, впрочем, им этого и не надо – ведь их служение основывается на неких априорных знаниях, ощущениях, прозрениях, знаках. Все это – вполне в духе архаической традиции, где медиум играет важнейшую роль в процессе установления контактов с потусторонним миром, но при этом не обладает никаким формальным знанием. Конфуцию это уже недоступно – призывая к возвращению к древности (а для него это вполне конкретная мысль о возвращении к непосредственной и личностной связи с Небом каждого человека), он прекрасно понимает, что сам принадлежит к другой эпохе и другому культурному окружению. Он уважает древних магов и трепещет перед ними, равно как и перед посвященными мудрецами древности. Но сам может достичь таких знаний через обучение, а не через пробуждение этого мистического «пред-знания».

По сути, он создает одну из первых школ священнослужителей, где пытается через привитие формальных знаний, через передачу внутренне сути правил и ритуалов, воспроизвести облик древнего мудреца, абсолютно открытого Небу.

...

Гигантская статуя Конфуция в храме Цюйфу, в его родных местах

Мудрость для него рождается не из обучения, а из пробуждения, из соприкосновения через ритуал с некими высшими сферами. Эта мудрость интуитивна и внезапна. Это то, что противостоит точному расчету и заблаговременному продумыванию. Именно эта мудрость позволяет прозревать вещи и понимать людей безо всякого дополнительного обучения. Сам Конфуций говорит: «Не предполагать обмана и никого не подозревать в бесчестии, но сразу же распознать такое, – разве не в этом мудрость?» (XIV, 31).

Истинное знание передается вне слов – эта мысль прослеживается у всех проповедников той эпохи. Конфуций же одним из первых превращает передачу знаний именно в

проповедь. Он впервые заговаривает о тайном, о том, что открыто передавать нельзя. Он разъясняет внутреннюю сущность ритуалов, стремится передать то, как можно открыть душу силам Неба. Он методично обучает, использует разные методы: проповедь, личный пример, чтение древних текстов. Но он отчаивается и в этих своих попытках наставить учеников именно словами. Как-то он признается своему ученику Цзы Гуну: «Я не хотел бы больше говорить (т. е. проповедовать – А.М.)». И объясняет пораженному ученику: «А, разве Небо говорит? Между тем четыре сезона чередуются ежегодно как обычно. Все сущее рождается как обычно. А разве Небо говорит?» (XVII, 19).

Учение, что несет сам Конфуций, представляет собой далеко не только набор морализаторских наставлений и правил поведения. Это абсолютно живое и целостное учение. В беседах с учениками он именует его Дао (путь), и в его устах «Дао» близко к тому раннему значению, в котором его употребляли ранние мистические школы даосизма и сам Лао-цзы. Дао – это не столько некий высший принцип и не порождающие начало (даосы, например, для обозначения этого вселенского начала первоначально использовали термин «и» – «Единое»), а именно учение.

Учение это – закрытое, потаенное, в которое Конфуций посвящает лишь немногих своих учеников. Среди них много старательных и талантливых, но свое Дао он передаст лишь немногим, другие окажутся недостойны его. И здесь недостаточно быть лишь добродетельным человеком. Его ученик Цзы Чжан спрашивает, что представляет собой Дао доброго человека. И Конфуций отвечает: «Такой человек не следует проторенными тропами, но ему никогда не войти во внутренние покои». Здесь и похвала настойчивости добродетельному человеку и указание на то, что такой добродетельности мало, чтобы получить высшее знание. Но что же нужно еще? Самораскрытие Небу!

«Лунь юй»: следовать пути-Дао

I, 2

Ю-цзы сказал:

– Очень мало бывает людей, которые, обладая сыновней почтительностью и любовью к старшим братьям, склонны выступить против высших. И вовсе не бывает людей, которые не любили бы выступить против высших, но любили бы затевать смуту. Благородный муж все свои усилия сосредоточивает на корне. Когда корень заложен, то рождается Дао-Путь. Сыновняя почтительность и любовь к старшим братьям – это и есть корень человеколюбия.

...

Ю-цзы или Ю Жо – ученик Конфуция, уроженец царства Лу, на 33 года моложе Учителя.

IX, 30

Учитель сказал:

– Человек, с которым можно вместе учиться, не всегда может оказаться тем, с кем будешь затем следовать Дао. Человеком, с которым вместе следуешь Дао, не всегда может оказаться тем, с кем вместе утвердишься [в Дао]. Человеком, с которым вместе утвердишься [в Дао], не всегда может оказаться тем, с кем можно будет оценить достигнутое.

...

Здесь под Дао подразумевается именно Учение, передаваемое Конфуцием.

XI, 20

Цзы Чжан спросил, что представляет собой Дао доброго человека. Учитель ответил:

– Такой человек не следует проторенными тропами, но ему никогда не войти во внутренние покои.

...

«Войти во внутренние покои» Учителя означает, что такому человеку никогда не получить посвящения или Высшего знания. Это связано с тем, что традиционно учитель передавал свои знания лучшим ученикам лишь во внутренних покоях дома в стороне от любопытных глаз и ушей.

XIV, 3

Учитель сказал:

– В государстве, где царит Дао, говорить и действовать надо прямо. В государстве, лишенном Дао, действовать надо прямо, а говорить стоит сдержанно.

XIV, 28

Учитель сказал:

– У благородного мужа три пути-Дао. Но, увы, ни по одному из них я не смог пройти до конца: человеколюбивый не печалится, мудрый не сомневается, храбрый не боится.

Цзы Гун сказал:

– Это как раз и есть Дао нашего Учителя!

XV, 29

Учитель сказал:

– Человек может возвеличить учение-Дао, но само Дао не может возвеличить человека.

XV, 32

Учитель сказал:

– Все мысли благородного мужа – лишь о Дао, а не о еде. У тех, кто пашет землю, случается и голод. Тем, кто учится, может достаться хорошее жалованье. А вот благородного мужа заботит лишь обретение Дао и не заботит бедность.

XV, 40

Учитель сказал:

– Люди, что следуют разными учениями-Дао, не составляют общих планов.

XVI, 11

Учитель сказал:

– Я видел и слышал тех людей, что спешат осуществить добрые дела, чтобы успеть, и которые бегут от плохих дел, словно боясь обжечься. Но я не встречал и не слышал таких людей, что живут в уединении, дабы закалить свою волю, и поступают по справедливости, дабы распространить свое Дао

XVII, 14

Учитель сказал:

– Тот, кто лишь повторяет услышанное о Дао, просто отходит от добродетели.

XIX, 4

Цзы Ся сказал:

– Даже в малом Дао есть достоинства, но если стремишься к возвышенной цели, этого будет недостаточно. А поэтому благородный муж не обращается к нему.

...

Цзы Ся – один из учеников Конфуция. Понятие «малое Дао» вызывало споры у ученых. Одни считают, что речь идет о неких «малых знаниях», например, земледелие, огородничество, врачевание, гадание и т. п. По мнению других, «малое Дао» – это представители других учений. Нам же кажется, что речь идет «внешних», несвященных знаниях, в то время как благородный муж должен опираться на истинное Дао, то есть на знания посвященного.

XIX, 7

Цзы Ся сказал:

– Ремесленники совершенствуют свое мастерство там же, где и работают.
Благородный же муж постигает Дао через учебу.

XIX, 22

Гунсунь Чао из царства Вэй спросил Цзы Гуна:

– У кого учился сам Чжунни (т. е. Конфуций)?

И услышал в ответ:

– Путь-Дао Вэнь-вана и У-вана не сгинул на земле, а растворился в душах людей.
Достойные наследовали великое, а недостойные – малое. Нет места, где бы не было
Дао Вэнь-вана и У-вана. Разве не всюду мог учиться наш Учитель? И нужен ли для этого
лишь один наставник?

Ритуал – метод связи с Небом

Важнейшим понятием для Конфуция становится ли, обычно переводимое как «Правила», «ритуал» или «церемониал», а на самом деле – сложный свод правил и внутренних переживаний, устанавливающий связь человека с Небом. При этом ни Конфуций, ни его последователи никогда не давали четкого определения понятию ли. Впрочем, этого и не требовалось, поскольку ритуальное понималось как мистически-невыраженное, как «воля Неба», воплощенная в действиях человека. С внешней стороны содержание ритуала могли составлять многочисленные поклоны, сложные формы подхода к правителю и вышестоящему чиновнику, формы обращения со старшим и равным себе, нормативы коммуникации в обществе. Ритуал не уравнивает людей, он наоборот, очень четко определял их «энергетические ячейки» в мистическом пространстве общества. По существу все эти действия – коленипреклонения, многослойные формулы обращения – вели к тому, что человек полностью подчинял свою энергетику энергетике правителя, растворял себя в потоке могущества, который идет от человека, который сидит выше его как по статусу, так и даже по месторасположению. Говоря иным языком, конфуцианство учило «взаимоотношению энергий», порою целиком уничтожая и растворяя того, кто не мог предоставить доказательств своего права на более высокий статус.

Реализация ритуала-ли в повседневной жизни основывается на довольно сложной взаимосвязи человека и Неба, человека и человека, личности и государства. Например, человек должен с одинаковой искренностью и преданностью относиться и к Небу, и к правителю, и к своей семье. Это и есть единая система взаимосвязей на основе закона – Ритуала.

...

«Посвященный бессмертный у извечных вод» (Худ. Ду Цзин, XVI в.)

Очевидно, что для Конфуция ли – отнюдь не некие правила, придуманные людьми, – он лишь осмыслен ими, переведён на уровень слов и жестов; в принципе Ритуал существует абсолютно независимо от человека, он дан от природы, как всякий естественный закон. Следование этим нормам поведения должно привести и государство, и отдельного человека к процветанию, а игнорирование Ритуала лишь ускорит их гибель.

«Нельзя смотреть на то, что противоречит Ритуалу, нельзя слушать то, что противоречит Ритуалу, нельзя говорить то, что противоречит Ритуалу». В этом высказывании – исток и суть учения Конфуция. Подчинённость Ритуалу, правилам поведения, культурному началу – в этом коренится смысл жизни человека.

Ритуал – это место встречи небесного и земного, особого рода символическое действие, которое позволяет человеку познать себя в пространстве Космоса. Начиная с эпохи Чжоу именно ритуал-ли становится фундаментальным понятием, вокруг которого строилась вся культура.

Понятие Ритуала-ли весьма сложно и многогранно, и сам Конфуций признавал, что «нелегко следовать Ритуалу-ли, древние – и те не все следовали». Это – поразительное признание! Конфуций понимает ритуал именно как подвиг, внутреннее подвижничество, а отпадение от него будет являться хаосом в Поднебесной. Не всякий человек прошлого воплощал собой такой ритуал, и здесь хорошо видно, что в отличие от того, что считают некоторые исследователи, Конфуций отнюдь не «стремился в прошлое», не был консерватором. Для него и само прошлое может быть полно недостатков, но там, где-то в далеких веках прошлой истории, жили люди, типа Яо, Шуня и Чжоу-гуна, которые своим поведением могли показать, что есть истинное воплощение ритуального радения.

Воплощенный ритуал удивительно сложен для исполнения и даже постижим далеко не для всякого. Но, тем не менее, есть определённые нормы поведения, которых способен придерживаться каждый человек. Это человеколюбие, долг, преданность, искренность, сыновняя почтительность, забота о младших, честность. Вот на этих качествах и основывалось этическое учение Конфуция, которое через много веков переросло в мощнейшую социальную и политическую доктрину.

Для Конфуция один из важнейших ритуалов – погребальный обряд. Смерть любого человека воспринималась не просто как обычная кончина, подчинённая законам природы; это некое космическое событие, уход из жизни носителя Культуры. Так можно ли пренебречь этим? Ведь и приход человека в мир, и его уход из жизни – звенья очень сложной цепи какого-то мистического процесса. Обычному человеку не дано понять, зачем он рождается и почему так быстро умирает, не успев совершить и малой доли того, что задумал. Для Конфуция ясно лишь одно – в самом факте человеческой жизни заложен глобальный смысл вообще человека как существа культурного, вся жизнь должна быть превращена в Ритуал, тем более её завершение. И Конфуций активно проповедует тщательное соблюдение всех тонкостей похоронного обряды, а также соблюдение траура. Его ученик Цзэн-цзы замечает: «Если будем

тщательно соблюдать все траурные церемонии, связанные с похоронами родителей им должным образом чтить память предков, то добродетели народа возрастут» (I, 9). В этом, пожалуй, одна из основных сокрытых мыслей школы, сложившейся вокруг Конфуция: лишь поддержание постоянной связи с духами прямых предков может напитать мир благодатной энергией.

Он не терпим даже к малейшим нарушениям ритуала и вряд ли его можно назвать «легким соседом». Он не садился на циновку, которая была «постлана неправильно» (X,12), никогда не говорил во время еды или сна. Он отказывался от каши, которая была сделана не из обрушенного зерна, или от недостаточно мелко нарезанного мяса. Не употреблял мяса или вина, купленного на рынке (X, 8).

В ритуале для него главное внутреннее переживание, мистическое перевоплощение в тех духов, к которым обращены молитвы. Поразительным образом, призывая к церемониальной тщательности, Кун-цзы оказывается не догматиком и даже не дидактиком, но тем, кто требует ощущения больше, чем механического исполнения жестов. Когда его спрашивают о сути ритуальных правил, он ясно дает понять эту мысль: «Если речь идет об обычных обрядах, то откажись от пышности. При похоронных же обрядах лучше скорбеть, чем заботиться о тщательности исполнения этих обрядов» (III, 4)

Сколько раз он стремился объяснить сущность правильного поведения и истинного Ритуала, а от него отворачивались, к его словам не прислушивались, к нему самому относились порой с недоумением! И тогда Конфуций уходил. Однажды в одной местности Конфуций попытался вернуть народ к отправлению древних ритуалов, и народ возмутился.

В «Мэн-цзы» рассказывается истории о том, что «когда Конфуций был судьёй в царстве Лу, его советам не следовали. Он участвовал в жертвоприношении, но после этого ему не дали, как надлежит, часть жертвенного животного. Поэтому он покинул царство, даже не дождавшись, пока с него снимут официальную шапочку. Тот, кто не понимает его, считает, что он поступил так из-за мяса, но тот, кто понимает его, знает, что он сделал так потому, что царство Лу не следовало истинному ритуалу».

Правильно ли он поступил? Хорошо ли сделал, покинув официальный пост из-за такой, казалось бы, малости? И на это у Мэн-цзы есть замечательный ответ: «Поступки благородного мужа не всегда доступны пониманию обычного человека». Ведь Конфуций не просто не получил небольшой кусочек мяса жертвенного животного. Жертвоприношение – это установление магической связи с Небом и духами, а следовательно, по мнению Конфуция, кто-то попытался отлучить его от Неба. Этого душа посвященного наставника не может пережить, это – не по Ритуалу.

Действительно, истинное понимание Ритуала весьма затруднено – это не обычный церемониал, жесты которого можно просто заучить. Ритуал нужно пережить, ощутить душой. Но как сделать это, как заставить человека стремиться к постижению Ритуала и Культуры?

«Лунь юй»: Ритуал и Правила

I, 9

Цзэн-цзы сказал:

– Если будем тщательно соблюдать все траурные церемонии, связанные с похоронами родителей, и должным образом чтить память предков, то добродетели народа будут возрастать.

I, 12

Ю-цзы сказал:

– При воплощении ритуального радения наиболее ценимо достижение гармонии с [Небом и духами]. Именно этим и был прекрасен путь-Дао первых правителей. Малые и большие дела они вершили, исходя из этого принципа. Однако, когда встречались дела, что трудно осуществимы, они, владея этим принципом достижения гармонии, добивались такого единства [с Небом]. Вне ритуального радения такого не достичь!

I, 13

Ю-цзы сказал:

– Если человек в своих искренних устремлениях приближается к справедливости, то словам его можно следовать. Если в своем почтении он близок к воплощению Ритуала, то избежит он и стыда и позора. Если он опирается на тех, в ком не утрачены родственные чувства, то обретает внутреннюю стойкость.

III, 4

Линь Фан спросил о сути Ритуала.

Учитель ответил:

– Вопрос этот очень важен! Если речь идет об обычных обрядах, то откажись от пышности. При похоронных же обрядах лучше скорбеть, чем заботиться о тщательности исполнения обрядов.

III, 15

Учитель вошел в Великий храм, расспрашивая обо всем, что делалось.

Некто сказал:

– Кто это говорил, будто сын человека из Цзоу понимает Правила? Войдя в Великий храм, он расспрашивает буквально о каждой мелочи.

Учитель, услышав, ответил:

– Это как раз и соответствует Правилам.

...

«Человек из Цзоу» – имеется в виду отец Конфуция Шулян Хэ, который получил за службу во владение местечко Цзоу.

III, 18

Учитель сказал:

– Служение правителю с соблюдением всех правил некоторые люди могут признать за лесть.

VI, 25

Учитель сказал:

– Этот кубок для вина не похож на кубок для вина. Так, разве это кубок? Разве это кубок?

...

Возможно, речь идет о ритуальном кубке необычной формы. Конфуций узрел в этом нарушение ритуала и был огорчен.

VIII, 2

Учитель сказал:

– Почтительность без Правил переходит в суетливость; осторожность без Правил переходит в трусость; смелость без Правил порождает смуту; прямота без Правил переходит в грубость.

Если благородный муж предан своим родственникам, то и в народе процветает человеколюбие; если он сам не забывает старых друзей, то и народ не утрачивает отзывчивость.

IX, 3

Учитель сказал:

– По Правилам шапки должны быть из пеньки, но ныне их делают из шелка. Это дешевле, и я следую за всеми. По Правилам следует [правителю] кланяться внизу у входа в залу, ныне же кланяются, когда он уже поднялся. Но вопреки всем, хотя это и вызывающе, я буду кланяться внизу.

XIII, 4

Фань Чи попросил обучить его земледелию. Учитель ответил:

– В этом мне не сравниться со опытными земледельцами.

Тогда Фань Чи обратился с просьбой обучить его выращивать овощи. Учитель ответил:

– В этом мне не сравниться со опытными огородниками.

Когда Фань Чи ушел, Учитель сказал:

– Увы, какой же мелкий человек этот Фань Сюй (т. е. Фань Чи)! Если верхи почитают Правила, то в народе не найдется никого, кто решился бы не проявить почтительность. Если верхи почитают справедливость, то в народе не найдется никого, кто решился бы не подчиниться им. Если верхи почитают честность, то в народе не найдется никого, кто решился бы не быть искренним. Если все будет именно так, то тогда народ со всех четырех сторон свет, неся за спиной детей, устремится к вам. И тогда зачем вам самим, заниматься земледелием?

XIV, 41

Учитель сказал:

– Если верхи любят Правила, то народ легко использовать.

Вдохновляйся песнопениями и совершенствуйся музыкой

Как человек может совершенствовать себя? Конфуций в своей проповеди не многим отличается от ученых мужей своего времени, но все формы воспитания стремится довести до безупречного воплощения. Он ясно определяет свой путь совершенствования: «Вдохновляйся «Канонем песнопений», опирайся на ритуалы, совершенствуй себя музыкой» (VIII, 8). И ни слова – про государственное служение, про почитание старших, поскольку в этих трех составляющих его Пути заключено именно личное, интимное.

Прежде всего, это изучение древних песнопений, стихов, нашедших свое обобщение в «Ши цзине» – «Каноне песнопений» или «Книги поэзии».

«Ши цзин» – собрание песнопений, включающее всего 305 стихов разных по содержанию, смыслу и объему. Тот список, который дошел до нас, составлен значительно позже жизни Конфуция, в эпоху Хань, т. е. в III до н. э.-III в. н. э. Примечательно, что сам Конфуций именуется «Ши цзин» просто «ши», то есть «песнопения», «стихи». Это могло быть и разрозненное, еще неупорядоченное собрание древних заклинаний, в котором уже немногие посвященные, типа Кун-цзы могли разглядеть именно магическую, заклинательную суть. Именно поэтому и следует «вдохновляться Песнопениями» – как ни через них, через эти моления, призывы и заклинания,

понять духовный мир предков?

Он постоянно призывает своих учеников изучать «Песнопения», он апеллирует к ним в своих наставлениях, он ссылается на них, как на основе своего знания. Для него – это целый мир, где разворачивалась мистерия целостности человека и духов, человека и Неба, ныне, увы, утраченная.

Что он больше всего ценит в древней поэзии? Стиль, красоту слога, изящество выражения мысли? Если это и интересует его, то лишь в самую последнюю очередь. Для него поэзия и, прежде всего «Канон песнопений» есть самое яркое, самое полное, самое воплощенное выражение духа древних. «В [Каноне] песнопений триста стихов. И если надо в одной фразе выразить их суть, то скажу так: «Непорочных мыслей нет!» (II, 2)

Понимание «Ши цзина» именно как сакральных магических формул исчезает уже во времена Конфуция, для многих это превращается в некий абстрактный ритуальный канон, непонятно зачем и как используемый. Но для Конфуция это по-прежнему важнейшие ритуальные заклинания, обращенные к духам, формулы, регулирующие поведение и настрой сознания человека.

«Почему никто из вас, мои ученики, не изучает «Канон песнопений»? О, Канон песнопений! Ведь именно с его помощью можно развить воображение и расширить кругозор, стать более общительным и научиться иронии. Из него можно научиться, как вблизи служить отцу, а вдали – правителю, как называются птицы и звери, травы и деревья» (XVII, 9).

Для него Канон – это действительно книга жизни, где есть все. Но даже беглый просмотр покажет нам, что, конечно же, подробного описания птиц и зверей, трав и деревьев и даже полного вида ритуалов служения мы не встретим. Неужели Конфуций пользовался каким-то другим списком «Канона песнопений»? Думается, что если версия Канона времен Конфуция отличалась от современной, то не так существенно, чтобы включать какие обширные пассажи, не известные нам сегодня

Отличается не версия, отличается само видение Конфуция содержания «Канона песнопений». Обратим внимание – он говорит, что «с его помощью можно развить воображение». Это может показаться поразительным в устах столь строгого книжника как Конфуций. Но воображение это – особого рода. Речь идет о способности визуализировать невидимое, слышать то, что не слышно уху обычного человека, получать знания из видений и их интерпретации.

...

Ритуальные музыкальные инструменты времен Конфуция – бронзовые колокола, расположенные на трех уровнях

А вот другой источник вдохновения Конфуция – музыка. Почему Конфуций любил слушать музыку? Однажды он приоткрыл своим ученикам этот секрет – оказывается,

вслушиваясь в переливы звуков, он видит перед собой великих мудрецов древности. Да, да, он не столько восхищается музыкой, сколько взирает на то, что скрывается за ней, – на глубины времени, в которых он черпает вдохновение! Конфуций видит не символические образы древних, но их живое воплощение и даже может различить черты их лиц! И в этой метафизической реальности он может беседовать с ними, задавать вопросы, а значит – учиться у них. Этот эпизод позволяет увидеть особое отношение Конфуция и его последователей к музыке – оказывается, она учит идеалу древности.

Именно музыка способна пробудить в человеке ощущение связи с Небом и переноса этого благодатного ощущения на людей – жэнь, т. н. человеколюбия. Более того, она может становиться даже критерием этого человеколюбия, чистоты душевного посыла человека. Конфуций ясно подчеркнул: «Если человек не человеколюбив, что он поймёт в Ритуале? Если человек не человеколюбив, что он поймёт в музыке?».

Что может выступить символом высшей упорядоченности? Конечно же, музыка. Разве она не является просто набором упорядоченных звуков? Отдельный звук, пусть даже повторенный много раз, не сможет усладить слух, а вот сведённые в сложную систему, они вместе дают мелодию. Конфуцианцы считали, что музыка имеет огромное воспитательное значение, «умиротворяет нравы и облагораживает души». Сам Конфуций был очень восприимчив к музыке, прекрасно разбирался в древних мелодиях и даже мог давать наставления музыкантам.

Он сам обладает способностями впасть в настоящий транс от звуков ритуальной музыки. Как-то в царстве Ци он услышал ритуальную мелодию, после чего «три месяца не чувствовал вкуса мяса». Более того, он сам поражен таким воздействием на себя: «Никогда не представлял себе, что музыка может пробудить во мне такое» (VII, 14).

Однако и музыка может влиять на людей по-разному. Конечно, она – символ упорядоченности и вселенской гармонии, но в этом и её опасность. Например, музыка боевого танца, во время которого разыгрывались сцены древних сражений, показалась Конфуцию «прекрасной, но недостаточно добродетельной», ибо возбуждала души, поселяя в них «военное начало». Но была и другая мелодия – «гражданская», под которую исполнялись удивительные по своему изяществу танцы с павлиньими перьями. Она была «и прекрасна, и добродетельна», поскольку выявляла в человеке глубину «культурного начала», которое так ценил Учитель.

Он постоянно наставляет, что существует ритуал за пределами внешних действий, истинная музыка – за пределами собственно слышимых звуков. Он переживает, что большинство людей слишком формально воспринимает и ритуальные правила, и музыку. Дня многих из них – это уже просто архаические формальности, они не вызывают у них столь чистого и яркого отзвука в душе, как то полагается по древним уложениям. Он в раздражении восклицает: «Вот, все говорят: «Правила, да Правила». Да неужели ними имеютя в виду лишь подношения даров из яшмы и парчи?! Вот, все говорят: «Музыка, да музыка». Да неужели под этим имеютя в виду лишь удары в колокола и барабаны?!» (XVII, 11). Истинная архитектоника звуков прорастает где-то

в пространстве, не доступном обычному человеку, путь к которому лежит не через формальные действия – правила или «удары в барабаны» – но через постоянное подвижничество, самопреодоление и, самое главное, – вглядывание в зеркало древних идеалов.

Для Конфуция же музыка – искусство особого рода – она сродни мирозданию. И здесь он, кажется, наслаждается парадоксом: разные, первоначально несвязные между собой звуки барабанов, гонгов и колокольцев мистическим образом сливаются воедино и образуют единую мелодию. Здесь происходит какая-то мистическая трансформация – несвязное внезапно оборачивается единством; то, что изначально имеет разную природу (а разве не таковы звук барабана и звук струнной цитры?), объединяется внутри единой архитектоники. Все это символически повторяет то, как разные люди разных нравов и разного происхождения могут единиться внутри единого священного Ритуала связи с Небом.

Сам Конфуций хорошо играл на цине – традиционном китайском струнном инструменте – и неплохо пел. Но искал он в музыке не красоту мелодии, не многоцветие переливов – он стремился как бы заглянуть за сам звук, в то пространство, откуда он исходит. Прекрасно ощущая мистическое, сокровенное, он, тем не менее, не любил говорить о них. Сохранилась поучительная история о том, как Учитель обучался музыке. Что же искал он в незатейливой мелодии древней китайской песни?

Его учителем был некий Ши Сян. С начала обучения Конфуция прошло уже десять дней, а он продолжал разучивать лишь самые элементарные аккорды, сам же объяснял это так: «Я лишь усвоил мелодию, но необходимо ещё овладеть и искусством исполнения». Через некоторое время, когда Ши Сян-цзы решил, что Конфуций может приступить к новой мелодии, мудрей произнёс: «Я ещё не постиг, в чём коренится выразительность её напева».

...

В царстве Ци Конфуций, «услышав ритуальную мелодию, три месяца не чувствовал вкуса мяса». Стела в провинции Шаньдун, где располагалось царство Ци

Прошло время, и Ши Сян-цзы вновь предложил Конфуцию перейти к разучиванию новой мелодии. На этот раз реакция Учителя была ещё более неожиданной. Конфуций ответил не сразу – он погрузился в глубокие размышления, а затем, будто очнувшись, взглянул вдаль и радостно произнёс: «Теперь я представляю этого человека. Он смугл, ростом – высок, а взор его устремлён вдаль. Он подобен правителю, вззирающему на четыре стороны света. Да кто еще, кроме правителя дома Чжоу Вэнь-вана («Просвещенного правителя»), сумел бы создать такую мелодию?!».

Ши Сян-цзы, поражённый, вскочил с циновки и дважды поклонился Конфуцию. Оказывается, мудрей угадал – эту мелодию действительно создал Вэнь-ван. Да он даже и не угадал – он воочию соприкоснулся с древним правителем, прозрел его дух внутри себя. Стоит заметить, что именно Вэнь-вана Конфуций считал примером человека культурного. Так благодаря музыке причудливым образом произошло мистическое

соприкосновение двух мудрецов разных эпох.

«Лунь юй»: музыка, что приводит Поднебесную в гармонию

III, 23

Учитель так говорил Старшему наставнику из царства Лу о музыке:

– Музыка – ее необходимо знать! Сначала настраивают инструменты [добиваясь слитности пяти тонов], затем приводят звуки в гармонию, делают их ясными тягучими. И так до конца произведения.

VII, 14

Учитель, находясь в Ци, услышал мелодию шао. После этого три месяца он не чувствовал вкуса мяса. Он сказал:

– Никогда не представлял себе, что музыка может вызвать во мне такое.

VIII, 15

Учитель сказал:

– Когда главный придворный музыкант [царства Лу] Чжи начинает исполнять песню и когда заканчивается ода «Крики чаек», как ласкают слух приятные звуки!

...

Во время дворцовых церемоний музыкальную часть открывал сам главный придворный музыкант, а концерт, как правило, заканчивался исполнением оды «Крики чаек» («Гуань-цзюй»).

XI, 1

Учитель сказал:

– Есть люди, что сначала изучают Правила и музыку и лишь затем становятся чиновниками

– это может изменить даже простолюдина люди, не имеющего рангов и жалований.

Есть люди, кто сначала стремится стать чиновником, и лишь затем изучать Правила и музыку – это дети из благородных семейцинов и дафу. Если бы мне понадобились способные, то я выбрал бы из тех, кто начинает с изучения Правил и музыки.

XVII, 4

Когда Учитель прибыл в городок Учэн, то услышал там струнные переборы и песни. С улыбкой он сказал:

– Годится ли резать курицу бычьим ножом?

На что Цзы Ю ответил:

– Я, Янь, слышал когда-то, как Учитель говорил: «Если благородный муж изучает Дао, то проникается любовью к людям. Если же мелкий человек изучает Дао, то его легче использовать».

Учитель сказал:

– Дети мои! Янь прав, а то, что я сейчас сказал вначале, было лишь шуткой.

...

Цзы Ю был управляющим небольшого уездного городка Учэн. Конфуций имел ввиду, что музыка, которую он услышал, следовало исполнять лишь на ритуальных церемониях в большом городе, а не в маленьком городке. Здесь скрыт его спор с учениками, а в самом споре – противоречие между строгим соблюдением ритуальных правил и широкой проповедью учения-Дао. Конфуций почувствовал это противоречие и превратил свои слова в шутку.

XVII, 11

Учитель сказал:

– Вот говорят: «Правила, да Правила». Неужели под этим имеются в виду лишь подношения даров из яшмы и парчи?! Вот говорят: «Музыка, да музыка. Неужели под этим имеются в виду лишь удары в колокола и барабаны?»

XVIII, 9

Главный музыкант Чжи отправился в Ци, распорядитель музыки при завтраке Гань бежал в Чу, распорядитель музыки при обеде Ляо бежал в Цай, распорядитель музыки при ужине Цюэ бежал в Цинь, барабанщик Фан Шу удалился на берег Хуанхэ. Музыкант У, играющий на ручном барабане, переправился на другой берег реки Хань, помощник главного музыканта Ян и Сян, что играл на каменном гонге, бежали за море.

...

Во время церемоний и при приеме пищи во дворце правителя исполнялась строго определенная музыка. Это было лишь прерогативой правителя. Однако три крупнейших клана в царстве Лу также ввели у себя в домах эти обычаи, чем нарушили ритуал – звук музыки, устанавливающий космическую упорядоченность в мире, предназначался лишь для правителя. Музыканты, возмущенные этим, разбежались в другие пределы.

Раскрытие тайного

Скорее всего, он был из той категории культовых служителей, которые имели способность напрямую общаться с духами, получать от них «указания», знаки и откровения. Именно поэтому Конфуций постоянно призывает «следовать Небу», «слушать Небо».

Конечно, он не философ и не имеет никакого отношения к классическому пониманию философии – он не философствует, не размышляет, не пытается построить внятной теории. Он лишь отражает, рефлегирует на том высочайшем уровне духовного откровения, который может быть доступен лишь высочайшему магу и посвященному.

И вместе с этим он поразительным образом старается десакрализировать свой путь, вольно или невольно раскрывая своим ученикам мысль о том, что магический путь доступен каждому при соблюдении определенных правил в обучении и самосовершенствовании.

Конфуций принадлежал к тому типу учителей, которые, получив древние магические ритуалы служения духам и предкам, решили вынести их на уровень государственного служения. Конфуций – посвященный, «знающий», и он сам это неоднократно подчеркивает. Он мистик, отказывающийся говорить о тайном, дабы не увести людей от конкретных дел. На людях он не рассуждает о вещах сокровенных, более того он старается всячески уйти от абстрактных рассуждений о тайном. Не случайно то, что в отличие от Лао-цзы, который рассуждал и о «тайно-утонченном», и о «темно-сокровенном» (сюань), Конфуций ни разу даже не обмолвился об этом. И это дало повод многим интеллектуалам последующих эпох считать, что именно Кун-цзы воистину знал о «тайном» и «сокровенном». И именно поэтому, постигнув их суть, оказавшись посвященным в Знание, отказывался говорить о них.

В какое учение, какое знание оказывается посвящен Кун-цзы? Это сложно описать в двух словах, однако достаточно даже бегло прочитать «Лунь юй», как перед нами открываются общие контуры того великого учения, которое нес в себе Конфуций.

Прежде всего, он не создатель этого учения – он лишь его передаточное звено, что сам неоднократно подчеркивает в своих речениях и беседах. Его заслуга в том, что об этом Знании он начинает говорить открыто, выносит на уровень обсуждений, споров и даже записей – вещь невероятная для более ранних магов. Это – мистик, попытавшийся стать государственным советником, и создавший, в общем, общедоступную школу.

Да и наставником может стать лишь то, кто способен, преломив древние знания, воплотить их в новой конкретной ситуации «Тот, кто повторяя старое, способен найти новое, может стать наставником» (II, 11). Эти слова – отнюдь не абстрактное наставление, но абсолютно конкретный совет: достижение Знания происходит через изучение традиционных правил, песнопений и заклинаний. И такой человек, овладевший именно этой – тайной и сакральной частью бытия – может считаться наставником.

У него есть лишь две постулаты, на основе которых можно постичь мистическое Знание. Прежде всего, это «любовь к древности», во-вторых – это методичное обучение. Более высоким он считает врожденное знание, которое пробуждается в результате использования различных оккультных методов, например, звуков музыки. Это – «люди, которые делают что-либо, ничего при этом не зная», т. е. не изучая. Таковы древние шаманы и медиумы. Но не всем это дано и сам Конфуций, увы, уже не обладает такими врожденными знаниями. А значит, следует учиться, постигать и

брать пример с древности. В противоположность таким медиумам и отшельникам-мудрецам, что имеют «знания от рождения», Конфуция признается: «Я, увы, не таков. Мне приходится многое слушать, выбирать из этого доброе и следовать этому. Мне приходится наблюдать многое и запоминать это. И все же такие знания вторичны» (VII, 28).

...

Хотя к Конфуцию приходило много людей, его школа была невелика. «Конфуций передает Учение» (XVI в.)

Конфуция окружают такие же люди, как и он сам – настойчивые в обучении, но тем, кому «знания не даны от рождения». Им необходимо много учиться, дабы проникнуть в Учение. Конфуций признается: «Я обладаю знаниями не от рождения. Я приобрел их лишь благодаря любви к древности и настойчивости в учебе» (VII, 20). Нет ничего «врожденного» – и в этом Конфуций отличается от архаичных медиумов, многие из которых обладали врожденными способностями к ощущениям. Но какую «древность» призывает постигать Конфуций? Быть настойчивым в обучении каким предметам, каким знаниям?

И ответ на этот вопрос не столь очевиден.

Как видим, его учение не содержит прямых морализаторских призывов, не является проповедью нравственного и добродетельного как неких абстракций «правильной жизни». Конфуций очень конкретен и утилитарен в своей проповеди, призыв к соблюдению строгости духа и дисциплины тела, диетологических предписаний и соблюдения правил повседневной жизни, – все это лишь подготовка тела и психики для возможности открытого и безболезненного общения с высшими силами. Не «правила» ради морали и гармоничной жизни, а гармония внутри ради самораскрытия духовным силам.

На место врожденным свойствам, соматическому экстазу старого поколения магов и медиумов Конфуций ставит постоянную тренировку своих чувств и свойств, постоянную работу над своими мыслями и устремлениями. Он действительно создает систему – систему внеэкстатического общения с духовными силами, которую собственно и стали затем принимать за некую «конфуцианскую философию». Мы же должны различать устремления самого Конфуция, суть его личной проповеди от более поздних трактовок его фраз и идей, вписанный в общую ткань социально-политической культуры Китая.

О себе Конфуций отзывается критически и думается, не из-за наигранной скромности, а потому, что очень ясно осознает тот путь, по которому идет. Он ни разу он не назвал себя благородным мужем, считая это состояние недостижимым пределом стремлений. Конфуций говорил: «У благородного мужа три пути. Но ни по одному из них я не смог пройти до конца: человеколюбивый не беспокоится; знающий не сомневается; смелый не боится». Перед нами три пути – отшельника и одинокого подвижника (человеколюбие), чиновника (знание) и военного (смелость). Но Конфуций действительно не стал ни одним из них – он стал светским проповедником.

Он ничего не скрывает – поразительным образом в нем нет ничего сокрытого, утаенного, есть лишь непонятое его учениками, которые, вероятно, воспринимают его именно как ментора, но ни как носителя тайного знания. Однажды он открыто говорит: «Вы, ученики, полагаете, что я что-то скрываю от вас. Я ничего не скрываю от вас. Я ничего не делаю без вас. Таков я» (VII, 24). Он действительно стремится учить своим примером, той энергетикой, которую несет вокруг себя – и нередко сталкивается с непониманием, ведь многие привыкли именно к устным наставлениям. И он наставляет – иногда монотонно-долго, но чаще – кратко, точно и афористично.

«Лунь юй»: в поисках высшего знания

II, 15

Учитель сказал:

– Учиться и не размышлять – бесполезно, размышлять и не учиться – впадешь в сомнения.

II,17

Учитель сказал:

– Ю, научить ли тебя, как определить [обладаешь ли ты] Знанием? Если знаешь что-либо, полагай, что знаешь; а если не знаешь, полагай, что не знаешь. Уже это и есть Знание.

...

Ю-Чжун Ю (Цзы Лу), ученик Конфуция.

IV, 8

Учитель сказал:

– Если утром познаешь Дао, то вечером можешь умирать.

V, 28

Учитель сказал:

– Даже в небольшой деревушке с десятком дворов непременно найдется человек столь же прямодушный и искренний, как я. Но не найдется человека, столь же ревностного в учении.

VI, 20

Учитель сказал:

– Тот, кто познал [Учение], не сравнится с тем, кто любит претворять его в жизнь осуществить. Но даже любящие претворять Учение в жизнь, не сравнятся с теми, кто способен наслаждаться сделанным.

VII, 20

Учитель сказал:

– Я обладаю знаниями не от рождения. Я приобрел их лишь благодаря любви к древности и настойчивости.

IX, 8

Учитель сказал:

– Обладаю ли я Знанием? Увы, нет. Но если простой человек обратится ко мне с вопросом, то я, даже не обладая Знанием, спрошу его, в чем причина и каковы последствия, а после этого все подробно ему объясню.

IX, 11

Янь Юань со вздохом сказал:

– Чем больше я взираю на Учение [моего Учителя], тем возвышеннее оно мне кажется. Чем больше стараюсь проникнуть в него, тем непроницаемее оно оказывается. Я вижу его впереди, но вдруг оно оказывается позади. Но наставник искусен, он умеет завлечь людей, он обогащает меня познаниями, сдерживает меня, посвящая в Правила. Я хотел отказаться от постижения от постижения его учения, но уже не смог. И когда я отдал все свои силы, оно будто бы встало мной. И ныне я хочу следовать ему, но не способен этого сделать.

IX, 18

Учитель, стоя на берегу реки, сказал:

– Все проходящее подобно этому потоку, что не останавливается ни днем, ни ночью.

XIII, 20

Цзы Гун спросил:

– Кто может называться служивым мужем (ши)?

Учитель ответил:

– Того, кого стыд может удержать от несправедливых поступков. И того кто, посланный в другое царство, справится с любым поручением вот его и можно называть служивым межем.

Цзы Гун вновь спросил:

– Прошу объяснить мне, кто может следовать за ним?

Учитель ответил:

– Тот, кого его община признает обладающим сыновней почтительностью, и кого его клан признает обладающим любовью к старшим братьям.

Цзы Гун сказал:

– Осмелюсь спросить, кто может следовать за ним?

Учитель ответил:

– Тот, кто правдив в словах и решителен в делах, пусть и маленький человек, может следовать за ним.

Цзы Гун спросил:

– А каковы те, кто занимается делами правления ныне? Учитель ответил:

– Увы, что можно сказать о людях, чьи способности столь ничтожны?

XIII, 29

Учитель сказал:

– Если добродетельный человек будет обучать людей семь лет, то их можно посылать даже на войну.

XIV, 24

Учитель сказал:

– В древности учились, чтобы совершенствовать себя. Ныне же учатся, чтобы похвалиться перед другими.

XVI, 9

Конфуций сказал:

– Высший – тот, кто обладает знаниями от рождения. За ним следует тот кто приобретает

знания благодаря учению. За ним следует тот, кто приступил к учению, лишь столкнувшись с трудностями. Того же, кто, столкнувшись с трудностями, все равно не приступил к учению, народ причисляет к низшим.

XVII, 3

Учитель сказал:

– Лишь высшая мудрость и низшая глупость никогда не меняются.

Падший Феникс

Но здесь происходит неожиданное – Учитель оказывается отторгнут той традицией, тем Учением, которое сам же и старался проповедовать. Он – человек, который вынес мистические знания на уровень государственного служения и открытого преподавания – оказывается подвергнут остракизму со стороны тех носителей Учения, которые продолжали проповедовать его в закрытых школах.

Вероятно, именно из-за отхода от традиции закрытости школы на Конфуция постоянно обрушивалась критика. Более того, как можно судить из ряда высказываний, записанных его учениками, выпады эти исходили не столько от власть предержащих, которые как раз с радостью привечали мудреца, но от последователей других школ. Вот один такой эпизод:

«Чань Цзюй и Цзе Ни вместе пахали. Кун-цзы, проезжая мимо, послал Цзы Лу (одного из своих лучших учеников – А.М.) разузнать их о переправе. Чан Цзюй спросил:

– А кто это правит, сидя на повозке?

Цзы Лу ответил:

– Это Кун Цю.

И услышал вопрос:

– Не луский ли это Кун Цю?

– Да, это он, – ответил Цзы Лу

– Так этот сам должен знать, где находится переправа»

Уже в этом ответе звучит тонкая издевка над Конфуцием, который сам учил людей как совершенствовать себя – не случайно «переправа» стала синонимом спасения, самосовершенствования. Но далее Чжан Цзюй и Цзе Ни еще жестче высказываются в отношении Конфуция, обращаясь к его ученику Цзы Лу:

«Посмотри-ка, что творится! Вся Поднебесная бушует и вышла из берегов. С кем ты

хочешь добиться перемен? Ты следуешь за тем, кто избегает плохих людей! Не лучше ли последовать за теми, кто избегает этот мир?» (XVIII, 6)

«Те, кто избегает этот мир» – типичное обозначение мистика-отшельника, человека «сокровенных знаний», идеального образа носителя Истины. Конфуций в глазах встречаемых, как видно, к таковым не относится. Он слишком социализирован, открыт для того, чтобы быть мистическим учителем. Он «избегает плохих людей» – излишняя морализация никогда не была чертой тайной традиции. И он уже отпал от нее.

А вот другой эпизод:

«Чусский безумец Цзе Юй, проходя мимо Кун-цзы, пропел:

– О феникс, феникс! Как упала твой благодать! Нельзя осуждать людей за то, что было, а то, что будет – еще будет. Брось все! Ныне опасно участвовать в управлении!» (XVIII, 5)

Это предупреждение Конфуцию значительно серьезнее, чем-то, о котором сказано выше. Это прямое обвинение и даже угроза. Почему? Для этого прежде всего постараемся понять кем мог быть «чусский безумец». Почему безумец? Почему именно из царства Чу?

Дело в том, что именно южная область Чу еще во времена Конфуция сохранила мощные традиции шаманизма и медиумизма. Оттуда выходили маги, гадатели, которых за их эксцентричное поведение именовали «безумцами» – именно под таким названием подобная категория людей фигурирует, например, у «Чжуан-цзы». И там очевидно, что речь идет об особой категории посвященных, что непосредственно общаются с небом, отличаются «безумными речами» и необычным поведением. Именно к ним идут за советом, именно они предсказывают великие события. И вот такой человек сталкивается с Конфуцием. И прямо обвиняет его в полном падении и отпадении от традиции древних.

...

Чусский безумец: «О, феникс! Как же упала твоя добродетель! Брось всё!» (Худ. Ма Юань, XIII в.)

Он называет Конфуция «фениксом» – это символ магического могущества, а в ранних культурах это еще и посредник между миром мертвых и миром живых, подобно дракону и некоторым другим птицам. Феникс появляется в государстве как знак процветания и благоденствия. Этот чусский маг обращается к Конфуцию как представителю той традиции магов и медиумов, к которой принадлежит сам. Но тут же открыто и при учениках обвиняет Конфуция в том, что, по сути, тот перестал быть частью той традиции, в которой воспитывался. Его магическая сила – «благодать» – уменьшилась. Он стал использоваться свои знания не для магического управления силами, но для общества. Конфуций пошел на службу к правителям и занялся делами управления, сколь бы ничтожными эти усилия не были. Но он давал советы, пытался

правителей и чиновников наставляя на истинный путь и самое главное – открыто проповедовал перед людьми непосвященными. И отшельник призывает его наконец отказаться от погони на служебной карьере и оказании услуг неправедным правителям. Конфуций же страстно стремился оказаться полезным практически любому, даже не самому праведному правителю, откликаясь на любой призыв. И вот он получает хлесткую пощечину от человека, который действительно является частью древней традиции.

Примечательно и то, что происходит после того, как чусский отшельник обвинил его в отпадении от традиции: «Конфуций сошел с повозки, намереваясь побеседовать с ним, однако тот быстро удался и Кун-цзы не смог с ним побеседовать». Конфуций, как и в первый раз, пытается объяснить, пояснить суть своих поступков. Но, увы, с ним не хотят говорить – он оказывается уже «не вхож» в это сообщество.

Поразительно, что в историях его жизни нет ни одного упоминания о том, что его поступки одобряли сами отшельники, мистики и бродячие посвященные. Наоборот, все они самым резким образом осуждают его. Какой-то отшельник в царстве Вэй, услышав, как Конфуций бьет в каменный колокол (скорее всего, это было частью магического ритуала), откровенно говорит ему: «Эти удары рождают у других лишь раздражение: ах, никому не понять меня... Ну, и пусть никому не понять тебя – остановись, наконец!» (XIV, 39). Он, вероятно, действительно многих начинает просто раздражать.

Отшельниками он просто презираем и не принимаем, а на его учеников они смотрят с сожалением, как на людей обманутых и ведомых ложным путем. Это поразительно и обидно для самого Конфуция – ведь он сам видит в этих людях идеал скромного и неприхотливого служения людям, нестяжательства и открытости Небу. Сам он не таков – он вынужден постоянно делать выбор между критической оценкой социальной действительности страстным желанием пойти на службу и проявить себя. Более того, отшельники и посвященные мистики просто отказываются признавать его за учителя. Один из них прямо объясняет ученику Конфуция Цзы Лу: «Свои четыре конечности он не утруждает, да и пять видов знаков друг от друга не отличит – какой же это Учитель!» (XVIII, 7).

В мудрости Конфуция сомневались многие, и далеко не только посвященные мистики и отшельники. Аристократы и сановники открыто или вполголоса критиковали Конфуция за его странное поведение, злословили в его адрес, а некоторые даже считали, что некоторые ученики Конфуция превосходили своего учителя и в мудрости, и в административном умении. Действительно, и Цзы Лу, и Цзы Гун – ближайшие последователи Учителя заняли высокие посты на уездном уровне и, в общем, показали себя очень умелыми администраторами, не в пример своему наставнику. Однажды Цзы Гуну даже передали слова, которые услышали при дворе в царстве Лу: «Цзы Гун в мудрости своей превосходит Чжунни (т. е. Конфуция)». Примечательно, что здесь, как и во многих других случаях Конфуция не называют Кун-цзы – «мудрец Кун». Для внешнего мира он для них не мудрец и не учитель, а просто – Чжунни, как и полагается по его личному имени. Но Цзы Гун ведет себя так, как и подобает преданному ученику. Он пытается пояснить, что мудрость Конфуция настолько велика, что обычному человеку ее не разглядеть: «Возьмем для сравнения стену, что окружает дом и двор. Стена моего дома – людям по плечу, и

всякий прохожий может увидеть, что есть в доме стоящего. А вот стена дома Учителя достигает многих жэней, и тот кто не нашел ворот, чтобы войти, не увидит ни величавости храма предков и ни богатства построек» (XIX, 23). Но, увы, в любом случае, при своей жизни Учитель много раз был и не понимаем, и гоним, и подвергался насмешкам.

Ученики вынуждены нередко отстаивать честь своего Учителя. Так Цзы Гун заявляет, что «Очернить Чжунни невозможно» (XIX, 24) или «С Учителем никто не может сравниться, как невозможно по лестнице вскарабкаться на Небо» (XIX, 25).

Порою Учитель старается поддерживать отношения с теми мистиками и отшельниками, которые жили в царстве Лу и Вэй, но не находит у них ни понимания, ни одобрения. Уже очевидно, что они представляли собой уже другую категорию людей и относились к Конфуцию и как к младшему и как к нерадивому отступнику от истинного Пути. Так, отшельник из царства Лу некий Вэйшэн Му обращается к Конфуцию по имени, что уже указывает на его старшинство, причем не столько по возрасту и званию, сколько в некоем неписанном «табеле о рангах» посвященных учителей: «Цю! Что ты здесь засел? Ты что, хочешь показать нам здесь свое красноречие?».

...

Старец с тяпкой, что встретился ученикам Конфуция: «Свои четыре конечности он не утруждает, да и пять видов злаков друг от друга не отличит – какой же это Учитель!»

Ситуация сложилась очень тонкая: Конфуций призван правителем царства Вэй – человеком, о котором ходили не самые добрые истории. И старый отшельник тонко издевается над Конфуцием, который и здесь пытается себе найти место для проповеди или даже лесты (фраза может быть истолкована двояко). И Конфуций оправдывается: «Нет, я здесь лишь потому, что ненавижу упрямство (или «мне претит невежество») такого правителя» (XIV, 32). Но вряд ли это может объяснить поведение Конфуция, который решил служить правителю Лин-гуну, про которого все говорили, что он «не следует Дао». Но именно ему решает служить Конфуций!

Он действительно в период своей зрелости и странствий вынужден постоянно оправдываться и объяснять как своим ученикам, так и многим другим людям суть своего поведения. Конфуций объясняет ученикам, который с разных сторон слышат упреки в адрес учителя о том, что по сути он лукавит, что пытается сочетать несочитаемое: социальную и государственную деятельность с духовным обучением и ритуальными посвящениями. «Все же неразумно отказываться от службы», – объясняет Конфуций. И тут же упрекает тех, кто уходит в отшельничество: «Тот, кто хочет остаться чистым, нарушает принципы отношений между правителем и чиновниками»

Он ищет себе оправдания в том, что и древние мудрецы также были отвергнуты, и они также были гонимы и не поняты. Это его в известной мере успокаивает и даже приближает к статусу высоких посвященных древности. «Отверженными были Бо И, Шу Ци, Юй Чжун, И И, Чжу Чжан, Люся Хуэй и Шао Лянь» (XVIII, 8). Причина проста –

они «не отказались от своих устремлений и не опозорили себя». Он ценит их и за то, что они могли «приспосабливаться к обстоятельствам» – это как бы объяснение тому, почему сам Конфуций вынужден служить даже несправедливым правителям. Но поразительным образом эти мудрецы древности либо сумели возглавить целый народ, либо наоборот, удалялись в отшельники, становясь магами и медиумами. Конфуцию же не доступно ни то, ни другое. Он потерялся, он страдает и ищет оправдание – не перед другими, но, прежде всего, перед самим собой.

...

К концу жизни Конфуций подходит разочарованным, усталым человеком (Худ. Хуан Чжэнь, XIX в.)

Это – трагическая жизнь великого учителя, который сам тезисом о служении правителю пытается оправдать многие свои противоречивые поступки и неудачи. По сути, порою ему некому служить – ведь Конфуций часто оказывается гоним или просто прохладно принимаем при дворах правителей.

Записи его учеников, обобщенные в «Лунь юе», открывают нам настоящую драму жизни великого наставника – человека, который стремился с помощью магических знаний, привнести порядок в общество. Но он оказывается отторгнут как самими мистиками, так и некоторыми правителями, которые очень редко по-настоящему пользовались его советами.

«Лунь юе»: отвергнутый и гонимый

VII, 5

Учитель сказал:

– О, как я опустился! Уже давно не вижу во сне Чжоу-гуна.

...

Чжоу-гун – сын чжоуского Вэнь-вана (XI в. до н. э.), один из наиболее чтимых Конфуцием правителей древности, основатель царства Лу. Здесь Конфуций говорит по сути о своем «отпадении» от мира духов из-за постоянной сует мирских дел.

IX, 9

Учитель сказал:

– Феникс не прилетает, Хуанхэ не шлет своих знамений! Конец мне!

...

Самый яркий пример крушения надежд Конфуция и отпадения от мистической традиции – Небо в виде знамений перестало говорить с ним.

XIV, 21

Чэнь Чэнцзы убил правителя царства Ци Цзянь-гуна. Кун-цзы, совершив ритуальное омовение, пошел на аудиенцию к лускому царю Ай-гуну и сказал:

– Чэнь Хэн (Чэнь Чэнцзы) убил своего государя. Прошу покарать его.

Ай-гун ответил:

– Доложи главам трех семей!

Кун-цзы вышел и сказал сам себе:

– Поскольку я также занимаю сановный ранг, следующим за высшим рангом дафу, то я не мог не доложить лично правителю. А он говорит: «Доложи главам Трех семей!»

Учитель доложил главам трех семей, но и они отказались. Конфуций и им сказал:

– Поскольку я занимаю сановный ранг, я не мог не доложить.

...

Чэнь Чэнцзы был советником правителя царства Ци – Цзянь-гуна (484–481 гг. до н. э.) и, убив 480 г. до н. э. своего правителя, нарушил все нормы ритуальной морали. Конфуций отправляется к правителю своего царства и требует покарать нарушителя, послав войска, и восстановить справедливость. Но Ай-гун, используя бюрократическую процедуру, по сути отказывается. Также как и отказываются главы трех семей Ци, Мэн и Сунь, в чьих руках фактически находилась власть в государстве. Это – яркий пример того, что советы Учителя часто приходились «не ко двору» правителей того времени и их политическая целесообразность для них была не ясна. Конфуций также подчеркивает, что он требует покарать нарушителя, потому что сам Конфуций занимает пост и должен выполнять свои обязанности.

XIV, 32

Вэйшэн Му сказал Кун-цзы:

– Цю (т. е. Конфуций)! Что ты здесь делаешь? Наверное, опять хочешь продемонстрировать свое красноречие?

Конфуций ответил:

– Я не собираюсь проявлять красноречие. Я здесь, лишь потому, что мне претит невежество правителя.

...

Вэйшэн Му предположительно был отшельником и мистиком из царства Лу. Здесь он, называя Конфуция по имени, тонко насмехается над ним, так как Конфуций решил

пойти на службу в царство Вэй к правителю Лин-гуну, известному своим несправедливым поведением.

XIV, 35

Учитель сказал:

– Никто не знает меня.

Цзы Гун спросил:

– Почему так вышло, что Вас никто не знает? Учитель ответил:

– Не ропщу на Небо, не виню людей. Изучая низшее, я постигаю высшее. И если, кто и знает меня воистину, то не Небо и это?

XIV, 38

Цзы Лу заночевал у ворот Шимэнь. Утром стражник спросил:

– Откуда пришел?

Цзы Лу ответил:

– Я из учеников Конфуция.

Тогда стражник сказал:

– А, это тот, кто, зная, что ничего не получится, все же продолжает свое дело!

XIV, 39

Однажды, когда Учитель жил в царстве Вэй, он бил в каменный гонг. Один человек, что проходил мимо ворот дома Куна с корзиной с травой за плечами, сказал:

– Сколь много души вкладывает сей человек в удары в гонг!

Еще немного послушав, добавил:

– Эти удары, как стук падающих камней, рожают у других лишь раздражение: ах, никому не понять меня... Ну, и пусть никому не понять тебя – остановись, наконец! [В «Каноне песнопений» говорится]: «Где глубоко, там я в одеждах переплавлюсь, а где мелко – лишь край платья подниму».

Учитель сказал об этом человеке:

– Он такой решительный! Его не страшат трудности.

...

По мнению комментаторов, человек с корзиной травы за плечами – один из отшельников. И в его устах звучит осуждение тем, что Конфуций лишь раздражает людей своими речами.

XVIII, 3

Циский правитель Цзин-гун, раздумывал, по какому разряду принять Конфуция. В конце концов решил:

– Я не могу его принять как цзиши. Приму-ка я его по разряду, среднему между цзиши и мэнши.

А затем, подумав, сказал:

– Пожалуй, стар я уже и не смогу использовать его на службе.

Конфуций покинул царство Ци

...

Цзиши – титул первого сановника.

XVIII, 5

Чуский безумец Цзе Юй, проходя мимо Конфуция, проговорил нараспев:

– О, феникс! О, феникс! Как же упала твоя добродетель! Нельзя осуждать других за то, что было, а то, что будет – еще будет. Брось все! Брось все! Ныне опасно участвовать в управлении.

Конфуций сошел с повозки, намереваясь побеседовать с ним, однако тот быстро удалился, и Конфуций так не смог с ним объясниться.

...

Это яркий пример того, как Конфуция осуждала целая категория отшельников, магов и медиумов. Их именовали «безумцами» за необычное эксцентричное поведение, в частности в «Чжуан-цзы» под понятием «безумец» выступают в основном маги. По преданиям, феникс появляется в эпоху благоденствия, но Конфуций не справился с этой благодатной миссией и «отпал» от мистической традиции. И отшельник призывает его наконец отказаться от погони на служебной карьере и оказании услуг несправедливым правителям.

XVIII, 6

Чан Цзюй и Цзе Ни как-то вместе пахали. Конфуций, проезжая мимо, послал Цзы Лу разузнать у них о переправе. Чан Цзюй спросил:

– А кто это правит, сидя в повозке?

Цзы Лу ответил:

– Это Кун Цю.

И услышал вопрос:

– Да, не луский ли это Кун Цю?

– Да, это тот самый, – ответил Цзы Лу.

– Так этот и сам должен знать, где находится переправа.

Тогда Цзы Лу обратился с тем же вопросом к Цзе Ни. Цзе Ни же в ответ спросил:

– А ты сам кто?

И услышал в ответ:

– Я – Чжун Ю.

– Не ученик ли луского Кун Цю?

– Да, это я.

Тогда Цзе Ни произнес:

– Посмотри-ка, что творится! Вся Поднебесная бушует и вышла из берегов. С кем ты хочешь добиться перемен? Ты следуешь за тем, кто избегает плохих людей! Не лучше ли последовать за теми, кто избегает этот мир?

Сказав так, он продолжил рыхлить землю.

Цзы Лу вернулся и рассказал обо всем Конфуцию. Учитель с досадою сказал:

– Человек не может жить только с птицами и животными! Если я не буду вместе с людьми Поднебесной, то с кем же я буду? Если бы в Поднебесной царило Дао, то я не добивался бы вместе с вами перемен!

XVIII, 7

Однажды Цзы Лу, следуя за Учителем из царства Чу в царство Цай, сильно отстал от него. По дороге он встретил старца с тяпкой на плече. Цзы Лу спросил:

– Вы не видели моего Учителя? Старец ответил:

– Свои четыре конечности он не утруждает, да и пять видов злаков друг от друга не отличит – какой же это Учитель!

Закончив говорить, начал полоть тяпкой.

Цзы Лу же, почтительно прижав руки к груди, стоял в стороне. Старец все же оставил Цзы Лу у себя дома на ночлег. Он зарезал курицу, приготовил желтый рис, позвал двух сыновей участвовать в трапезе и накормил Цзы Лу. На следующий день Цзы Лу нагнал Конфуция и рассказал о случившемся.

Учитель сказал:

– Это отшельник.

И отправил Цзы Лу обратно, чтобы тот встретился со старцем. Цзы Лу пришел к нему, но тот уже покинул дом. Цзы Лу пришлось вернуться ни с чем. Конфуций сказал:

– Все же неразумно отказываться от службы. Ведь нормы отношений между старшими и младшими отменить невозможно. Так как же можно отменить справедливые принципы отношений между правителем и чиновниками? Тот, кто хочет остаться чистым, нарушает эти принципы отношений между правителем и чиновниками. Благородный муж идет на службу, дабы выполнить свой долг, а о том, что его Дао неосуществимо, он знает заранее.

XIX, 23

Как-то Шусунь Ушу, будучи при дворе, сказал в беседе сановникам:

– Цзы Гун в мудрости своей превосходит Чжунни (т. е. Конфуция).

Цзыфу Цзинбо рассказал об этом Цзы Гуну. Цзы Гун сказал:

– Возьмем для сравнения стену, что окружает дом и двор. Стена моего дома – людям по плечо, и всякий прохожий может увидеть, что есть в доме стоящего. А вот стена дома Учителя достигает многих жэней, и тот кто не нашел ворот, чтобы войти, не увидит ни величавости храма предков и ни богатства построек. И лишь немногим суждено отыскать эти ворота. Поэтому нет ничего удивительного в словах этого господина!

...

Шусунь Ушу был аристократом из царства Лу. Здесь он выражает мнение определенной части людей, что на самом деле Цзы Гун – ученик Конфуция заметно превосходит своего учителя. Жэнь – мера длины, равна приблизительно 25,6 м.

XIX, 24

Шусунь Ушу злословил в отношении Чжунни. Цзы Гун сказал:

– Не стоит делать этого! Невозможно очернить Чжунни. Достоинства других людей подобны холмам и курганам, на них можно взобраться. Чжунни подобен солнцу и луне, а до них даже подняться невозможно. Пожелай кто-либо отвергнуть солнце и луну, разве это смогло бы повредить солнцу и луне? Такой человек лишь покажет, что не умеет соразмерять свои силы

XIX, 25

Чэнь Цзыцинь спросил Цзы Гуна:

– Не из почтения ли к Чжунни Вы считаете, что он Вас превосходит?

Цзы Гун ответил:

– Вам нужно быть осторожнее в своих словах. За одно слово благородного мужа могут счесть мудрецом или глупцом. С Учителем никто не может сравниться, как невозможно по лестнице вскарабкаться на Небо. Если бы Учитель получил в управление государство или удел, то, как говорят, начни он ставить людей на ноги – все встали бы на ноги, начни вести людей по Дао – все пошли бы. Если бы умиротворял бы людей – к нему пришли бы издалека. Если бы побуждал их к труду – то люди стали бы жить в согласии и гармонии. При жизни его прославляли, а после кончины оплакивают. Так разве можно сравниться с Учителем?

Радости Конфуция

И все же Конфуций не был именно абстрактным любителем и поклонником древности – для него важны были души тех людей, который жили в этой древности. Он любил не абстрактное время, а поклонялся конкретным духам прошлого, у которых молил об удаче.

Не случайно Конфуций первой же фразой «Лунь Юй» подчеркивает «Изучать и своевременно повторять изученное (в другой трактовке «и претворять в жизнь» – А.М.) – не в этом ли радость?» Обычно эта сентенция понимается как стремление изучать древность, заветы предков и первопрародителей, «Канон песнопений» и «Канон перемен». Но возможно к этому следует прибавить еще и изучение методов и смыслов древних магических учения?

Эта фраза, произнесенная великим наставником, справедливо считается одной из центральных идей его проповеди – живя внутри традиции, постоянно обращаться к ней, «повторять изученное». Она многократно цитировалась и комментировалась, и, несмотря на некоторые разночтения, все комментаторы сходились на том, что Конфуций призывает обращаться к уже сказанному или свершенному великими мудрецами. Чжу Си в XIII в, на чьи комментарии и на чье понимание опирались все дальнейшие переводчики, также считал, что понятие «учиться» здесь равносильно понятию «подражать».

Первый переводчик «Лунь юя» на русский язык П.С. Попов (1910), опираясь на средневековый комментарий Чжу Си, дает здесь абсолютно традиционную трактовку, вошедшую с небольшими вариациями в большинство последующих переводов: «учиться и упражняться». Грамматически этот перевод абсолютно точен, но где-то внутри фразы существует некий ускользающий контекст, который может явиться определяющим для всей проповеди Конфуция. Учится – чему? Упражняться – в чем? Ведь в этой первой фразе – суть всего учения, возможно, разгадка тайны многовековой устойчивости учения Конфуция. Если Конфуция воспринимать как некоего абстрактного мудреца, занимающегося

праздными экзистенциальными рассуждениями, характерными для западной философии, то такое понимание будет, безусловно, верным. Но, как можно видеть из всего контекста жизни Кун-цзы, он был человеком абсолютно конкретных действий и ясно сформулированных мыслей. Поразительным образом, Конфуций очень утилитарен, прагматичен в своей мудрости, и в этом, думается, заключена одна из причин «долгожительства» конфуцианства вообще. И значит, перед нами – не просто общее рассуждение, а вполне конкретный совет или указание.

Кажется, существует еще один смысл, который подразумевал Конфуций и который значительно точнее соответствует мистико-магическому настрою конфуциевой проповеди. Он связан с тем понятием, которое обычно переводится как призыв Конфуция «повторять изученное» (си). Иероглиф си в древних текстах в основном действительно обозначал «повторять». Но не только «изученное», а повторять второй раз моление или вопрошение к духам в практике медиумов. Семантически иероглиф си восходил к другому значению «птица, летающая много раз», изображаясь в виде двух «крыльев» сверху и графемы «солнце» снизу. Повторение вопрошения к духам делалось для того, чтобы уточнить предсказание духов, и считается, что гадатели обычно дважды повторяли свой вопрос, например, во время предсказаний на основе методики «Канона перемен» («И цзин»). В частности, именно в этом смысле и используется иероглиф си в «Каноне перемен», причем существует предположение, что для предсказания результата происходящего события использовалось три вопроса или три гексаграммы. Это и было «повторять вопрошение к духам». Даже сегодня многие китайские гадатели, соблюдая древние традиции, считают, что у духов следует вопрошать по крайней мере дважды.

И тогда все фраза Конфуция приобретает совсем иное звучание: «Изучать [сказанное духами] и вопрошать у них вновь – не в этом ли радость». Это – сентенция вполне достойная древнего мистика, очевидно, ни в малой степени не выбивающаяся из общего контекста той эпохи.

...

«Вот друг приехал издалека – разве не в этом радость?»

Дополнительный ключ к первой фразе мы можем встретить буквально через несколько абзацев. Один из лучших учеников Конфуция Цзэн-цзы говорит: «Я ежедневно трижды вопрошаю себя: отдал ли все свои душевные и физические силы тому, кому советовал

в делах? Не был ли в обращении с другом неискренен? Повторял ли то, что передано?» (I, 4). Речь здесь идет именно о повторном вопрошении (си) того, что передано самой традицией (чжуань).

Но все же ключевое слово здесь не «изучение и повторение», как может показаться на первый взгляд. Вчитаемся еще раз в первую фразу «Лунь юя», понимая, что зачин собрания духовных наставлений Учителя не может быть случайным: «Изучать и вопрошать вновь – не в этом ли радость? Вот друг приехал издалека – разве не в этом ликование?». «Радость» – вот что является здесь центром переживания, ключевым словом во всей этой фразе. Это не только радостное возбуждение, свойственное обычному человеку, это затаенное ликование от чувства соприкосновения с высшими силами. Именно как «великую радость», в частности, переживал даос свое озарение, и именно так стало обозначаться просветление в буддизме. Это – не чувство, это достижение особого состояния. Вот почему записи слов Конфуция начинаются именно с этой фразы: в ней описывается от чего можно испытать озарение.

От чего еще Конфуций испытывает радость, ликование, наслаждение? От музыки и от чтения древних песнопений. Когда Конфуций говорит о «радости», для него это понятие наполнено именно ритуальным смыслом, переживательным, священным. Это не просто хорошее настроение и не легкость ощущения бытия – в этом плане Конфуций не подвержен обыденным эмоциям. Это ликование души, возвышенное состояние от слияния с высшими силами – духами предков. Он испытывает «радость от музыки», когда, услышав ритуальную мелодию, на три месяца перестает чувствовать вкус пищи (VII, 14), а в другой раз его «веселит» одно из песнопений «Ши цзина» (III, 20).

Становится понятным и то удивительное почтение, которое испытывал Конфуций к сборнику древних песнопений «Ши цзин» («Канон песнопений»). Он неоднократно цитировал «Ши цзин», советовал своим ученикам начинать собственное воспитание именно с чтения этого канона. В сущности, там не много говорится собственно о форме ритуалов, зато немало внимания уделено именно связям с духами предков, опосредованию мира земного и мира духовного, молениям. Не менее уважительно отношение Конфуций проявлял и «Канону исторических преданий» («Шу цзин») – обширной компиляции различных событий, охватывающая период с XXIV по VIII вв. до н. э. и рассказывающей о деяниях идеальных мудрецов-правителей, что жили в гармонии с Небесными силами

Все это дает нам возможность несколько по иному осознать название труда, в котором собраны высказывания Конфуция: «Лунь юя», обычно переводимого как «Беседы и суждения». Однако в древности лунь также обозначало дощечку, на которой записывались вопросы к духам, и таким образом оригинальное название труда Конфуция могло восприниматься как «Вопросы к духам и ответы на них», которые и передавались через самого Конфуция.

Из диалогов Конфуция следует, что Учитель, безусловно, осознавал некую миссию лежащую на нем. Она, по-видимому, заключалась в реконструкции идеальной гармонии прошлого. Все его поклонение сводилось к культу идеальных предков, как реальных,

так и полумифологических. Предметом его восхищения были Вэнь-ван, его сын Чжоу-гун, он видел их по ночам, обращался к ним за советами. Конфуций даже учился исполнять мелодии на музыкальных инструментах не для того, чтобы, скажем, постичь эстетику музыки, а стремясь «узреть волосы на бровях» у того, кто когда-то сочинил эту древнюю мелодию. И в этом плане Учитель был чрезвычайно мистичен – он искренне стремился не просто к абстрактному прошлому, но желал соприкоснуться с духами предков, например, с Чжоу-гуном, с Юем, войти с ними в духовную встречу.

«Лунь юй»: радость истинного Знания

I, 1

Учитель сказал:

– Учиться и своевременно претворять в жизнь – разве не в этом радость? Вот друг пришел издалека – разве это не удовольствие? Люди его не знают. а он не хмурился, – это ли не благородный муж?

I, 4

Цзэн-цзы сказал:

– Я ежедневно трижды вопрошаю себя: отдал ли все душевные и физические силы тому, кому советовал в делах? Не был ли в обращении с другом неискренен? Повторял ли то, что мне преподавали?

...

Цзэн-цзы (Цзэн Шэнь) – один из лучших учеников Конфуция, был моложе Учителя на 46 лет.

I, 14

Учитель сказал:

– Если благородный муж не думает о насыщении в еде, не заботится об удобном жилье, в делах усерден, в речах осторожен, способен сам ради исправления сблизиться с теми, кто обладает Дао, про такого можно сказать, что он любит учиться.

«Учитель не рассуждал о духах»

Обычно, говоря об отношении Конфуция к миру духов, приводят фразу о том, что «Учитель не говорил о чудесах, физической силе хаосе и духах» (VII, 21) – именно так она звучит в одном из русских переводов. Из нее может сложиться впечатление, что Конфуций сторонился всякого мистицизма и отрицал основные понятия магического мировоззрения древнего Китая: во-первых, хаос, который рассматривался как изначальное состояние мира, во-вторых, духов, которые так или иначе являлись частью Космоса древних китайцев. И здесь Конфуций может показаться рационалистом

или, по крайней мере, философом, что преодолел архаическую традицию постоянного общения с духами.

Важно, что в тексте «Лунь Юя» речь идет не о духах вообще, а о духах-шэнь. А вот о духах типа гуй, которые в ту пору понимались именно как духи предков, Конфуций не только говорил, но и предостерегал: «Приносить жертвы духам-гуй не своих предков является подобострастием» (II,21).

Но почему же Конфуций «не говорил о духах-шэнь»? Думается, прежде всего потому, что вся ритуальная жизнь для Конфуция есть прямое, непосредственное духообщение. Да, действительно, он «не говорил о духах-шэнь». Но лишь потому, что мог находиться с ними в постоянном контакте. Известно, что он «совершал жертвоприношение предкам, будто они были живые; совершал жертвоприношение духам-шэнь, будто они находились рядом» (III, 12). Для Конфуция с его вечным ритуальным радением контакт с духами шэнь представлял собой хотя и возвышенную, но в известной мере повседневную и, более того, обязательную часть жизни. О духах он не говорил, ибо знал о них, общался с ними, находился в контакте. Конфуций вообще не говорил о самых важных вещах, связанных прежде всего, с магической техникой и переживанием. Здесь достаточно вспомнить, что он не только не беседовал со своими учениками о чудесах, духах, но и редко говорил, например, о судьбе (мин), о человеколюбии-жэнь.

Хотя сам Конфуций сам не только верил в духов, но и неоднократно апеллировал к ним, по-видимому он считал, что человеку не подготовленному, не обладающему специальными знаниями, лучше сторониться такого прямого общения с потусторонним миром... Более того, он советовал, чтобы «народ почитал духов и души умерших, но держался при этом от них подальше». И именно такое поведение Конфуций именует «весьма мудрым». Главным же он считал процесс выявления в себе «человека культурного» на основе почитания древности. Излишнее поклонение духам (что было свойственно раннему китайскому оккультизму) только сбивает человека с истинного пути. Вообще же, как сказано в «Лунь юе»: «Учитель не говорил о необычных вещах, использовании силы, беспорядках и духах».

И, тем не менее, внутренний мир Конфуция наполнен духами и молитвами к ним. Когда Конфуций заболел, его ученик Цзы Лу попросил его обратиться с молитвой к духам. Конфуций спросил:

– А поступают ли так?

– Поступают, – ответил Цзы Лу, – ведь в «Молитвенных наставлениях» сказано: «Молись духам Земли и Неба»

– Тогда я уже давно молюсь, – ответил учитель (VII, 35)

Эпизод очень показателен – оказывается Конфуций «давно молится», а его ученик даже не знает об этом. Значит, Конфуций молится внутри себя, молчаливо общаясь с духами и, более того, постоянно пребывая в контакте с ними.

...

«Этот кубок для вина не похож на обычный винный кубок. Так разве это кубок?!»
Бронзовый кубок периода Конфуция

Конфуций вообще редко упоминал о вещах значимых, существенных – ведь чем больше толковать о них, тем сильнее становится неприятие речей со стороны учеников. Рассуждения о судьбе, о предначертании чужды Конфуцию. Человеку не дано познать свою судьбу, так что же говорить о ней? Зачем рассуждать о том, что людям недоступно, например о «сокровенном», о Дао, о пустоте, об истоках всего сущего, как это делали даосы? Учение Конфуция как бы намеренно заземлено на практическую жизнь. И здесь отразилось характерное китайское мировосприятие: цивилизация, породившая одно из самых глубоких мистических течений, живёт весьма прагматично, «не рассуждает о выгоде», но постоянно следует ей так же, как любой китаец стремится даже из мелочи извлечь свой интерес.

Как-то у известного мистика Ван Би (III в. н. э.), одного из создателей школы «Учение о сокровенном», спросили:

– Небытие – это воистину исток всех вещей, но мудрец (Конфуций) не желает обсуждать это. Так почему же Лао-цзы постоянно рассуждал об этом?

– Конфуций, – ответил Ван Би, – воплощал собой небытие, а о небытии невозможно рассказать. Вот почему мудрец даже не рассуждал о нём. А вот Лао-цзы принадлежал к миру бытия и постоянно говорил о его недостаточности.

Сколь необычный поворот мысли! Конфуций молчал о небытии, о потустороннем именно потому, что знал об этом! А вот Лао-цзы лишь «слышал», сам до конца не понимая, поэтому и пускался в пространные рассуждения о том, что такое Дао, небытие или «сокровенное начало». Если Лао-цзы и ранние даосы пытались обыграть ощущение мистического пространства, то Конфуций принципиально отказывается говорить о его содержимом, он лишь указывает на то, как пройти по нему, не ошибаясь.

Для другого представителя школы «Учения о сокровенном» Го Сяна мудрецом был тот, кто «мудр внутри и любезен снаружи», кто способен странствовать одновременно и в трансцендентном и в профанном мирах. Следуя этим нео-даосам, Лао-цзы и Чжуан-цзы прибывали своим сознанием лишь в трансцендентном мире, в то время как Конфуций был способен объединить оба этих мира.

Конфуций говорит, на первый взгляд, о вещах прикладных, посюсторонних. И здесь молчание Конфуция о «сакральном» обращается доказательством того, что он воистину знает о нем. Не случайно, сам Учитель как-то обмолвился: «Небо же не говорит. Но мы понимаем его».

Да, действительно, Конфуций никогда не говорит о «сокровенном» – невидимом и потаенном. Он отказывается рассуждать о вещах эзотерических, очевидно понимая, что все эти рассуждения лишь создают иллюзию приобщенности к тайному знанию.

Воспитание, постоянное самопреодоление (кэцзы) – вот, что воистину сущностно. Именно это может подвести человека к раскрытию сокровенного.

Не говоря ничего о «потаенной» стороне бытия, Конфуций постоянно оперирует особым лексиконом сакрального пространства. Его излюбленные рассуждения касаются «высокой древности», когда все шло по правилам, ритуал не нарушался, дети почитали отцов, а идеальные правители типа Чжоу-гуна с человеколюбием управляли людьми. И в этом случае Конфуций ничего не доказывает и даже не указывает на точное время, оперируя временем мифологическим, не имеющим точного «размещения» в пространстве прошлого. Он лишь постулирует, используя прошлое как доказательство, в общем никогда не задаваясь вопросом, происходило ли это в действительности. Догмат «высокой древности» абсолютным образом соответствует глобальной мифологеме *illud tempus* – некоего «священного доисторического времени», когда жизнь была идеальной, не случайно конфуцианцы именно к тому времени относили существование всех основных понятий, например абсолютной гармонии (хэ), «великого единения» (да тун). Нарушение законов *illud tempus* есть отпадение от первоизданного рая. И в этом плане мифологема «высокой древности» ни в малой степени не отличается от иудео-христианских представлений об «утраченном рае». Впрочем, разница существует: христианство говорит о грехе, связанном с уходом из Эдема, формируя вечно невротический комплекс вины и ужаса совершить ошибку, необходимость бесконечного искупления. Конфуцианство видит в древности предмет восхищения и идеал подражания. Даже бюрократический рационализм Конфуция базировался на символике идеального прошлого.

Конфуций даже отказывается говорить о смысле некоторых типов ритуала, считая, вероятно, что ученики сами должны пережить акт духообщения и получения трансцендентного опыта. Порою он ведет себя так, как наставляли своих последователей чань-буддийские мастера столетиями позже, стремясь разрушить вербальный опыт учеников, заставить заглянуть за слова и внешние поступки. Например, когда у Конфуция спрашивают о смысле жертвоприношения ди, он отвечает: «Не знаю. Для того же, кто знает это, управлять Поднебесной все равно что смотреть на это». И указал на свою раскрытую ладонь (III, 11).

Из-за его недоговоренностей – то о ритуале, то о духах, то о качествах благородного мужа – у учеников создается ощущение, чего-то тайного. Вероятно именно тогда Конфуций, обращаясь к ученикам, и произносит одну из своих самых значимых фраз, которую мы уже цитировали: «Я ничего не скрываю от вас. Я ничего не делаю без вас» (VII, 23).

...

«Я уже давно молюсь духам Неба и земли»

Мудрецов древности он ценил за то, что те могли поддерживать связь со всем миром духов, безотносительно их свойства. Разве не в этом – величайшее мастерство: быть в контакте со всеми духовными силами? Для него, например, полубогатый правитель первой династии Ся, победитель потопа Юй ценен именно тем, что тот «приносил

жертвы как духам-шэнь, так и духам-гуй» и поэтому, как выразился сам Конфуций, «к нему у меня нет нареканий!» (VIII, 21).

При этом он действительно избегает прямых упоминаний о духах – эта тема табуирована для него, как всякая священная сущность. Конфуций даже не рассуждает о предсказаниях, хотя многие его высказывания по сути и есть предсказания. Как-то он обмолвился: «У южан говорят: «Тот, в ком нет постоянства, не может предсказывать и лечить». Хорошие слова! ... Таким не дано предсказывать!» (XIII, 22). Этот отрывок открывает нам очень многое. Прежде всего сам Конфуций выделяет людей которые могут и которые не могут предсказывать и врачевать, то есть посвященных медиумов и обычных людей. Способность к предсказаниям заключена в «постоянстве» – в постоянном поддержании связи с духами или постоянном сохранении своего сознания в состоянии экстатической открытости, радения. Не случайна и ссылка именно на «южан» – именно южное царство Чу славилось своими магами, предсказателями, и во времена Конфуция там еще сохранялись самые древние оккультные ритуалы и практики. Сам же Конфуций очевидно ясно представляет иерархию духов и способы общения с ними – иногда он оговаривается, как молится духу очага, в другой раз подчеркивает, что «приносить жертвы духам не своих предков – лезть» (II, 4).

Конфуций – не рационалист и даже не философ в западном понимании этого термина. Наоборот, он мистик значительно в большей степени, чем все его ученики и последователи. Он страшно боится духов и трепещет от одной мысли утратить связь с потусторонним миром.

Как-то Конфуций печалился: «О, как я опустился! Я уже давно не вижу во сне Чжоу-гуна!» (VII, 5). Учитывая, что столь почитаемый Конфуцием Чжоу-гун (VIII в. до н. э.), был основателем царства Лу – родного царства Конфуция – и сыном знаменитого чжоусского правителя Вэн-вана («Культурного правителя»), то не сложно догадаться, что когда-то Конфуций нередко видел во сне именно духа Чжоу-гуна. К тому же Чжоу-гун как правитель царства Лу формально мог считаться предком-покровителем самого Учителя. И Конфуций трагически утратил связь с этим духом, не чувствует его и внезапно осознает, что отринут миром духов вообще.

На самом деле, он страшно боится – боится утратить связь с Небом, с духами, и перестать идентифицировать себя в сакральном пространстве. Это безумный страх, близкий к неврозу – вот именно поэтому, как представляется, Конфуций и «не сажился на циновку, которая лежала не по ритуалу» (X, 12), и бранился, недовольный даже мелочью, нарушающей ритуальное единство с духами: «Этот кубок для вина не похож на обычный винный кубок. Так разве это кубок?! Разве это кубок?!» (VI, 25).

Он становится все раздражительнее, понимая, что даже его близкие друзья, с которыми он знаком десятки лет, и лучшие ученики просто не способны или не хотят следовать его увещаниям. Он резко суровеет, как только видит нарушение ритуала – ведь для него в этот момент обрушивается целый мир, который он столь тщательно создавал у себя в голове. Как-то к нему приходит его старый друг Юань Жан и в ожидании учителя садиться ждать его «как варвар» – скорее всего на корточки.

Повод для прихода был важным – у него умерла мать и он, вероятно, решает попросить Учителя о помощи. Но наставник его даже не слушает. Он раздражен, он возмущен таким страшным нарушением ритуала – «сидеть как варвар»! И Конфуций выговаривает старому другу: «В детстве ты не почитал старших, повзрослев, не приобрел известность, а сегодня состарившись, все не унимаешься, и ведешь себя, как разбойник» И после этого бьет его палкой по ноге (XIV, 43). Поведение старика, строго к себе и безжалостного ко всем другим. Усталого и разочаровавшегося...

Он страдает он невостремленности и непонятости. Конфуций ждет вещих сновидений и знамений, он печалится, что «не прилетает дух фэн (феникс)» и из вод Хуанхэ не появляется знамение в виде священного дракона-лун с письменами на спине. Плохой знак – от отвергнут Небом! Он не состоялся как носитель знания! «Конец мне!» – в отчаянии восклицает он (IX, 9). Учитывая, что и фэн и лун, как уже мы замечали выше, были некими посредниками между царством людей и царством духов, а иногда и перевозчиками в царство мертвых, то перед нами оказывается напуганный пожилой мистик, который вдруг испытывает крах своей мечты постоянно находится в контакте с духами предков и мудрецов.

«Лунь юй»: служение духам

II, 23

Цзы Чжан спросил:

– Можно ли знать, что будет через десять поколений?

Учитель ответил:

– Династия Инь наследовала нормы Ритуала от династии Ся. То, что она отбросила, и то, что добавила, – можно знать. Династия Чжоу унаследовала нормы Ритуала от династии Инь. То, что она отбросила, и то, что добавила, – можно знать. А поэтому можно узнать и о тех, кто сменит династию Чжоу, пускай и пройдет с этого времени сотня поколений.

...

Династия Инь правила с XVII по XI в. до н. э. Династия Ся предшествовала Инь, правила с XXII по XVII в. до н. э. Династия Чжоу пришла на смену Инь, правила с XI по III в. до н. э.

II, 24

Учитель сказал:

– Приносить жертвы духам не своих предков – лесть. Бездействовать, когда следует исполнить долг – трусость.

III, 12

Учитель совершал жертвоприношение предкам, будто они были живые. Когда же свершал жертвоприношение духам, то вел себя так, будто они были рядом. Учитель сказал:

– Если я не сам принимал участия в жертвоприношении, то будто и не приносил жертву вовсе.

III, 11

Некто спросил, в чем смысл жертвоприношения ди. Учитель ответил:

– Не знаю. Для того же, кто познает это, то сможет управлять Поднебесной – все равно, что смотреть на это.

И указал на свою раскрытую ладонь.

...

Ди – жертвоприношение, которое совершал верховный правитель. Оно включало в том числе возлияние вина на землю.

III, 13

Вансунь Цзя спросил:

– Правда ли то, что говорят: «Лучше угождать духу домашнего очага Цзао, чем моление духу ао в юго-западного угла комнаты?»»

Учитель ответил:

– Не так. Если провинился перед Небом, то и моление бесполезно.

...

В числе жертвоприношений пяти духам – духу дверей в начале весны, духу центра комнаты в середине лета, духу ворот осенью, духу дороги зимою – мы находим жертву духу домашнего очага, которому она приносилась в начале лета. Для этого табличка с именем духа очага ставилась на загнетке; по окончании жертвоприношения предложения переносились в юго-западный почетный угол навстречу лицу, изображавшему духа очага. Таким образом главенство в жертвоприношении, несмотря на почетное положение юго-западного угла, принадлежит такому низкому месту, как очаг, так как в это время он является заправителем дела. Ван Сун-цзя хотел этим примером сказать, что Конфуцию было бы выгоднее угождать ему, всеильному вельможе, временщику, чем бессильному князю. Ван Сунь-цзя был вэйским вельможей (комм. П. Попова).

III, 17

Цзы Гун хотел отменить обряд жертвоприношения барана при объявлении первого дня

месяца. Учитель сказал:

– Цы! Ты любишь этого барана, а я люблю ритуал.

V, 18

Учитель сказал:

– Цзан Вэньчжун поместил большую черепаху в специальной комнате, в которой на капителях были вырезаны горы, а на столбиках над матицей нарисованы были водяные растения. Каков же его ум?

...

Цзан Вэньчжун (Цзан Суньчэнь, ум. в 617 г. до н. э.) – сановник в царстве Лу. Конфуций считает нарушением сути ритуала помещать священную черепаху в непредназначенном для этого месте.

VI, 6

Учитель сказал Чжун Гуну:

– Пускай тяглогового бычка, даже рыжего и с рогами, люди не захотят использовать для жертвоприношения. Но разве сами духи гор и рек погнушаются принять его?

...

Чжун Гун – ученик Конфуция, сын простого земледельца.

VI, 22

Фань Чи спросил:

– Кого можно назвать мудрым?

Учитель сказал:

– Мудр тот, кто прилагает все силы к тому, чтобы народ обрел чувство долга, кто почитает духов, но не приближается к ним слишком

Фань Чи спросил:

– А человеколюбивым?

Учитель сказал:

– Человеколюбив тот, кто прежде всего стремиться преодолеть трудности, и лишь затем стремиться к выгоде.

VII, 35

Учитель тяжело заболел. Цзы Лу просил его обратиться с молитвой к духам.

Учитель спросил:

– А поступают ли так?

Цзы Лу ответил:

– Поступают. В «Сборнике заклинаний» говорится: «Молись духам Земли и Неба».

Учитель ответил:

– Тогда я уже давно молюсь.

X, 9

При жертвоприношениях в храме предков не допускал, чтобы жертвенное мясо главного животного оставалось на второй день. Жертвенное мясо других животных не должно было лежать более трех дней. Если оно пролежало три дня, то он его не ел.

X, 14

Когда жители его родной деревни выполняли обряд изгнания духов, то он в парадном платье стоял на восточной стороне крыльца.

...

Очевидно, что Конфуций был одним из высших распорядителей такого обряда.

XI, 12

Цзы Лу спросил о смысле служения духам. Учитель ответил:

– Мы не умеем служить живым людям, как же можем служить духам умерших?

Цзы Лу вновь обратился:

– Хотел бы узнать, что такое смерть?

Учитель ответил:

– Если мы не знаем, что такое жизнь, как же мы можем знать о смерти?

XIII, 22

Учитель сказал:

– Южане говорят: «Тот, в ком нет постоянства, не может ни предсказывать ни лечить». Хорошие слова! «И цзин» говорит: «Не будешь постоянным в своих достоинствах, может быть, попадешь с ними в неловкое положение».

Учитель сказал:

– Таким даже предсказывать не дано.

XV, 1

Правитель царства Вэй Лин-гун спросил у Конфуция об искусстве построении войск. Конфуций ответил:

– Я искушен о делах, связанных с жертвенной утварью, что же касается построения войск, то это я не изучал.

На следующий день Конфуций покинул царство Вэй.

...

Конфуций считал себя мастером ритуалом жертвоприношений и священнослужителем. В вопросе о построении войск он увидел тот, что Лин-гун не понимает его сущности.

Цзюньцзы: идеал мистического знания

Во всех рассуждениях Конфуция ярче всего проступает фигура некоего «благородного мужа» цзюньцзы – идеального типажа, точке устремлений каждого служивого мужа. Под воздействием этого идеала сформировалась вообще вся моральная парадигма китайской культуры. Благородный муж «без гнева строг», он «безмятежен и спокоен» и логически противостоит «маленьким людям» (сяожэнь), которые не способны понимать и соблюдать ритуальную сторону жизни, испытывать человеколюбие, уважение к старшим, выполнять свой долг перед правителем.

Цзюньцзы принято переводить как «совершенный муж» (П. Попов), «благородный муж» (Л.С. Переломов), ли «достойная личность» (В.М. Алексеев), «достойный муж» (Сухоруков), на английский – gentlemen, хотя суть его образа значительно более глубока, чем просто достойное ритуальное поведение. Прежде всего, он тот, кто «познал волю Неба» (XX, 3) – и именно это отличает его от обычных людей.

«Благородный муж» превратился в символ всей конфуцианской традиции, в точку устремления каждого служивого чиновника или достойного мужа китайского общества. Чинность, спокойность манер, невозмутимость, преданность в служении, ритуальность поведения – именно таким конфуцианец предстал публике. По сути, все конфуцианские труды так или иначе пытаются трактовать, какими качествами должен обладать цзюньцзы и как этого достичь.

Конфуций и его последователи не часто могли встретить этих благородных мужей среди современников, да и себя они таковыми не считали. Их идеал находился в далёком прошлом, которое мудрецы неизменно называли не иначе как «высокой древностью». В качестве идеальных благородных мужей выступали многие правители Древнего Китая.

Как ни странно, подлинные биографии древних мудрецов никого в Китае не интересовали. Ведь полнотой истины не обладает никто, поэтому и не имеет смысла обсуждать, реальны ли все рассказы о «совершенномудрых» древности. Значительно важнее те идеальные черты, которые им приписывались. Это не просто пример для подражания и не весёлые побасёнки из жизни Древнего Китая. Ведь все эти люди – Хуан-ди, Фуси, Чжоу-гун, Вэнь-ван – являются предками каждого китайца. То, что было присуще предкам, должно быть свойственно и их последователям, а значит, люди изучают свои изначальные качества, «себя в утробе».

Например, знаменитый основатель династии Чжоу-гун воплощал идеал благородного мужа, который, прежде чем что-то сделать, всё тщательно обдумывал; он не решался приступить к делу сразу – ведь сначала надо проникнуть в суть вещей, в глубину событий. И конфуцианец Мэн-цзы называет его образцом именно такой добродетели: «Если вдруг встречалось то, что он не мог полностью понять, он склонял свою голову и погружался в раздумья. Если было необходимо, он мог думать дни и ночи напролёт. И если ему, наконец, удавалось найти ответ, он спокойно садился ждать рассвета». Одновременно это могло звучать и как упрёк правителям – современникам Мэн-цзы, которые, не раздумывая, пускались в военные авантюры, разоряя своё царство.

...

Легендарный правитель древности Шунь. «Совершенствовать себя, чтобы принести спокойствие народу, – разве не это заботило Яо и Шуня?»

Антиподом цзюньцзы является особый типаж – сяожэнь, которого принято переводить как «маленький человек», «мелкий человек» или «никчемный человек». Речь идет, естественно, не о его социальном положении, ни о позиции в обществе, а об отпадении от идеала поведения. «Мелкий человек» не обладает благодатью, действует, повинувшись импульсам, а не велениям Неба. А вот цзюньцзы «требователен к себе», в отличие от мелкого человека, который требователен к другим»(XV, 21).

Идеалу благородного мужа чуждо слепое и подчас жестокое реформаторство. Наоборот, он вращается в древность, черпает из неё, а потому терпелив и снисходителен по отношению к другим. Один из учеников Конфуция – Цзы Ся утверждал, что человек должен дружить лишь с равными себе и сторониться людей более низкого происхождения. Казалось бы, в этом нет ничего удивительного, ибо именно так предписывали нравы того времени. Но истинный мудрец не боится оказаться униженным дружбой с «неравным ему». Наоборот, он своим присутствием облагораживает всё вокруг. Да и вообще, легко ли совершенному найти человека, подобного себе? И поэтому один из учеников Конфуция Цзы Чжан возражает Цзы Ся, повторяя мысли своего учителя: «А вот мне довелось слышать другое: благородный муж почитает выдающихся, но сходится и с заурядными, поощряет способных, но терпим и к бесталанным. И, если, положим, я

имел бы очень много достоинств, разве я не смог бы с кем-нибудь поладить? А если, допустим, я не имел бы никаких достоинств, другие бы сами отвергли меня, а не я – их?!» (XIX, 3)

Да и вмешиваться благородный муж в людские дела не должен – он лишь способствует им, помогает, ибо «благородный муж содействует людям в их добрых делах и не содействует в дурных. А вот мелкий человек – наоборот». Думы благородного мужа всегда о возвышенном, о самом трепетном и недостижимом в культуре.

Но вот еще одна важнейшая черта цзюньцзы – он посвящен в Учение, он знает Дао. «Все мысли цзюньцзы – а Дао, а не о еде. Цзюньцзы заботит обретение Дао и не заботит бедность» (XV, 32). Конфуций уподобляет мысли о Пути стремлению голодного человека добыть пищу. Чтобы размышления действительно обратились к достижению Пути, необходимо желать достичь Пути так же сильно, как голодный страдает пищи, думать о нём так же постоянно, как молодого чиновника ни на мгновение не покидает мысль об удачной карьере и о большом жалованье, ибо в этом – его будущее.

Есть еще одно существенное различие между цзюньцзы и мелким человеком. Цзюньцзы является посвященным в Знание. Он, по сути, и является носителем этого знания. Для Конфуция цзюньцзы то вообще идеал посвященного мудреца, который несет свои знания через вечность от древних мудрецов к современникам. Его отличие от других – не менее умудренных и достойных мужей – именно в том, что он не просто способен честно и искренне служить правителю или способствовать установлению гармонии в народе. Цзюньцзы как раз и осуществляет связь между Небом и миром людей. Он бесстрашен, честен и строг к себе и к людям. Конфуций отмечает лишь три вещи, перед которыми цзюньцзы испытывает благоговейный трепет и даже страх: «перед велением Неба, перед великими людьми и перед словами мудрецов». А вот «мелкий человек не понимает воли Неба, не испытывает перед ним благоговейного трепета, бесцеремонен с великими людьми и презирает слова мудрецов» (XVI, 8). Как видим, все «страхи» цзюньцзы – метафизического характера, связанные либо с отношениями с Небом, либо с духами предков и великих людей, чью волю и Учение цзюньцзы должен осуществлять на земле. И в этом плане цзюньцзы не столько «благородный муж», сколько окультуренный образ древнего мага, мистика и таинственного носителя знаний.

Причудливая трансформация произошла с образом цзюньцзы в западной литературе, в основном под воздействием мнения средневековых китайских комментаторов и современных китайских авторов. Мистик и носитель метафизического знания цзюньцзы превратился в некоего «достойного мужа», классически образ честного служителя, сановника и советника правителей. А вот главная составляющая цзюньцзы – его мистическая посвященность и способность осуществлять функции медиума между миров умерших мудрецов и ныне живущих людей, оказалась просто «вымыта» из его облика.

Цзюньцзы – это образ идеализированного и окультуренного мага, введенный Конфуцием и его последователями. В основном это было сделано из-за того, что сам Конфуций искал оправдание собственной роли и облику – облику человека, что, обладая магическими познаниями и учением-Дао, не только служить разным правителям, но и

с радостью готов предлагать себя любому, кто призовет его на службу.

Хорошо известно, что конфуцианство как таковое сформировалось значительно позже жизни патриархов этого учения: Конфуция, Мэн-цзы, Сюнь-цзы. И пониманием сути конфуцианства, включая и трактовку смысла цзюньцзы, мы обязаны скорее неоконфуцианству X–XIII вв., а затем и конфуцианскому ренессансу эпох Мин и Цин. Естественно, что в тот момент, когда конфуцианство из личного учения Конфуция превратилось в государственную морально-политическую доктрину, многие ранние черты мистического, присутствовавшие в самом духе учения Конфуция, исчезли. Они были заменены на мораль и государственно-политическую софистику. А поэтому, внимательно вглядываясь в слова Конфуция, записанные его учениками, мы с интересом обнаруживаем в облике цзюньцзы такие черты, которые не позволяют понимать этот термин лишь как «благородный муж». Итак, насколько «благороден» традиционный китайский благородный муж?

Прежде всего цзюньцзы обладает абсолютным мастерством, феноменальными способностями «уметь все». Один из лучших учеников Конфуция Цзэн-цзы замечает: «Тот, кому можно поручить воспитание сироты ростом в шести чи (138 см, т. е. не достигшего 15-летнего возраста – А.М.), кому можно доверить управление царством в размере в сотни ли, и кто при этом не оступится перед лицом трудностей – разве это не цзюньцзы? Конечно же, это цзюньцзы!» (VIII, 6).

Этот цзюньцзы, как ни поразительно, не должен знать ничего особенного, равно как и обладать полнотой знаний. Да и сами эти знания получены не столько от обучения, сколько в виде небесного мистического посыла, и в этом плане лично цзюньцзы не должен много «знать». Сам Конфуций как-то вопрошает. «А многими ли знаниями должен обладать цзюньцзы? Совсем немногими» (X, 6). Таким образом «знать» должен обычный человек, цзюньцзы же получает свои знания отнюдь не от учения. Именно здесь – корень понимания сути знаний цзюньцзы – они не от мира сего.

Незнание равное абсолютному знанию, «неумение» цзюньцзы как проявление высшей, запредельной умелости – не перекликается ли все это с образом даосского мага и мудреца? Ведь именно Дао «не знает, но все вершится само собой», «не действует, но нет ничего того, что оставалось бы несделанным». Цзюньцзы, как следует из слов Конфуция, может ничего не знать, но вершит все лишь своим внутренним состоянием, своей энергетической мощью. Кстати, некоторые комментаторы усматривали в этой фразе Конфуция о цзюньцзы, что «не обладает знаниями», намек на самого себя, но вряд ли это так – Конфуций как раз неоднократно подчеркивает, что сам он цзюньцзы не является.

Так же как и даосский маг, цзюньцзы учит лишь своим присутствием, передавая культуру (вэнь) именно как энергетическую субстанцию. Он может поселиться среди варваров, и там тотчас исчезнут грубые нравы (IX, 14).

Цзюньцзы по сути – тот же маг и медиум, посредник между миром людей и духов, который благодаря своему знанию ритуала, способен вступать в контакт с Небом. Абсолютное воплощение цзюньцзы – это сам правитель, который, как мы видели выше, является самым важным медиумом в общении человека и духов.

Для Конфуция цзюньцзы – это, прежде всего, воплощение идеала прошлых эпох, а не просто честный служивый муж современности. И это очень важная черта цзюньцзы – он идеал прошлого, он тот, кто способен осуществить связь эпох, передать импульс мистической мудрости от мудрецов прошлых поколений к современным правителям. И в этом смысле он выполняет ту же посредническую медиативную роль, что и архаические медиумы.

...

«В делах посвященный муж следует Правилам, в речах скромн, в свершениях – правдив»

Конфуций постоянно подчеркивает эту обращенность цзюньцзы в прошлое. Еще в молодые годы, когда ему было лишь 29 лет (для Китая – это еще даже не возраст зрелости), когда умер видный чиновник из области Чжао Цзы-чан, Конфуций замечает: «Из жизни ушел благодатный человек прошлых эпох!» [13, гл. «Чжао-гун», 49.21б]. Таким образом для Конфуция цзюньцзы – это маг, обладающий идеалами прошлого и обративший свои умения на проповедь гармонии в государстве своим примером.

Своим присутствием цзюньцзы устанавливает абсолютное равновесие, гармонию и созвучие всех вещей, определяемое термином хэ. Существует еще и тун – «взаимотождественность»

или датун – «великая тождественность всего всему», «великое взаимосоответствие», также ведущее к покою в Поднебесной. Однако есть принципиальная разница между хэ и тун, мысль о которой проводил Конфуций. Хэ предусматривает многообразие мира и идей и даже некоторое разномнение, ограниченное, впрочем, определенными и порою очень строгими рамками «соответствия ритуалу». Например, объединение инь и ян дает в конечном счете разнообразие мира, однако инь и ян не тождественны (тун) друг другу.

И все же хэ позволительно лишь «человеку культуры», лишь цзюньцзы. «Мелкий человек» не знает хэ, равно как и недоступно хэ варварами, не подверженным нормам китайской культуры. Культура-вэнь в китайской традиции существует лишь как китайская культура – именно так судило конфуцианство.

Цзюньцзы характеризуется и особо трепетным отношением к родителям и к предкам, не случайно понятие «сыновья почтительность» превратилось в конфуцианстве в одно из важнейших требований к воспитанию человека. Очевидно, что Конфуций, а за ним и многие конфуцианцы проповедовали не просто уважение к родителям, но необходимость установления особой магической связи с предками, в том числе и с душами давно ушедших. Собственно забота о родителях является лишь частным случаем культа предков, и именно духи предков дают человек возможность воспитать в себе жэнь. Интересно одно из замечаний Конфуция на вопрос, почему он отказывается от официальной должности. Наставник в ответ цитирует древний сборник «Шу цзин» («Канон истории»): «Достаточно лишь обладать сыновней почтительностью, и будучи добрым братом, человек уже может оказывать влияние на правителей» (II, 21). И здесь проступает

смысл жизни самого цзюньцзы – не столько служить правителю, сколько найти возможность проявить на практике свое магическое Учение. Но вся драма такого служения заключена в том, что он заранее знает, что во всей своей полноте Учение не может быть претворено в жизнь. «Цзюньцзы идет на службу, дабы выполнить свой долг, а о том, что его Дао неосуществимо, он знает заранее» (XVIII, 7). В этом – возвышенная трагедия посвященного мужа древнего Китая, с которым ассоциировал себя и Конфуций: он не может не служить, не применять своих знаний на практике, отчетливо понимая, что служит недостойным и неблагодарным, безотзывчивым на Учение.

«Лунь юй»: благородный муж

I, 8

Учитель сказал:

– Если благородный муж не солиден видом, он не будет пользоваться авторитетом, и его ученость тогда не прочна. Он стремится к верности и искренности; не дружит с теми, кто ему не ровня и не боится исправлять ошибки.

I, 15

Цзы Гун спросил:

– Что Вы скажете, если человек беден, но не льстив. Или про того, кто богат, но не заносчив? Учитель ответил:

– Неплохо! Все же его не сравнить с бедным, но испытывающим радость [от того, что обрел Дао-Путь], или с богатым, но любящим Ритуал.

Цзы Гун спросил:

– Не об этом ли говорится в «[Каноне] песнопений»:

[Изделие из слоновой кости] сначала вырезают, а затем шлифуют. [Изделие из яшмы] вначале гранят, а затем полируют?

Учитель ответил:

– Цы! С тобой наконец-то можно говорить о «Каноне песнопений»! Когда говорю о прошлом, ты уже знаешь, что последует в будущем.

II, 13

Цзы Гун спросил о каков должен быть достойный муж. Учитель ответил:

– Сперва исполняет задуманное, – сказал Учитель, – и лишь потом об этом говорит

II, 14

Учитель сказал:

– Благородный муж объединяет людей, не будучи пристрастным к ним; маленький же человек пристрастен к людям и посему и не способен их объединить.

III, 7

Учитель сказал:

– Благородный муж ни в чем не соперничает. И если необходимо, то только в стрельбе из лука! Вежливо уступая дорогу, он с приветствиями поднимается на помост для стрельбы, а когда сходит, то выпивает чарку вина. Такое соперничество – для благородных мужей!

IV, 11

Учитель сказал:

– Благородный муж думает о добродетели, а низкий – о спокойствии; благородный муж боится закона, а низкий – жаждет корысти».

IV, 16

Учитель сказал:

– Мысли благородного мужа – только о справедливости, мысли маленького человека – лишь о выгоде.

IV, 24

Учитель сказал:

– Благородный муж медлителен в словах, но скор в делах.

IV, 27

Учитель сказал:

– Благородный муж, обладая обширными познаниями в культуре (вэнь), если будет к тому же постоянно сдерживать себя Правилами, не уклониться от истины

VI, 26

Цзай Во спросил:

– Если человеколюбивому скажут: «В колодец упал человеколюбивый», – бросаться ли ему вслед за ним?

Кун-цзы ответил:

– Зачем же ему это делать? Благородный муж можно заставить отправиться к колодцу спасти упавшего, но бросаться тотчас в колодец не стоит. Ведь его могут обмануть, и нельзя, чтобы он оказался обманутым.

VIII, 6

Цзэн-цзы сказал:

– Тот, кому можно поручить воспитание юного принца ростом всего в шесть чи, кому можно доверить управление царством размером в сто ли, кто не дрогнет в чрезвычайной ситуации – не благородный ли это муж? Да, это благородный муж.

...

Шесть чи = 138 см. Речь идет о юном отроке.

VIII, 7

Цзэн-цзы сказал:

– Не бывает ученого мужа без широты ума и твердости духа. Его ноша – человеколюбие – так разве не тяжела она? Только смерть прерывает его путь – разве это не дальний путь?

IX, 14

Учитель хотел удалиться к восточным варварам. Кто-то сказал:

– Как можно? Ведь там грубые нравы! Учитель ответил:

– Там, где поселяется благородный муж, исчезают грубые нравы!

IX, 28

Учитель сказал:

– Лишь с наступлением холодов, мы познаем, что сосна и кипарис опадают последними.

...

Здесь – символика благородного мужа, который не изменяет принципам даже в самых суровых испытаниях.

XI, 21

Учитель спросил:

– Можно ли считать благородным мужем того, кто лишь превозносит чужие суждения? А может, он только притворяется?

XIII, 26

Учитель сказал:

– Благородный муж держится ровно и с достоинством, но без высокомерия. Мелкий же человек высокомерен и не держится ровно и с достоинством.

XIV, 23

Учитель сказал:

– Благородный муж стремится вверх, а вот мелкий человек опускается все ниже.

XIV, 27

Учитель сказал:

– Благородный муж испытывает стыд, если сказанное им претворить невозможно.

XIV, 42

Цзы Лу спросил о сути благородного мужа. Учитель ответил:

– Он совершенствует себя, чтобы достичь почтительности.

Цзы Лу спросил:

– Неужели это все?

Учитель ответил:

– Он совершенствует себя, чтобы принести спокойствие другим.

– Неужели это все?

Учитель сказал:

– Он совершенствует себя, чтобы принести спокойствие народу. Совершенствовать себя, чтобы принести спокойствие народу, – разве не это заботило Яо и Шуня?

...

Яо и Шунь – идеальные правители древности.

XV, 2

Во время пребывания в царстве Чэнь у Конфуция и его учеников кончилось продовольствием. Все сопровождавшие Учителя, изнуренные голодом, не могли даже подняться. Цзы Лу раздраженно спросил:

– Выходит, и благородному мужу случается находиться в безвыходном положении?

Учитель ответил:

– Благородный муж, оказавшись в безвыходном положении, переносит бедствие со стойкостью, маленький же человек в безвыходном положении становится безрассудным.

XV, 18

Учитель сказал:

– Благородный муж всегда исходит из чувства справедливости. Это проявляется в том, что в делах он следует Правилам, в речах скромно, завершая дела, правдив. Именно таков благородный муж.

XV, 19

Учитель сказал:

– Благородный муж печалится о том, что не проявил свои способности, но не печалится о том, что люди не знают его.

XV, 20

Учитель сказал:

– Благородный муж обеспокоен тем, что после смерти имя его не будет прославлено.

XV, 21

Учитель сказал:

– Благородный муж требователен к себе, мелкий человек требователен к другим.

XV, 22

Учитель сказал:

– Благородный муж строг, но не склонен к ссорам, легко сходится с людьми, но в сговор не вступает.

XV, 23

Учитель сказал:

– Благородный муж возвышает людей не за их слова, но он и не отвергает сказанное лишь потому, что оно было произнесено недобродетельным человеком.

XV, 34

Учитель сказал:

– Благородный муж может не разбираться в малом, но способен взять на себя ответственность за большое. Мелкий человек не способен взять на себя ответственность за большое, но может разобраться в малом.

XV, 37

Учитель сказал:

– Благородный муж тверд, но не упрям.

XVI, 8

Конфуций сказал:

– Благородный муж лишь испытывает трепетное благоговение лишь перед тремя вещами: перед велением Неба, перед великими людьми и перед словами мудрецов. Мелкий человек, не понимая воли Неба, не испытывает перед ним благоговейного трепета, бесцеремонен с великими людьми и презирает слова мудрецов.

XVI, 10

Учитель сказал:

– Существует девять правил, о которых благородный муж помнит. Он помнит, взирая на что-либо, должен видеть ясно. Помнит, что слушая кого-либо, должен слышать отчетливо. Помнит, что выражение лица должно быть приветливым. Помнит, что манеры его должны быть почтительными. Помнит, что в словах должен быть искренним. Помнит, что в делах следует соблюдать осторожность. Помнит, что в случае сомнений следует спросить совета. Помнит, что не должен забывать о последствиях своей гневливости. Помнит, что, при возможности приобрести он должен исходить из чувства справедливости.

XVI, 7

Учитель сказал:

– Благородный муж должен остерегаться трех вещей. В молодости, когда кровь и жизненная энергия еще не окрепли – избегать любовных утех. В зрелом возрасте, когда кровь и жизненные силы достигли крепости, – избегать драк. В старости, когда и кровь и жизненная энергия ослабели – избегать жадности.

...

Кровь и жизненная энергия (сюэ ци) – в традиционных китайских представлениях являются двумя важнейшими составляющими жизни человека, которые формируют его физическое тело и психические свойства. Этот совет Конфуция в целом очень точно соответствует традиционным предписаниям древнейших школ мистических практиков.

XVII, 24

Цзы Гун спросил:

– Испытывает ли благородный муж отвращение к кому-либо?

Учитель ответил:

– Да. Он испытывает отвращение к тем, кто говорит о недостатках других людей. Он испытывает отвращение к тем, кто, находясь внизу, клеветает на тех, кто стоит над ним. Он испытывает отвращение к тем, кто проявляет храбрость, но не соблюдает ритуалы. Он испытывает отвращение к тем, кто действует решительно, но необдуманно.

Учитель спросил:

– А ты, Цы, к кому испытываешь отвращение?

Цзы Гун ответил:

– Испытываю отвращение к тем, кто принимает верхоглядство за знание, наглость за храбрость, доносительство за прямоту.

XIX, 9

Цзы Ся сказал:

– Есть три лика у благородного мужа: посмотришь на него издали – он величествен и важен, подойдешь поближе – обходителен и мягок, услышишь его речи – в строг и требователен.

XIX, 21

Цзы Гун сказал:

– Ошибки благородного мужа подобны затмению солнца или луны: когда он ошибается, все видят это, когда же он исправляется, все благоговейт.

«Лунь юй»: мелкий человек

I, 3 Учитель сказал:

– В тех людях, чьи речи хитры, а выражение лица вкрадчиво редко встретишь человеколюбие!

VI, 21

Учитель сказал:

– С тем, кто превзошел посредственность, уже можно рассуждать о возвышенном; с тем же, кто не достиг даже уровня посредственности, даже не стоит рассуждать о возвышенном.

VII, 37

Учитель сказал:

– Благородный муж неизменно безмятежен и спокоен, а мелкий человек встревожен и обеспокоен.

VIII, 11

Учитель сказал:

– Да будь у человека способности хоть самого Чжоу-гуна, – если он заносчив и жаден, то на прочие его качества и смотреть не стоит.

IX, 26

Учитель сказал:

– Даже командующего тремя армиями можно лишить его поста, но невозможно заставить простолудина отказаться от своих намерений.

XIII, 25

Учитель сказал:

– Благородному мужу легко служить, но ему трудно угодить. Если, стремясь угодить ему, нарушаешь учение-Дао, он будет недоволен. Он использует людей на службе

сообразно их способностям. Мелкому же человеку трудно служить, но легко угодить. Если, стремясь угодить ему, ты нарушишь учение-Дао, он все равно будет доволен. Он использует на службе лишь тех людей, которые способны на любой проступок

XIV, 6

Учитель сказал:

– Бывает, и среди благородных мужей встерчаются не обладающие человеколюбием, но среди мелких людей никогда не встретишь человеколюбивого.

XVII, 12

Учитель сказал:

– С виду он кажется грозным, а в душе трус, – вот таков мелкий человек. Он подебен грабителю, проникающему в дом через окно или перелезая через стену.

XVII, 13

Учитель сказал:

– Деревенщина, что пытается быть добродетельно-лицемерен со всеми, просто губит добродетель.

XVII, 15

Учитель сказал:

– Можно ли вместе с низким человеком служить правителю? Пока он не получил должности, он боится, что не получит ее. Когда же он получает ее, то боится ее потерять. Из-за этой боязни он готов пойти на все.

XVII, 25

Учитель сказал:

– Женщины и мелкие люди с трудом поддаются воспитанию. Сблизись с ними – перестают слушаться, отдались – начинают ненавидеть.

XVII, 26

Учитель сказал:

– Если к кому то и в сорок лет люди испытывают неприязнь, то будущего у такого человека нет.

Цзы Ся заметил:

– Мелкий человек непременно найдет оправдание своим ошибкам.

«Редко говорил о человеколюбии»

Какое качество считается основным в благородном муже? Конфуций, а за ним и многие его последователи, именуют его жэнь. Обычно это понятие на русский язык переводят как «гуманность», «человеколюбие», «благопристойность», однако такое значение практически не вытекает непосредственно ни из одного из контекстов. Такой перевод, безусловно, верен в контексте традиционного подхода к учению Конфуция, но вряд ли точно передает изначальный смысл его слов. Скорее это – попытка следовать в контексте морально-этической составляющей цзюньцзы: если цзюньцзы именно «благородный муж» то он обладает именно «человеколюбием».

Жэнь – понятие важнейшее как для Конфуция, так и для всей его школы. У этого слова много переводов – гуманность, человеколюбие, милосердие, доброта, на английский его переводили как goodness (A. Walley), benevolence (D.Lau). Жэнь – это основная характеристика правильной, добродетельной жизни. Четвертая книга «Лунь юя» содержит массу высказываний Учителя о «человеколюбии» в самых разнообразных контекстах и с самыми разными оттенками. Эта часть открывается «Если в общине царит человеколюбие-жэнь, это прекрасно. Разве можно считать мудрым того, кто поселяется там, где не царит человеколюбие?» (IV, 1)

Для Конфуция человек является человеком лишь постольку, поскольку он живет в соответствии с правилами и ритуалом. «Человек – и без жэнь! Да о каком же ритуале может идти речь!» (III, 3) – восклицает он, показывая, что именно жэнь определяет меру ритуально-священной связи между человеком и потусторонним миром.

Что же такое жэнь? Непосредственно к «гуманности», «любви людям» это понятие не имеет прямого отношения. Мы, скорее, определим это как способность постоянно сохранять связь с Небесными силами, с духами предков. Это то, что как раз и характеризует всякого истинного мага, медиума и шамана – умение вступать в контакт с иным миром и передавать его веления и знаки в наш мир. Собственно эта мысль отражена и в самом написании иероглифа жэнь, который состоит из графемы «человек» и двух горизонтальных черт. Человек как часть вселенской триады соединяет собой два других начала – Небо и Землю. Вот он – медиатор, медиум. Именно тот, кто способен, объединит собой Небо и Землю, пропустить сквозь себя их энергию и обладает жэнь.

Конфуцианец Мэн-цзы понимает под жэнь способность «установить связь между родственниками» или «любить родителей». Как видно, собственно ни о какой любви к людям речи не

идет, то есть здесь нет места для абстрактного человеколюбия или тем более для «гуманности». Кажется, древний Китай вообще не оперирует терминами морали, это скорее технический термин, описывающий суть связи между человеком и Небом (включая мир духов), которая как бы матрицируется на земле в виде «правильного отношения» человека к своим родителям – потенциальным кандидатам на пребывание в мире духов.

В сборнике изречений Конфуция «Лунь юй», как подсчитали исследователи, этот термин упомянут 109 раз, а косвенно обыгрывается еще чаще. При этом, его ученики, что составляли «Беседы и суждения», внезапно записывают поразительную фразу. Оказывается «Учитель редко говорил о выгоде (ли), о судьбе (мин) и о жэнь» (IX, 1). Это звучит старинным диссонансом в традиционном изложении образа Учителя – ведь именно понятие жэнь является, как представляется многим центром проповеди Конфуция. И вдруг он «редко говорит о жэнь»! Комментаторы и историки решили разъяснить ситуацию, предложив около десятков контекстуальных трактовок и скорректированных переводов на байхуа – современный китайский язык. Например, фразу следует понимать так, что Конфуций просто избегал «рассуждать о человеколюбии». Другие же считают, что Конфуций как раз «одобрял беседы о человеколюбии», при этом «избегал бесед о выгоде». Все эти трактовки имеют право на существование, но сам текст в «чистом виде» свидетельствует лишь об одно – Конфуций действительно «редко говорил о жэнь».

...

Легендарный первопрародитель древности Яо был для Конфуция образцом «чело­веколюбия» – способности поддерживать связь с Небом

Но ведь он же постоянно упоминает о жэнь в разных контекстах – и «Лунь юй», записанный теми же его учениками, ярко свидетельствует об этом! Ответ здесь, думается, заключен в причудливой связи трех понятий, заключенных в этой фразе: выгода, судьба и т. н. человеколюбие (жэнь). Конфуций редко разъяснял их смысл – именно так следует понимать намек его учеников. Он считал эти понятия невозможными для логического понимания, они лежат за пределами объяснений. И не случайно суть понятия жэнь он не разъясняет, а показывает на примерах. И именно из-за этой сокровитности непосредственной сути, а заодно и неудачного перевода на русский язык жэнь как «чело­веколюбия» или «гуманности» (прямого аналога в русском языке, действительно, нет) изменилось и само понимание сути проповеди Конфуция.

Разглядеть суть жэнь может нам помочь само написание этого иероглифа – китайцы в древности научились очень точно выражать сакральную суть понятий не через многословные разъяснения, а через символический рисунок-идеограмму.

Примечательно, что само написание иероглифа жэнь никак не связано с моральным фактором, зато непосредственно указывает на какую-то посредническую роль между небом и землей. Иероглиф «жэнь» записывается как графема «человек» слева и «два» справа, таким образом человек здесь явно олицетворяет посредническую или, скорее, объединительную функцию между Небом и землей, образуя в совокупности священную триаду Небо-Человек-Земля. Это можно понять как изображение человека, соединяющего

собой Небо и землю, как аналог «мирового древа» или «мировой оси».

Именно человек позволяет Небу совокупляться с Землей, он канал небесных эманаций, благодатных энергий (дэ), которые нисходят на землю. Перед нами – очевидное изображение посреднической функции мага и медиума. И именно это свойство жэнь и является основным, что отличает цзюньцзы от остальных людей. Кстати, здесь же становится понятной понимание Мэн-цзы жэнь как особой способности «установить связь между родственниками» – родственниками, ныне живущими, и их предками в загробном мире.

Таким образом, жэнь – это способность установить через себя связь между Небом и землей, опосредовать собой, своим внутренним состоянием связь с ушедшими предками.

Однако далеко не каждый человек способен осуществлять медиативную функцию между Небом и Землей, т. е. обладает жэнь. Но вот поразительный факт: Конфуций признается, что ни совершенномудрый человек, ни благородный муж – цзюньцзы ему в жизни не встретились (VII, 26). И в данном случае цзюньцзы оказывается именно идеалом традиции, абсолютным обладателем могущества-жэнь, который уже не встречается в реальной жизни.

Примечательно, что жэнь в отличие от многих других качеств нельзя обучиться, его можно именно получить, достичь, воспринять: «Разве жэнь далеко от нас? Стоит устремиться к жэнь – и жэнь тотчас приходит». Примечательно, что жэнь не приходит из воспитания, столь ценимого Конфуцием, воспитание лишь открывает канал для этого жэнь. Как-то Конфуций обмолвился, что самые добродетельные люди древности Бо И и Шу Ци «искали жэнь и обрели жэнь» (VII, 15).

...

«Мудрый наслаждается, глядя на воды, человеколюбивый наслаждается, глядя на горы» (XVII в.)

Это особое мистическое чувство, подобное переосмыслению и пере-ощущению всего предшествующего опыта. Не случайно мудрецы учат именно «вызреванию» человеколюбия внутри человека, а отнюдь не привитию его. Мэн-цзы замечает «Пять злаков (т. е. рис, два типа проса, пшеница и бобы – А.М.) являются наилучшими из всех. Но если же они не вызревают, то оказываются еще худшими, чем даже чертополох. Таково и человеколюбие – достигается оно, лишь [окончательно] созрев».

Как видно именно к «човеколюбию», к «любви к людям» жэнь отношения не имеет, это, скорее, «способность к посредничеству», которая и характеризует истинного цзюньцзы. Сам же цзюньцзы, разумеется не «благородный муж», но медиатор между священными силами Неба и земными делами. Собственно, Конфуций считал, что цзюньцзы выполняет важную миссию установление ритуального диалога между небом и землей через свою способность жэнь: «Ибо ноша его тяжела, а путь долог. Он считает жэнь своей ношей – разве это не тяжело? И лишь со смертью его путь

подходит к концу. Так разве не долгов ли он?» (VIII, 7).

Одному из учеников не удалось уловить смысл высказывания Учителя, и тогда Конфуций уточнил: «Воспитывать прямоту и избегать искривлений. И тогда можно кривое выпрямить». Жэнь – отнюдь не «качество для себя», для удовлетворения собственного тщеславия, но именно «для исправления кривого», т. е. для служения людям. И в этом смысле оно может трактоваться как «человеколюбие».

Чтобы достигнуть жэнь, действительно нужен нравственный подвиг, который может потребовать от благородного мужа даже пожертвовать собой. Пожертвовать – но не унижаться. Некий Цзай Во спросил Конфуция:

– Если человеку, что обладает жэнь, скажут, что это жэнь – в колодце, последует он за ним или нет?

– Благородный муж-цзюньцзы может уйти, но не может пасть, он может даже показаться обманутым, но обманутым не будет, – ответил Конфуций.

Очевидно, что под жэнь подразумевается отнюдь не моральная категория, а мистическое переживание, которое в буддийской культуре называется освобождением «цзе», в даосской – озарением (мин, у) и свидетельствует о наступлении измененного состояния сознания. Поскольку человеколюбие есть один из основных признаков «благородного мужа» конфуцианства, то оказывается, что цзюньцзы и есть человек, переживший мистическое озарение и заново осмысляющий этот мир уже как пространство мистического опыта. Разумеется – и это неоднократно подчеркивает и Конфуций и Мэн-цзы – цзюньцзы может болеть, переживать и даже сомневаться. В этом он абсолютно реалистичен и вновь прагматичен в отличие от даосского мифологического идеала бессмертных, выросших из практики вполне реальных медиумов и шаманов.

«Лунь юй»: человеколюбие

III, 3

Учитель сказал:

– Человек – и не обладает человеколюбием! Разве может быть он постичь суть Ритуала? Человек – и не обладает без человеколюбием! Разве он способен постичь музыку?

IV, 1

Учитель сказал: «Прекрасно то поселение где пребывает человеколюбие. Можно ли назвать мудрым того человека, что поселился в местах, где нет человеколюбия?»

IV, 2

Учитель сказал:

– Лишенный человеколюбия не может долго пребывать в бедности, но он и не сможет долго пребывать в радости. Человеколюбивый находит в человеколюбии покой, а мудрый извлекает из человеколюбия пользу.

IV, 3

Учитель сказал:

– Лишь тот, кто воистину обладает человеколюбием-жэнь, способен и любить и способен ненавидеть.

IV, 4

Учитель сказал:

– Если у кого есть искреннее стремление к человеколюбию, то он не сотворит зла

IV, 5

Учитель сказал:

– Богатство и знатность – вот к чему стремятся все люди. Если не установить им Дао для достижения этого, то они этого и не достигнут. Бедность и презрение – вот что ненавидят все люди. Если не установить им Дао для избавления от этого, то они от этого сами так и не избавятся. Если благородный муж утратил человеколюбие, то как он может носить столь высокое имя? Благородного мужа даже на время трапезы не покидает человеколюбие – оно постоянно с ним: и в мирской суете и в бедах.

IV, 6

Учитель сказал:

– Я не видел любящих человеколюбие и ненавидящих то, что лишено человеколюбия. Любящий человеколюбие – нет ничего превыше этого. Ненавидящий то, что лишено человеколюбия, проявляет человеколюбие и не допускает соприкосновения с тем, что лишено человеколюбия. Может ли кто-нибудь целый день оставаться человеколюбивым? Я не видел людей, у которых не хватило бы на это сил. По-видимому, такие люди есть, но я не видел их.

VI, 23

Учитель сказал:

– Мудрый наслаждается, [глядя] на воды, человеколюбивый наслаждается, [глядя] на горы. Мудрый ценит движение, человеколюбивый – покой. Мудрый обретает счастье, человеколюбивый – долголетие.

VI, 30

Цзы Гун сказал:

– Вот, если бы нашелся человек, который, щедро одаривая народ, мог бы помочь всем! Что бы Вы сказали о нем? Можно ли его назвать человеколюбивым?

Учитель сказал

– Не только человеколюбивым, но и непременно мудрым. Ведь об этом пеклись даже Яо и Шунь. Что же такое человеколюбивый? Если он хочет крепко стоять на ногах, то делает так, чтобы и другие крепко стояли на ногах. Если он хочет, чтобы его дела шли хорошо, он делает так, что и других дела шли хорошо. Быть в состоянии смотреть на других, как на самого себя, – вот кого можно назвать овладевшим искусством человеколюбия!

VII, 30

Учитель сказал:

– Разве человеколюбие далеко от нас? Стоит лишь устремиться к человеколюбию – и человеколюбие приходит.

XII, 1

Янь Юань расспрашивал о человеколюбии. Учитель объяснил ему:

– Преодолеть себя и вернуться к Правилам – в этом заключается человеколюбие. Если однажды преодолеешь себя и возвратишься к Правилам, то вся Поднебесная назовет тебя обладающим человеколюбием. Быть или не быть человеколюбивым от самого себя – разве может это зависеть от других?

Янь Юань вновь обратился с вопросом:

– Позвольте узнать, как этого добиться?

Учитель ответил:

– Не смотреть на то, что не соответствует Правилам. Не слушать то, что не соответствует Правилам. Не говорить то, что не соответствует Правилам. Не делать то, что не соответствует Правилам.

Янь Юань ответил:

– Хоть я и недостаточно сообразителен, позвольте мне отныне следовать этим словам.

XIII, 12

Учитель сказал:

– Если у власти в государстве окажется истинный правитель, то всего лишь через поколение в нем воцарится человеколюбие.

XIII, 19

Фань Чи спросил о том, как ведет себя человеколюбивый муж. Учитель ответил:

– В своем доме веди себя скромно, к делам относись со вниманием, с людьми будь искренним. И даже если отправляешься к варварам – и там не забывай об этих принципах

XIII, 27

Учитель сказал:

– Если человек тверд, решителен, прост и не бросает слов на ветер, то он близок к человеколюбию.

XIV, 1

Сянь спросил:

– Что постыдно?

Учитель ответил:

– Думать о лишь жаловании, когда в государстве царит Дао, и продолжать думать о жаловании, когда государство лишилось Дао, – вот это и как раз постыдно.

Сянь сказал:

– Когда я смогу избавиться от тщеславия, самомнения, злобы и алчности – можно ли считать это человеколюбием?

Учитель ответил:

– Ты свершишь трудное дело, но достигнешь ли ты человеколюбия – я не знаю.

...

Юань Сянь бы учеником Конфуция, уроженцем царства Лу.

XIV, 4

Учитель сказал:

– Тот, кто действительно обладает добродетелью, непременно произносит правильные речи. Но не всегда тот, кто произносит правильные речи, добродетелен. Обладающий человеколюбием непременно отважен, но отважный не обязательно человеколюбив.

XV, 9

Учитель сказал:

– Если служивый муж по настоящему целеустремлен и обладает человеколюбием, он не будет пытаться сохранить жизнь ценой отказа от человеколюбия. Более того, он пожертвует собой ради достижения человеколюбия.

XV, 10

Цзы Гун спросил, как стать человеколюбивым. Учитель ответил:

– Истинный мастер, желая хорошо сделать свое дело, прежде всего должен наточить свой инструмент. Поэтому в каком бы царстве ты ни был, служи лишь мудрейшим из сановников и дружи лишь с теми служивыми мужьями, кто человеколюбив.

XV, 35

Учитель сказал:

– Человеколюбие народу нужнее, чем вода и огонь. Мне случалось видеть как люди гибли от воды и огня, но никогда не видел, чтобы погибали от человеколюбия.

XV, 36

Учитель сказал:

– В человеколюбии не уступай даже своему учителю.

XVII, 6

Цзы Чжан спросил Конфуция о том, кого можно назвать человеколюбивым. Конфуций ответил:

– Того, кто способен следовать пяти добродетелям Поднебесная назовет человеколюбивым.

– Позвольте спросить о них.

Учитель ответил:

– Это – почтительность, великодушие, правдивость, сообразительность, доброта. Если человек почтителен, то его не презирают. Если человек великодушен, то его

поддерживают. Если человек правдив, то ему доверяют, человек сообразителен, то он добьется успеха. Если человек добр, то он может использовать людей.

Суровая добродетель

Так человеколюбив ли, гуманен сам Конфуций? С позиции понимания гуманности в западной традиции, разумеется, нет. Он не «любит людей» абстрактно и безадресно, он не проповедует гуманность как образ мыслей. Для него люди – лишь инструмент восстановления равновесия в Поднебесной. Он готов ими жертвовать, если те хотя бы на мгновение отпадают от ритуальной целостности или нарушают правила.

История донесла до нас всего лишь несколько эпизодов такой жесткости Конфуция. Самый известный из них – случай с Шаочжэн Мао. Этот эпизод описан, в частности, в «Исторических записках» Сыма Цяня: «На 14-м году правления Дин-гуна, когда Кун-цзы исполнилось 56 лет, он, будучи да-сыкоу (Одна из чиновничьих должностей), стал временно исполнять обязанности сяна (первого советника правителя – А.М.)... Вскоре он казнил луского дафу Шаочжэнь Мао за то, что тот затеял смуту против правящих». Описание это позднее – с момента жизни Конфуция прошло почти пять веков. Есть здесь и явные ошибки – как показали исследования, Конфуций, конечно же, не мог, занимать столь высокую должность – быть первым советником правителя в родном царстве. Скорее всего, он был просто сыкоу – одним многочисленных чиновников при местном дворе.

Многие более поздние китайские комментаторы считали эту запись либо ошибкой, либо подделкой – формально на это указывал и поздний характер появления этих сведений. Да и мыслимо это, чтобы Конфуций, проповедовавший «човеколюбие», казнил человека? Да и в самом «Лунь юе» такого эпизода не встречается.

В разных источниках этот эпизод обрастал самыми живописными подробностями. Якобы тело Шаочжэнь Мао было на три дня выставлено во дворце правителя (такие сведения есть в сборнике «Кунцзы цзяюй»), сам же Шаочжэнь Мао вобрал в себя все пять злодейских качеств, которые только могут присутствовать в человеке, в том числе лживость, уклончивость в поведении, записывание пакостных дел («Сюнь-цзы»).

Но все это как раз в духе Конфуция – строжайшим образом покарать человека, который нарушил ритуальные правила, который, по сути, тем самым перестал быть человеком. Судя по всему, Шаочжэн Мао нарушает один из важнейших постулатов чжунцзюнь – преданность правителю. Тем самым он обрывает связь, благодаря которой благодатная энергия Неба передается от правителя через чиновников (каковым и был казненный) на народ. Звено в этой цепи допустило сбой, и Конфуций просто вынимает его из цепочки взаимосвязей небесных сил и земных контрагентов.

Вряд ли следует понимать, что Конфуций лично казнил высокого сановника-дафу, он просто отдал указание об «упорядочивании» в соответствии с его мыслью об «упорядочивании имен» (чжэн мин).

Действительно, в «Лунь юе» нет подобного эпизода, но, думается, там нет многих

эпизодов из жизни Конфуция – прежде всего, «Лунь юй» не является хронологической биографией Конфуция, а во-вторых, ученики очевидно не записывали многие эпизоды, которые казались им «непонятными».

Зато ученики записали другой, не менее показательный эпизод: Конфуций отдает указ казнить простых музыкантов и танцоров. Возможно, ему показалось, что акробаты-простолюдины просто насмеялись над его государем. Но самое главное – они нарушили ход ритуальной встречи двух носителей благодати. И он повелевает казнить актеров.

Нет, он не обидчив и тем более не кровожаден. Он просто с железной волей и поразительной логикой проводит в жизнь свою мысль об «упорядочивании вещей». Каждый должен выполнять строго отведенную ему роль во вселенской архитектонике, тот же, кто нарушает эту симфонию упорядоченных звуков, должен быть исторгнут.

Уже в поздний период своей жизни, скорее всего в 481 г., вернувшись после долгих странствий в родное царство Лу, он вновь требует войны. Советник правителя царства Ци Чэнь Чанцзы убил своего господина, царя Цзянь-гуна. Конфуций обращается к правителю царства Лу Ай-гуну с просьбой послать войска и покарать убийцу. Сам эпизод весьма показателен – речь идет о делах соседнего царства, к которому сам Конфуций формально не имеет никакого отношения. И все же он требует вторгнуться войсками в Ци, подчеркивая нарушение ритуала – ведь Чэнь Чанцзы убил того, кому служил.

...

Мудрец проводит время в раздумьях о Правилах и мудрецах древности (Худ. Цюй Хуа, XVI в. Альбомный лист)

Ай-гун колеблется, он не хочет самостоятельно принимать решение о начале войны и посылает Конфуция рассказать об этом главам трех местных влиятельных кланов. Конфуций про себя шепчет слова, как бы объясняя то ли себе, то окружающим, почему столь настойчиво требует войны: «Поскольку я в ранге, следующем за дафу (т. е. высших сановников – А.М.), то не могу не доложить». Главы трех семей отказались посылать войска (XIV, 21).

В этом весь пафос учения Конфуция – ритуальная связь с Небом не должны прерываться ни на мгновение. Жертвоприношения, соблюдения повседневных правил, самосовершенствование, казни отступников, – все это единый ряд мер упорядочивания Поднебесной. Всего лишь ошибка, упущение – и мир начнет разваливаться, еще глубже окунется во вражду, в хаос и смуту. Его не интересуют дела человеческие как таковые, он не человеколюбив и не гуманен – для него важнее сохранить связь с духами и мудрецами прошлых поколений. Вот именно эта способность и есть жэнь

Конфуций вполне осознает свою миссию и свое значение. Его решительные уходы от правителей, что отказались слушать его совета, – яркое тому подтверждение. Даже когда его друзья преподносят Конфуцию подарки «будь то повозка или лошади, но не

жертвенное мясо, сам не кланялся» (X, 23). Подарки он принимает как должное воздаяние за свои знания и наставления, в вот жертвенное мясо адресовано духам, и именно за сам ритуал он благодарит друзей поклоном.

В общении Конфуций нередко строг и нелицеприятен. Осуждение в его устах – норма речи, одна из основных тем обсуждений с учениками. И в этом он также далек от отшельнического типажа мистика, отстраненного от мирских дел. Скорее наоборот, в последний период его жизни критика, осуждение становятся все более частыми чертами его поведения. Конфуций всегда учит на примерах, обсуждая поведения правителей современности и мудрецов прошлых поколений, и волей-волей вынужден кого-то критиковать, кем-то восхищаться. Он то осуждает правителя царства Вэй Лин-гуна (XIV, 19), то журит своих учеников.

В Конфуции удивительным образом сочеталась ритуальная трепетность, мистицизм, с одной стороны, и абсолютный прагматизм государственного служаки, холодный расчет и мудрость решений. Вообще он крайне осторожен в поступках и решениях. Когда заболевшему Конфуцию приносят вельможа из его царства Лу лекарство, мудрец вежливо отказывается: «Я еще не разобрался, что это за лекарство, поэтому не смею его опробовать» (X, 16).

Мудрый Учитель, наставлявший в человеколюбии, мог быть суров и беспощаден, он мог гнаться и клеймить словом. Однако не следует забывать, что Мудрец Кун был поистине великим Учителем, человеком, с которым «говорило Небо». Он чувствовал те потоки духовной благодати, которые недоступны другим людям. Он понимал внутренний священный смысл любого, даже не значительного события и слышал за ним всю симфонию мира. А значит, он мог делать безошибочный выбор между следованием истинному Ритуалу и его подделкой, фактически – между следованием священной истине и имитацией мудрости. Поэтому, чтобы иметь право на гнев или осуждение надо по крайней мере приблизиться к тому духовному свету, который исходил от великого Учителя и до сих пор освещает всю китайскую нацию.

...

Прогуливаюсь в бамбуковых зарослях. Ду Цзин (XVI в)

Он прекрасно понимает, что тайный закон отпадения от Дао не действует автоматически – не всякий, кто сошел с великого Пути, автоматически теряет право на управление. Например, он рассуждает о правителе царства Вэй Лин-гуне, считая, что тот сошел с пути-Дао. Его ученик Канцзы спрашивает:

– Так почему же он не потерял царства?

– У него Чжуншу Ю ведает приемом гостей из других царств, Чжу То – жертвоприношениями, Вансунь Цзя – военными делами. При таких людях как он может потерять царство? (XIV, 19)

Теоретически Лин-гун за свое беспутство должен был потерять мистическое право на

правление царством, сгнать, умереть, утратить трон. Но этого не приходит, более того, Лин-гун пребывал на царстве 42 года, и это в известной степени для учеников расходится с самим пафосом учения Конфуция о праве на царство. Но диалог происходит уже в поздний период жизни Конфуция, когда он смотрит на мистику царствования и жизни вообще как на вещь значительно более многогранную и сложную, чем ему казалось ранее. Оказывается, мудрые советники и сановники, отвечающие за жертвоприношения и другие государственные дела, способны скорректировать ситуацию именно так он оправдывает перед учениками ситуацию, которая, исходя из всех его предыдущих наставлений, произойти просто не могла бы. В общем, как бы не разочаровывающ был этот вывод для учеников Кун-цзы, но несправедливые и утратившие связь с Небом могут править долго и успешно.

Вообще, изначальное конфуцианское учение – очень сурово, очень жестко, накладывает чрезвычайно строгие требования на человека. Во времена самого Конфуция – это не просто «учение книжников», но Путь подвижников. Нарушение ритуала на этом Пути есть величайшее преступление. Однажды Конфуций осудил своего ученика Цай Во за то, что тот соблюдал по родителям траур лишь в течение года, а не трёх лет, и назвал его при этом «не обладающим жэнь», т. е. утратившим посредническую связь с Небом.

Он очень суров, практически нетерпим к любым нарушениям ритуала и не принимает по этому поводу никаких объяснений. Нарушение ритуала для него – это не ошибка в самом «чине» церемониала или в технике исполнения каких-то обычаев, это вещь значительно более страшная – разрыв связи с самим Небом, безвозвратное отпадение от истины небесных сил.

Один из эпизодов его жизни рассказывает, что как-то властитель царства Ци прислали правителю царства Лу певичек, которых он с радостью принял. «Три дня при дворе не занимались делами правления. Кун-цзы покинул царство». (XVIII, 4). Дело в том, что пока правитель со своими вельможами развлекался с красавицами, был заброшен основной ритуал царства, который поддерживал связь между Землей и Небом – жертвоприношения в храме Неба и Земли. Отныне благодать покидает эту территорию, и Конфуций не видит ни малейшей возможности даже задерживаться там, где больше не слышно «велений Неба»

И тем страшнее и драматичнее та часть его поздней жизни, когда он сам чувствует этот «отпадение от Неба».

«Лунь юй»: осуждаю нерадивых

III, 22

Учитель сказал:

– Гуань Чжун – человек ограниченный!

Некто спросил:

– Так Гуань Чжун был бережлив?

Учитель ответил:

– Он владел тремя домами. Среди его подчиненных [каждый занимал одну должность], он не допускал совместительства. Как же можно говорить о его бережливости?

– Хорошо, может быть, Гуань Чжун разбирался в Правилах?

Учитель ответил:

– Как только правитель его царства построил перед воротами дворца заслоны, Гуань Чжун тотчас поставил такие же заслоны. Правитель царства для дружеских приемов государей соорудил земляную стойку для опрокинутых чарок, Гуань Чжун построил такую же стойку. Если Гуань разбирался в Правилах, то кто же в них не разбирался?

...

Гуань Чжун – первый советник правителя царства Ци.

III, 26

Учитель сказал:

– Как я должен относиться к тем, кто, пребывая наверху, лишен великодушия, при исполнении Правил непочтителен, и на похоронах не скорбит?

IV, 9

Учитель сказал:

– Со служивым мужем (ши), который желает постичь Дао, но при этом стыдится плохой еды и бедной одежды, даже заговаривать не стоит.

V, 19

Цзы Чжан сказал:

– Цзы Вэнь из царства Чу трижды становился первым советником – и на лице его не было радости. Трижды получал отставку – и на лице не было досады. Оставляя свой пост, он непременно знакомил преемника со всеми делами. Что можно сказать о таком человеке?

– Что он истинно предан, – ответил Учитель.

– А был ли он истинно человеческим? – спросил Цзычжан.

– Не знаю, – сказал Учитель. – Да и можно ли это считать проявлением истинной человечности?

Цзы Чжан продолжал:

– Когда Цуй-цзы из царства Ци убил своего правителя, у Чэнь Вэнь-цзы было десять четверок коней, – он бросил их все и бежал. А прибыв в другую страну, заявил: «Здесь правитель – совсем как наш Цуй-цзы». И снова бежал. Прибыл еще в одну страну и опять заявил: «Здесь правитель – совсем как наш Цуй-цзы». И снова бежал. Что можно сказать о таком человеке?

– Что он истинно честен, – ответил Учитель.

– А был ли он истинно человеколюбивым? – спросил Цзычжан.

– Не знаю, – сказал Учитель, – можно ли это считать проявлением истинного человеколюбия?

V, 24

Учитель сказал:

– Кто говорил, что Вэйшэн Гао честен? Некто попросил у него уксуса, а тот выпросил у соседа и дал уксус.

VI, 29

Учитель сказал:

– Придерживаться неименной середины – вот наивысшая добродетель. Но, увы, сколь мало людей, что способны следовать этому!

VIII, 10

Учитель сказал:

– Когда почитают смелость и презирают бедность, быть смуте. И когда ненавидят лишенных человеколюбия, быть смуте.

VIII, 12

Учитель сказал:

– Нелегко найти человека, который, проучившись всего лишь три года, не мечтал бы получить казенное жалованье.

VIII, 16

Учитель сказал:

– Заносчив и не прям, невежествен и не кроток, не обладает способностями и к тому же не честен – такого рода людей я просто не понимаю.

XIII, 24

Цзы Гун спросил:

– Что Вы скажете о том, кого любят все односельчане?

Учитель ответил:

– Никчемный человек.

– А что скажете о том, кого ненавидят все односельчане?

– И этот человек никчемный. Лучше, если человека любят хорошие односельчане, а недобрые – ненавидят.

XIV, 20

Учитель сказал:

– Того, кто беззастенчив в своих словах, с трудом исполняются дела.

«Размышлять и не учиться – губительно»

Выявление культуры в себе – это вечное учение, образование. Процесс учения для Конфуция составляет часть постижения глубинной сути ритуала-ли. Более того – нет особой разницы между учителем и учеником, и лучшим наставником оказывается именно тот, кто лучше всех учится сам.

Он готов обучаться сему, что соответствует либо ритуалу, либо приближает его к состоянию ритуального единства с Небом. Известно, что, когда Учитель заходил в Большой или Великий храм, посвящённый Чжоу-гуну, основателю царства Лу, он задавал много вопросов. Кто-то заметил:

– Кто-то говорил о том, что сей человек из Цзоу (отец Конфуция Шулян Хэ происходил из местечка Цзоу – А.М.) что-то понимает в Ритуале? Стоит ему зайти в Великий храм, как он тотчас начинает задавать массу буквально о каждой мелочи.

Конфуций, услышав это, ответил:

– Задавать вопросы – само по себе уже и есть соответствие ритуалу-ли. (III, 15)

Конфуций вновь и вновь подчёркивает необходимость учения (сюэ), это становится важнейшим моментом его проповеди. Именно с учением он связывает совершенствование человека, а точнее, «выявление человеческого в человеке». Пустые раздумья без изучения канонов губительны. Внутри себя всё равно не найдёшь того, чем обладала «высокая древность», поэтому ей следует целенаправленно обучаться. «Я часто целые дни не ем и целые ночи не сплю, всё думаю, но от этого нет пользы. Лучше уж учиться».

Для Конфуция учение есть не просто изучение ритуалов, а изучение примеров древности, поступков и настроения сознания древних правителей. Надо изучать примеры их жизни и размышлять, постоянно размышлять над ними, воплощая внутри себя их образы, впуская в себя их дух. «Учиться и не размышлять – напрасная трата времени; размышлять и не учиться – губительно».

Учиться надо всегда и везде, не стесняясь учиться даже у прохожего и простолюдина. «Идя в компании двух человек, я всё равно найду, чему научиться у них. Хорошие качества я постараюсь перенять, а, узнав о плохих чертах у других, я постараюсь исправить то же самое у самого себя».

И в этом мотиве вечного служения вновь проступает суть личности самого Конфуция. Он уже не надеется прозреть истину путем медитаций и раздумий. Только учиться, только накапливать знания, только читать древние каноны и размышлять над поступками мудрецов – именно в этом залог совершенствования человека, считает Учитель. Он признается в этом сам, расписываясь в своей бессилии достичь чертога высшего знания лишь медитациями и откровениями, как это было у ранних мистиков «Бывало, что дни и ночи я проводил в раздумьях – без сна и без пищи, но все тщетно. Лучше уж учиться!» (XV, 31)

И он закладывает основы светского обучения – передача мистического знания уже недоступна для него. Конфуций создает открытую школу, подчёркивая благотворительно-возвышенный характер своего обучения: он готов обучать за символическую плату – «за связку сушеного мяса» (VII, 7). Но это подчеркивает и ритуальный характер обучения, поскольку именно связкой сухого мяса могли приносить жертвы духам.

Казалось бы, что здесь удивительного? Разве не во всех странах проповедники, мессии, просто мудрецы стремились образовывать людей и подчёркивали необходимость учения?

Но Учитель не передаёт информацию, в нашем понимании он ничему, собственно, и не учит. Он не расскажет, как надо жить. Он существует в этом мире как нравственный ориентир, как указатель Пути. Сам указатель ещё не гарантирует, что человек сумеет дойти до конца Пути, но это уже залог того, что дорога выбрана правильно.

...

«Благородный муж держится ровно и с достоинством, но без высокомерия» (Чжан Лин. «Достойный муж в осеннем лесу», XVI в.)

Учитель передаёт себя, свой образ, свой духовный облик. Ученик не столько воспринимает информацию, сколько воспроизводит в себе учителя. Он, как говорили китайцы, ступает «ему в след», не случайно иероглиф «ту» («ученик») можно перевести как «тот, кто идёт следом». Китайские наставники понимали это как мистическое перевоплощение ученика в своего учителя. А отсюда и странный метод обучения Конфуция: кажется, он говорит ни о чём, всю жизнь проводит в беседах, а не в чтении лекций.

Он заставляет ученика соучаствовать в работе своей мысли, требует от него живого сопереживания, добиваясь передачи знаний «от сердца к сердцу». И когда в словах уже нет необходимости, нужен лишь просветлённый учитель рядом. «Не поговорить с человеком, с которым стоит поговорить, – значит потерять человека. А говорить с человеком, с которым не стоит говорить, – значит терять слова. Мудрец не теряет ни слов, ни людей» (XV,8).

Конфуций учит на примерах из древности, он рассказывает бесконечные истории о правителях и мудрецах, живших сотни лет назад. Для него история – не набор фактов, его не очень интересует, когда и что произошло, как это интересовало бы современного историка. Конфуцию важно другое: как повёл себя человек в той или иной ситуации, сумел ли проявить человеколюбие, выполнил ли свой долг, не нарушил ли Ритуал? История для китайцев будто соткана из забавных анекдотов, но в них заключён немалый смысл. Учитель заставляет учеников как бы выверять себя древностью – и в этом заключается сам метод учения Конфуция.

Но вот вопрос: чему следует учиться? Сам Учитель говорил: «Я не отношусь к тем, кто родился со знаниями. Я люблю древность и благодаря этому, проявив понятливость, приобрёл их».

А значит, учиться надо лишь одному – древности, точнее тому порядку, который существовал когда-то у предков, чтобы воспроизвести его в сегодняшней жизни. Именно «учиться», а не «изучать». Ведь изучение предусматривает определённый метод, сложную теорию, проверку этой теории практикой. Для конфуцианцев такое «изучение» древности было неприемлемо, человек должен был своим сердцем, своим сознанием прикоснуться к древним мудрецам. Это было чисто мистическое проникновение.

Как-то ученик Конфуция Цзы-гун спросил своего Учителя:

– Почему Кун Вэнь-цзу прозвали «вэнь» («Просвещенным»)?

Конфуций ответил:

– Он был быстр и способен в учении. Он не стыдился испросить совета, у тех, кто стоит ниже по положению. Вот почему его именовали «вэнь».

Конфуций делает основной упор на обучении, однако полагает, что даже в образовании надо придерживаться срединного Пути, который и есть Дао. Не случайно Конфуций говорит: «Если естество в человеке одолеет культуру – получится дикарь. Если культура одолеет естество – получится книжник. Лишь тот, в ком естество и культура уравновешены, может стать благородным мужем».

«Постигай Учение и бойся его утратить»

VII, 7

Учитель сказал:

– Даже если кто-то принесет мне лишь связку сушеного мяса, я никогда ему не откажу в обучении.

VII, 8

Учитель сказал:

– Я не наставляю тех, кто не стремится к знанию. Я не обучаю тех, кто не сгорает от нетерпения получить Знание. Я не повторяю своих наставлений тому, кто не способен по одному углу отыскать три остальных.

VII, 22

Учитель сказал:

– Даже если мне встретятся три человека – и у них непременно найдется чему поучиться. Возьму то, что есть в них хорошего, и буду этому следовать. А на том, что есть в них дурного, постараюсь себя исправить.

VII, 18

Учитель постоянно говорил о «Каноне песнопений» («Ши цзин»), «Каноне истории» («Шу цзин») и соблюдение Правил. Вот этих вещах он мог наставлять без устали!

VII, 25

Учитель обучал четверем наукам: культуре (вэнь), [истинным] поступкам, преданности и искренности.

VIII, 8

Учитель сказал:

– Воодушевляйся «Каноном песнопений» («Ши цзин»), опирайся на Правила, совершенствуйся

музыкой.

VIII, 17

Учитель сказал:

– Постигай Учение так, словно боишься не обрести его, а получив – бойся утратить.

IX, 6

Первый советник спросил у Цзы Гуна:

– Не является ли Учитель посвященным мудрецом? Почему у него столь много талантов?

Цзы Гун ответил:

– Само Небо щедро наделило его совершенной мудростью и столь многими талантами.

Учитель, услышав это, сказал:

– Что знает обо мне первый советник! В молодости я был беден, поэтому освоил многие презренные занятия. А многими ли знаниями должен обладать благородный муж? Совсем немногими.

XV, 39

Учитель сказал:

– Передавая Учение, не делай различий по происхождению людей.

XVII, 8

Учитель сказал:

– Ю! Знаешь ли ты шесть слов, которые приводят к шести ошибкам?

– Нет, – ответил Цзы Лу.

– Ну, тогда слушай. Стремление к человеколюбию без любви к учебе ведет к глупости. Стремление к Знанию без любви к учебе приведет к неустойчивости в жизни. Стремление к честности без любви к учебе приведет к тому, что будешь наносить вред людям. Стремление к прямоте без любви к учебе приведет к горячности. Стремление к мужеству без любви к учебе приведет к смуте. Стремление к твердости без любви к учебе приведет к сумасбродству.

XVII, 9

Учитель сказал:

– Дети мои, почему же никто из вас не изучает «Канон песнопений» («Ши цзин»)? О, «Канон песнопений»! Ведь с его помощью можно развить воображение и расширить кругозор, стать более общительным и научиться иронии. Из нее можно узнать, как вблизи служить отцу, а вдали – правителю, как называются птицы и звери, травы и деревья.

XVII, 10

Учитель спросил Боюя:

– Читал ли ты «Песни царства Чжоу» и «Песни царства Шао» из «Канона песнопений»? Тот, кто не читал их, подобен человеку, что уперся в стену!

...

«Песни царства Чжоу» («Чжоу нань») и «Песни царства Шао» («Шао нань») – две части из «Канона песнопений», в которых идет речь о самосовершенствовании и добродетельных нравах, в том числе добропорядочных нравах жен правителей в южных царствах.

XIX, 5

Цзы Ся сказал:

– О том, кто ежедневно узнает то, чего он не знал, и ежемесячно восстанавливает то, что изучил, можно сказать – любит учиться.

XIX, 13

Цзы Ся сказал:

– Если от службы остается свободное время, то посвящай его учебе. А если от учебы остается свободное время, то посвящай его службе.

Радостный и безмятежный

Как-то правитель области Шэ попросил ученика Конфуция Цзы Лу рассказать ему о его учителе, но Цзы Лу ничего не ответил. Узнав об этом, Конфуций произнёс: «Почему бы тебе не сказать об этом просто так: это такой тип человека, который забывает о еде, стараясь решить какую-нибудь проблему, что повергла его в глубокие раздумья, который столь преисполнен радости, что забывает о своих заботах, и который не замечает даже натиска старости».

Ученики оставили немало записей о Конфуции в повседневной жизни. Они разбросаны по всем главам «Лунь юя», хотя большая часть их содержится в седьмой главе. Это просто фиксация поведения Мудреца для будущих поколений – запись без трактовок,

без объяснений, без комментариев самого Учителя в расчете на то, что лишь в дальнейшем можно будет понять сам масштаб личности и смысл его поведения. Ну что может нам дать упоминание о том, что Конфуций «поднимался на повозку, держа спину прямо и ухватившись за веревочные поручни. Сидя в повозке, назад не смотрел, быстро не говорил, распоряжений не давал» (X, 26)? А вот и другой «отчет» о привычках Учителя: «Когда он спал, то не лежал как мертвый; когда был дома, то не сидел как при гостях» (X, 24), т. е. на коленях на циновке. Обычно ел не много и от имбиря никогда не отказывался. Он не ел испортившуюся рыбу или протухшее мясо (X, 8) – разве можно как-то по-другому? В тот день, когда он плакал, он не пел (VII, 10) – интересно, насколько это действительно значимо? Но все эти незначительные описания и эпизоды – части, из которых складывается мозаика личности Конфуция. Что здесь сущностно, поистине значимо, а что мелочно и никчемно, не знают даже его ученики. Поэтому они и записывают все, что сами подмечают, позволяя последующим поколениям давать оценки.

...

Правитель древнего Чжоу Вэнь-ван на охоте (изобр. XI в.) Подобно своему идеалу, Конфуций «стрелял птицу летящую и не стрелял птицу сидящую»

По словам учеников, он «ласков, уважителен, скромн, уступчив» (I, 10), поэтому всегда располагал к себе людей. Когда его не одолевали дела, он был радостен и безмятежен (VII, 3)

Как всякий наставник, он превыше всего ценит именно дела, а не рассуждения, и с этой точки зрения Конфуций не философ, то есть не тот, кто «любит мудрствовать», а тот, кто настраивает мысли других так, чтобы те действовали безошибочно, безукоризненно и в соответствии с ритуалом. «У того, кто беззастенчиво произносит слова, с трудом исполняются дела» (XIV, 20). Для него цзюньцзы тот, то «прежде претворяет слово в дело, а затем следует им» (II, 13).

Сам Конфуций, судя по описаниям эпизодов его жизни, во всем стремился следовать канону цзюньцзы, был, как и цзюньцзы «строг, но не склонен к ссорам, легко сходится с людьми, но не вступает ни с кем в сговор» (XV, 22). Кун-цзы действительно не примыкал ни к какой партии или группировке (дан) и стремился сохранять независимость своих суждений. Обстановка не благоприятствовала такому поведению – заговоры, группировки, фракции стали нормой жизни того времени, Конфуций же, открыто участвуя в политической борьбе, все же оставался над суетой и по настоящему был близок лишь со своими учениками.

Как-то его ученик Цзы-гун спрашивает:

– Что можно сказать о человеке, если вся деревня его любит?

– Это никчёмный человек, – ответил Конфуций.

– А что можно сказать о человеке, которого вся деревня ненавидит?

– И это никчёмный человек, – сказал Конфуций. – Было бы намного лучше, если бы хорошие люди из этой деревни его любили, а дурные – ненавидели.

В этом – ответ на загадку его кажущейся раздражительности и нетерпимости – он просто не желает быть, как он сам замечает, человеком «с ловкой миной и льстивой речью».

Он чрезвычайно требователен к себе – отсюда и такая кажущаяся желчность и нетерпимость к мелочам. Ведь «если к самому себе будешь более требовательным, чем к другим, то избежишь обид» (XV, 15).

Вообще, в повседневной жизни он чрезвычайно педантичен и своим примером воплощает суть потаенного ритуального радения.

Он живет в постоянном трепетном страхе утратить связь с предками и духами. Жертвоприношение для него – не спорадический ритуал, но постоянное действие. Даже когда он вынужден был питаться простой кашей или овощной похлебкой, он всегда оставляет немного для жертвоприношений «и делал это с большим благовеянием» (X, 11)

Более того, многие пассажи из «Лунь юя» рассказывают нам, что Конфуций печалился, порою плакал, предавался радости, «не отказывался от вина, но и не напивался допьяна», т. е. представлял собой вполне обычного китайца, отличного от идеала даосского отшельничества, с той лишь разницей, что каждое его действие соответствовало ритуалу. Таким образом Конфуций «не был радостен или печален без повода» – а значит важно не то, что он делал, но то, что он все свершал в «соответствии с ритуалом». Не случайно сам Учитель не садился даже на циновку, которая «лежала не по ритуалу».

Он вообще очень восприимчив к внешним явлениям – он плачет от музыки и ликует, встретив друга. Один из лидеров «Учения о сокровенном» метафизик Ван Би (226–249) в своих ранних трудах был настолько поражен многими явными проявлениями радости и горя у Конфуция и счел его поведение слишком «человеческим», что первоначально весьма низко ценил его. Но по здравым размышлениям Ван Би счел, что именно таким и должен быть мудрец – испытывающим те же чувства, что и любой человек, с той лишь разницей, что мудрец в отличие от простолюдина никогда не бывает захвачен этими чувствами и не находится у них в плену.

Конфуций абсолютно гармоничен своим поведением, у него все – вовремя, все в соответствии с ритуалом и обстановкой. Он не излишен и не докучлив – великое умение, доступное лишь талантливым наставникам и советникам.

Примечательно, что Конфуций, будучи очевидно женатым, очень мало говорит о противоположном поле. И если упоминает – то чаще всего в негативном контексте. Он признается, что не «встречал еще человека, который ценил бы благодать также, как женские прелести» (XV, 13), он сравнивает «маленького человека» с женщинами:

«когда с ними сближаешься, они перестают тебя уважать, а когда отдаляешься – начинают ненавидеть».

Много было высказано версий по поводу такого нелицеприятно отношения к женщинам и практически полного отсутствия упоминаний о них в «Лунь юе», что может показаться тем более странным, если учесть в ту эпоху развлечения с «певичками», содержание наложниц и плотские прелести являлись нормативом культуры. Предполагали, например, что причина такого отношения Конфуция к женскому полу кроется в его крайне неудачной семейной жизни. Сам он не проповедовал celibат, сам он по-видимому разделял ложе с женой, но во время поста «покидал комнату, где обычно спал» (X, 7). Как бы то ни было, в путешествиях Конфуций предстает всегда без семьи, лишь в окружении учеников.

...

«Когда Учитель спал, то не лежал, словно мертвый» (Худ. Лю Гуйдао, XIII в.)

Поразительно, но Кун-цзы с пониманием относится к стремлению к достатку, если это не задевает жизни других людей, к традиционным поборам сановников. Есть лишь одна вещь, которая недопустима – нарушение ритуального единства. Все остальное может существовать, если приходится ко времени и «по справедливости». Например, он явно одобряет поведение аристократа и сановника царства Вэй некоего Гунсунь Ба, прозванного Гуншу Вэньцзы. Тот все мог делать в меру, что и ценил Кун-цзы: «Он говорит так, чтобы никого не утомить. Когда он весел он смеется, но так, чтобы никого не задеть. Когда надо взять по справедливости, он берет, но так, чтобы ни у кого не вызвать осуждения» (XIV, 13)

Скромность и служение – вот основной критерий конфуцианского пути. Но начинается этот путь исключительно со служения духам предков. Именно в этом, а не в изучении каких-то трактатов видит Конфуций залог обретения благодати. «Младшие братья и сыновья, находясь дома, должны проявлять почтительность к родителям, выйдя за ворота – быть уважительным к старшим, в делах – осторожными, в словах правдивыми... Если у них после осуществления всего этого еще останутся силы, то следует потратить их на изучение культуры-вэнь» (I, 6). Вэнь очень емкое понятие, здесь его можно воспринимать и как изучение древней литературы (например, особо почитаемый Конфуцием «Канон песнопений»), и как постижение ритуалов, изучение других «гражданских наук», противопоставленным в чжоусской культуре военному делу (у). Важно другое – перед культурой-вэнь, как бы мы ее здесь не трактовали, следует служение родителям и старшим вообще, что в свою очередь и предопределяет развитие человека именно как «существа культуры», вымеряет меру человеческого в человеке.

Есть и другой критерий проявления культуры в человеке – это знание меры допустимого и достаточного. Животное, увидев пищу, стремится съесть столько, сколько может. Хищник будет преследовать жертву, пока сам не упадет от истощения. Но человеку должно быть свойственно осознание меры, или, как однажды назвал это сам Конфуций, «золотой середины». Правда, высказал он это замечание с немалым оттенком грюсти. «Золотая середина – это добродетельный принцип, и является он наивысшим

принципом, но народ уже давно не обладает им».

Сам же Учитель никогда не требовал себе больше, чем ему было необходимо для жизни: «Рыбу ловил удочкой, а не сетью, использовал стрелу с верёвкой, охотясь на летящих птиц, и никогда не стрелял в птиц, устроившихся на ночлег».

По этому же критерию Конфуций оценивал и своих учеников: «Ши чрезмерен, Шан отстаёт. Чрезмерность так же плоха, как и отставание».

Такой же умеренности нужно следовать и при исполнении ритуалов: например, праздничная песня не должна быть разнузданной, печальная – не должна слишком ранить душу.

Конфуций, говоря о знании меры, о «золотой середине», преисполнено особо осторожного отношения к жизни, боязни поступить не в соответствии с ритуалом. Даже обдумывание своего поступка должно быть подчинено Ритуалу. Однажды Цзи Вэнь-цзы из царства Лу признался, что трижды думает перед тем, как предпринять какой-нибудь шаг. «И двух раз достаточно», – поправил его Конфуций, ибо ритуал предписывает обдумывать предстоящий поступок именно дважды.

«Лунь юй»: облик Учителя

VII, 4

Когда Учителя не одолевали дела, он был спокойным, радостным и безмятежным.

VII, 9

Если Учитель оказывался рядом с человеком в трауре, он никогда не наедался досыта.

VII, 10

В тот день, когда Учитель плакал, он не пел.

VII, 13

Учитель был особенно осмотрителен во всем, что касалось поста, войны и болезней.

VII, 19

Правитель области Шэ спросил у Цзы Лу, каков Учитель Кун как человек. Тот не сумел ответить.

– Отчего же ты не ответил ему так, – сказал Учитель – В трудах забывает о пище, в радости забывает о горе и совсем не думает о наступающей старости. Этого было бы достаточно.

...

Шэ-гун – правитель уездного города или области Шэ в уделе Чу.

VII, 27

Учитель всегда ловил рыбу удочкой и не ловил сетью. Стрелял птицу летящую и не стрелял птицу сидящую.

VII, 32

Когда Учитель оказывался с теми, кто пел, то, если пели хорошо, он просил начать сначала, а затем присоединялся и сам.

VII, 38

Учитель был мягок, но строг; внушителен, но не зол; почтителен, но сдержан.

IX, 4

Учитель был свободен от четырех недостатков: предвзятых взглядов, категоричности в суждениях, упрямства и самовозвеличивания.

IX, 10

Учитель, встречая людей в траурных одеяниях, или в ритуальных шапках и одеждах, или слепых, даже если они были и моложе его, всегда вставал, а проходя мимо них, всегда убыстрял шаги.

X, 1

В родной деревне Кун-цзы не был многословным, хотя и казался простодушным, а в главном храме предков и при дворе был красноречив, хотя и краток.

X, 6

Конфуций не оторачивал своего воротника темно-красной или коричневой материей [в знак траура]. Не использовал для домашнего платья материи красного или фиолетового цветов [как цветов промежуточных, более идущих женскому полу]. В летний зной носил однослойный халат из тонкого или грубого льняного полотна, который при выходе из дому он непременно одевал поверх исподнего платья. Поверх [придворной] шубы из черного барашка он надевал однорядовый халат, поверх пыжиковой шубы [для представления посланников в и гостей при дворе] носил белый халат, а поверх лисьей шубы [для жертвоприношений для защиты урожая] одевал желтый длинный меховой халат с коротким правым рукавом.

Во время поста он всегда носил спальное платье длиною в полтора роста. В домашней жизни он использовал пушистые лисьи и енотовые меха. По окончании

траура одевал на пояс всевозможные привески. Если это было не парадное платье, то оно непременно скашивалось вверх. Барашковая шуба и черная шапка не одевал, когда шел выражать соболезнования. Первого числа каждого месяца он непременно одевался в парадное платье и являлся ко двору.

...

На левом боку висели в качестве привесок: утиральник, нож, оселок, маленькое шило для развязывания узлов и зажигательное металлическое зеркало. На правой стороне: кольцо для натягивания лука, дерево для вытирания огня в пасмурную погоду, большое шило из слоновой кости, кисть и ножны (Прим. П. Попова).

...

Парадное платье одевалось для представления ко двору и для жертвоприношений. Оно изготавливалось из прямых полотнищ с оборками вокруг поясицы.

Х, 7

Во время поста Конфуций всегда менял обычное платье и привычную пищу а также менял всегда менял место, где обычно спал.

...

Речь идет скорее всего о том, что «меняя пищу и платье», Конфуций отказывался от имбиря и лука, которые вызывают резкий запах, вина, а также одевал чистые полотняные одежды. «Меняя место», Конфуций покидал комнату, дабы не находится в одном помещении с женой.

Х, 8

Если каша была не из отборного обрушенного зерна, если мясо было нарезано не достаточно мелко, если каша от долгого хранения прогоркла, ничего этого он не ел. Испортившуюся рыбу и протухшее мясо не ел. Продукты, чей вид и запах изменились, также не ел. Плохо сваренное не ел, несвежее не ел. Неправильно разделанное мясо не ел. Если не было соответствующей приправы, не ел. Хотя бы мяса было и много, не ел его больше, чем риса. Лишь в вине не ограничивал себя, но допьяна не напивался. Вина и мяса, что куплены на рынке, не употреблял. А вот без имбиря никогда не обходился. Ел он немного.

Х, 10

Во время еды он не вступал в беседу, во время сна не говорил.

Х, 11

Хотя бы пища его состояла из простой каши или овощного супа, он непременно отделял немного для жертвоприношений и делал это с большим благоговением.

Х, 12

Если циновка была постлана неправильно, он не садился.

Х, 13

Когда жители его деревни собирались на церемонию распития вина, он поднимался со своего места лишь после того, как выйдут старики.

Х, 16

Когда Канцзы преподнес лекарство, Учитель с поклоном принял его, сказав:

– Я еще не разобрался, что это за лекарство, поэтому не смею опробовать.

...

Канцзы – аристократ из царства Лу.

Х, 17

Сгорела конюшня. Учитель, только что вернувшийся из дворца, спросил:

– Люди не пострадали?

А о лошадях даже не спросил.

Х, 21

Войдя в Великий храм, он расспрашивал о каждой мелочи.

Х, 22

Если умирал друг и некому было похоронить его, он говорил:

– Я похороню.

Х, 23

Принимая подарки друзей, будь то повозка или лошади, но не жертвенное мясо, в ответ не кланялся.

Х, 24

Когда он спал, то не лежал, словно мертвый; когда был дома один, то не сидел, как при гостях.

Х, 25

Когда он встречал человека в траурном одеянии, хотя бы и недавнего знакомца, он менялся в лице. Когда встречал кого-либо в церемониальной шапке или слепого, как бы часто ни видел их, всякий раз был с ними почтителен. Когда сидя в повозке, он встречал человека, одетого в траур, то отвешивал поклон, опершись на поручни. Когда встречал людей, несущих подворные списки населения, был так же почтителен и с ними. При виде роскошного угощения, непременно вставал с выражением почтения на лице. Во время грозы и бури он всегда менялся в лице.

X, 26

Когда он поднимался на повозку, то держал спину прямо, ухватившись за веревочные поручни. Сидя в повозке, назад не смотрел, быстро не говорил и распоряжений не давал.

XV, 42

Наставник музыки слепой Мянью пришел навестить Учителя. Когда он подошел к крыльцу, Учитель сказал:

– Здесь крыльцо.

Когда он подошел к циновке, Учитель сказал:

– Здесь циновка.

Когда оба сели, Учитель объяснил ему:

– Здесь сидит такой-то, там сидит такой-то.

Когда наставник Мянью ушел, Цзы Чжан спросил:

– Следует ли так говорить со слепым музыкантом?

Учитель ответил:

– Конечно, именно так и надо помогать слепому наставнику.

Древний ритуал и новая этика жизни

Одним из примеров подражания Конфуция был один из первоправителей Китая Юй, которому легенды приписывают спасение страны от потопа. Юй сумел изменить течение рек, и вода схлынула. Что же в Юе вызывало восхищение Конфуция? «Он с пренебрежением относился к напиткам и пище, но проявлял немалое почтение к душам умерших и духам. Он не заботился о своей одежде, но стремился придать особую красоту траурному одеянию и головному убору». Значит, Юй всегда был готов

пожертвовать собой, своим благополучием и даже элементарной сытостью ради исполнения обрядов по отношению к предкам.

Подражание древним правителям и предкам для Конфуция далеко не самоцель, это лишь способ настроить свое сознание на те особые «резонансные колебания», которые, исходя от древности, способны напитать Поднебесную и сегодня. Эта часть его проповеди непосредственно связана с его традиционным воспитанием «служителя ритуалов» – своеобразного культового служителя. Но существует и другая часть, которая и позволила этому странному и порою очень резкому в своих суждениях человеку остаться в истории на тысячелетия. Он, равно как и многие духовные наставники того времени, проповедуют некую новую этику, в которой жизнь государства и «жизнь в ритуале», в духовном радении должны уравниваться. Призывая «учиться у древности», «измерять себя делами прошлого», он по сути вводит новую этику поведения и мышления. Конфуций расстаётся с архаической традицией «прислушивания» к Небу, а вместо этого старается объяснить, что существуют некие универсальные нормы жизни, которые он называет ли, традиционно переводимом как – «ритуал», «церемониал», «правила поведения». Перевод этот весьма неточен, поскольку уводит нас в мир неких механических действий, именно церемониалов. Для Конфуция же ли – способ ежемгновенного сохранения связи с Небом, методы «небо-общения», прямые и ничем не опосредованные. Идеал конфуцианской проповеди – благородный муж цзюньцзы отличается от остальных прежде сего тем, что может постоянно пребывать в этом ритуальном радении, проявлять его в каждом своем поступке и даже мысли, в отличии от сяожэнь («маленького» или «мелкого человека»), который в лучшем случае лишь имитирует эти ритуальные действия.

...

Поклонение духам предков перед алтарем было важнейшей частью поддержания связи с Небом

«Лунь юй»: сверяю себя с мудрецами прошлого

III, 16

Учитель сказал:

– При стрельбе из лука суть не в том, чтобы пронзить кожу, [попав в центр мишени, а чтобы вообще попасть в мишень], потому что силы не у всех одинаковы. В этом – Путь древних

V, 23

Учитель сказал:

– Бо И и Шу Ци не помнили прежнего зла, поэтому-то на них и роптали мало.

...

Бо И Шу Ци – были сыновьями правителя одного из царств периода правления древнейшей династии Инь. Когда правитель скончался, он назначил своим преемником. младшего сына Шу-ци. Шу Ци решил уступить престол Бо И как старшему брату, но Бо И, сказав, что такова воля родителя, уклонился. В ответ от трона отказался и Шу Ци и никто из братьев не захотел занять престол. После того как племя Чжоу покорила династию Инь, братья, стыдясь есть хлеб узурпатора и правителя Чжоу – У-вана, перестали принимать пищу и объявили голодовку и скончались у подножия горы Шоюан. Гора Шоюан находится в провинции Шаньси, в округе Пучжоу.

XVI, 12

[Учитель сказал]:

– Циский правитель Цзин-гун имел тысячу четверок коней, но, когда он умер, народ не нашел ни одной добродетели, за которую его можно было бы восхвалять. Бо И и Шу Ци умерли от голода у горы Шоюан, а народ и поныне их славит. Не в этом ли суть?

VII, 15

Жань Ю спросил:

– Поддерживает ли Учитель правителя царства Вэй?

Цзы Гун ответил:

– Будет лучше, если я спрошу у него самого.

Войдя в дом, Цзы Гун спросил:

– Кто такие были Бо И и Шу Ци? Учитель ответил:

– То были самые добродетельные люди древности.

Цзы Гун вновь спросил:

– А не сожалели ли они?

[Учитель] ответил:

– Они искали человеколюбие и обрели человеколюбие. Так о чем же они могли сожалеть?

Выйдя [от Учителя], Цзы Гун сказал:

– Учитель не поддерживает правителя царства Вэй.

...

Вэйский правитель – Чу-гун вел войну со своим отцом – законным наследником престола,

сосланным дедом Чу-гуна в другое царство А Конфуций в этот момент находился в царстве Вэй.

VII, 1

Учитель сказал:

– Я передаю, но не творю, я верю в древность и люблю ее. И в этом осмелюсь сравнить себя с Лао Пэном.

...

Скорее всего под Лао Пэном («старец Пэн») подразумевается полумифологический персонаж Пэн-цзу (династия Шан), проживший сотни лет, или Лао-цзы и Пэн-цзу одновременно, учитывая что по преданию Конфуций получал наставления в тайнах ритуала у Лао-цзы.

IV, 22

Учитель сказал:

– В древности словами не бросались, боясь, что не смогут претворить их.

VIII, 1

Учитель сказал:

– О Тай Бо можно сказать, что был он в высшей степени добродетелен. Он трижды отказывался от трона в Поднебесной. Народ же не смог подыскать соответствующих слов, дабы прославить его.

...

Тай Бо был старшим сыном основателя чжоуской династии Гу-гуна. У Гу-гуна было три сына: старший Тай Бо, Чжун Юн и Цзи Ли. У младшего Цзи Ли родился сын по имени Чан – будущий знаменитый правитель Вэнь-ван, объединивший две трети территории древнего Китая. Гу-гун предвидя его великое будущее, решает передать ему престол и в качестве первого шага возводит на трон своего младшего сына Цзи Ли. Тем самым был нарушен принцип передачи власти по старшинству Тай Бо, дабы не создавать конфликта и исполнить желание отца, вместе со средним братом покидают столицу и отправляются к «цзинским инородцам» на территории провинции Хубэй.

VIII, 18

Учитель сказал:

– Как возвышенны были Шунь и Юй! Владея Поднебесной, они сами не вмешивались в дела управления.

VIII, 19

Учитель сказал:

– Велик был Яо как государь! Сколь возвышен! Только одно Небо велико, и только один Яо следовал ему. Как безграничен он в своей щедрости! Народ не смог найти подходящих слов, дабы выразить свою признательность. О, как возвышенны его свершения! Сколь блестяща его просвещенность!

...

Яо – один из первоправителей Китая.

VIII, 20

У Шуня было всего пять сановников, и Поднебесная наслаждалась истинным правлением.

У-ван как-то сказал:

– У меня десять способных сановников.

Кун-цзы [уже позже на это] заметил:

– Не правда ли, сколь трудно подобрать таланты? Период от Тана до Юя богат талантами. [У чжоуского У-вана] среди сановников была одна женщина, таким образом, фактически их было девять. И хотя [У-ван] обладал двумя третями [Поднебесной], он все еще считался подданным правителей Инь. Можно только сказать, что добродетель правителя Чжоу достигла высших пределов.

...

У-ван – правитель династии Чжоу (1066?-1063 гг. до н. э.).

Тан и Юй (Яо и Шунь) – легендарные правители древнего Китая.

VIII, 21

Учитель сказал:

– Юй! в нем я не нахожу недостатков! Он ел и пил скудно, но проявлял высшую почтительность духам. Он ходил обычно в грубой одежде, но его церемониальная шапка и наколенники (т. е. ритуальное одеяние) были поразительно красивыми. Он жил в простом доме, но все его силы уходили на рытье отводных каналов. Да, в Юе я не вижу недостатков!

...

Юй или Да Юй («Великий Юй») – полулегендарный правитель первой династии Ся. Как гласят предания, Юй, строя каналы, помог правителю Шуню победить потоп, за что народ и избрал его своим следующим правителем.

XIV, 5

Наньгун Ко спросил Кун-цзы:

– И был искусным стрелком, а Ао мог двигать лодку посуху, но оба умерли не своей смертью. Не оттого ли Юй и Цзи получили Поднебесную, что они собственноручно возделывали землю?

Учитель промолчал. Когда Наньгун Ко вышел, Учитель сказал:

– Этого человека можно назвать благородным мужем. Сколь обширна его добродетель!

...

Наньгун Ко был уроженцем царства Лу и учеником Конфуция, родом из царства Лу. И – знаменитый стрелок из лука, герой народной традиции. Он убил правителя династии Ся – Сяна и занял его престол. Но позже его же министр Хань-чжо убил стрелка И и занял его место. Ао, или Яо, его сын, отличался столь огромной силою, что мог посуху двигать лодку. Он также был убит правителем Ся – Шао-каном (2118–2057 гг. до н. э.). Юй – усмиритель потопа, который стал правителем поднебесной за свои подвиги.

XIV, 37

Учитель сказал:

– Мудрецы удаляются от мира. Другие же кто удаляются из государства, в котором нет стабильности. За ними следуют те, кто удаляются от небрежного обращения с ними. И, наконец, за ними следуют те – те, кто избегает оскорбительных слов своего правителя.

Учитель добавил

– Таких было лишь семь человек.

...

Предположительно, Конфуций имел в виду семь мудрецов прошлых эпох, «первоправителей» древности: Яо, Шуня, Юя, Тана, Вэнь-вана, У-вана и Чжоу-гуна.

XIV, 40

Цзы Чжан сказал:

– В «Каноне истории» сказано, что Гао-цзун, соблюдая траур, жил в соломенной хижине и три года не говорил. Что бы это значило?

Учитель сказал:

– Почему только Гао-цзун? Так поступали все древние. Когда умирал правитель, то все чиновники в течение трех лет внимали приказаниям первого советника.

...

Гао-цзун – один из правителей династии Инь (1323–1263 гг. до н. э.).

XV, 5

Учитель сказал:

– Если и был правитель, добившийся порядка в Поднебесной, не делая ничего, то им был Шунь. Чем же он занимался? Он лишь сидел в почтительной позе лицом на юг.

...

Мудрец, которым был Шунь, устанавливал покой в мире лишь одним своим присутствием – в этом мистическая роль его полного «недеяния». Лицом на юг сидели китайские императоры и правители.

XV, 11

Янь Юань спросил, как следует управлять государством. Учитель ответил:

– Вернись к календарям династии Ся, ездь на повозках династии Инь, носи ритуальную шапку династии Чжоу, используй музыку типа шао и у. Запрети напевы царства Чжэн, изгони льстецов: напевы Чжэн непристойны, а льстецы опасны.

...

Календарь династии Ся отличался от чжоуского календаря, т. е. от того, которым пользовались во времена Конфуция. Во времена Ся год начинался с месяца под циклическим знаком Инь. Это было связано с преданием, что под этим знаком родился человек. Династии Шан начинала год с месяца под циклическим знаком Чоу, под которым появилась земля, а династия Чжоу – с Цзы, под которым появилось небо. Луна под знаком Цзы приходится на 11-ю луну, в которую бывает зимнее солнцестояние. По преданию колесницы династии Инь были просты и надежны, Конфуций противопоставляет им колесницы своего времени, украшенные золотом и яшмой.

XVII, 16

Учитель сказал:

– В древности люди имели три типа недостатков, которых ныне, пожалуй, уже и нет. В древности те люди, что были своевольны, могли себя сдерживать, ныне же своевольные безудержны. В древности те люди, что были самолюбивы, могли владеть собою, ныне же самолюбивые не сдерживают свой гнев, даже не стыдятся его. В древности даже глупцы отличались прямоотой, ныне же и глупцы творят обман.

XVIII, 1

Вэй-цзы покинул его, Цзи-цзы стал его рабом, Бигань был казнен за увещания.
Конфуций сказал:

– Да, в конце династии Инь было лишь трое человеколюбивых.

...

Речь идет о годах правления последнего иньского царя Чжоу Синя. Возмущенный произволом, учиненным в стране Чжоу Синем, его старший сводный брат по матери – Вэй-цзы покинул царство. С двумя своими дядьями Чжоу Синь все же успел расправиться: Цзи-цзы обратил в рабство, Биганя, осмелившегося увещевать деспота, подверг мучительной казни (ком. Л. Переломова)

XVIII, 8

Отверженными были Бо И, Шу Ци, Юй Чжун, И И, Чжу Чжан, Люся Хуэй и Шао Лянь.

Учитель сказал:

– Не отказавшиеся от своих устремлений и не опозорившие себя – то были Бо И и Шу Ци.

О Люся Хуэе и Шао Ляне сказал:

– Они отказались от своих устремлений и опозорили себя; но речи их были разумны, а поступки осмотрительны, и только.

Отозвался о Юй Чжуне и И И:

– Живя в уединении, они были свободны в речах, сохранили чистоту нравов; показали умение приспосабливаться к обстоятельствам, удалившись от мира сего. В отличие от них, я заранее не предрешаю ничего, руководствуюсь лишь чувством долга.

...

Здесь Конфуций, перечисляя мудрецов древности, косвенно как бы оправдывается, почему он – честный и преданный служить правителям и ритуалам – постоянно оказывается отвергнутым.

Мистерия государственного служения

Его миссия, как он считает, заключается прежде всего в передаче мистического откровения на уровень управления государством и Поднебесной вообще. Именно ради этого он пошел на то, чтобы оставить жизнь затворника-медиума и посвятить себя не только воспитанию учеников, но и наставничеству правителей. Официальные должности, которые он иногда занимает – не более чем инструмент для такого

наставничества, просто возможность быть ближе к правителю, дабы направлять его. Он, как и многие служивые мужья ши того времени, готов безболезненно оставить свою должность, если ему кажется, что его советам не следуют, а царство выпадает из магического пространства соприкосновения Неба и Земли. Он как-то говорит: «Птица выбирает дерево. Как же дерево может выбирать птицу» [13, гл. «Ай-гун», 58. 27-а-б]

И здесь проступает еще одно отличие Конфуция и учителей его времени от мистиков-медиумов архаики. Они очень четко определяют свой объект для передачи знания – правители высшие сановники царств. Именно они должны стать инструментами воплощения Небесной воли, переданной на землю через медиумов, подобных Конфуцию, пускай даже сами об этом и не догадываясь. Такой «инструментальный», жестко прагматичный подход Конфуция к власти предрежающим пронизывает всю его проповедь. Здесь и глубокая убежденность, что самостоятельно правитель не способен осознать истинную суть вещей и отсюда – необходимость в наставнике, получающим небесные откровения; здесь и решимость немедленно покинуть такого правителя, если тот не способен быть инструментом в руках наставника и, как следствие, не может принести гармонию и энергетику благодати в мир.

Проповедь Конфуция социализирована, она абсолютно не похожа на древнюю индивидуалистическую традицию мистиков раннего Чжоу, он стремится обратить своё мистическое знания именно на общество, дать правителям и сановникам магический инструмент для управления делами земными. Но именно эту часть его проповеди слышат меньше всего, а с веками этот мотив окажется окончательно погребен под рассуждениями о социально-политических мотивах конфуциева учения. Нечто подобное случилось с проповедью куда более оккультного учения – с наставлениями Лао-цзы.

Конфуций покидает лоно мистических школ и активно включается в социальную и политическую жизнь царств. У него есть, безусловно, план усиления верховной власти государя. Он многое делает именно для того, чтобы его царство Лу сумело подавить другие царства, причем дает советы, не боясь кровопролития. Именно по его совету два видных сановника-дафу из царства Лу сумели в кровавом столкновении разгромить отряды Гушань Буню и Шусунь Чжэ из соседних областей.

Большинство служивых мужей Поздней Чжоу любили рассуждать именно о политике, о том, как урегулировать отношения между враждующими царствами. А вот Конфуций предлагает людям не столько политическое или духовное учение, сколько чисто этическую систему. Важно сначала исправить людей, очистить их, вернуть к нормам поведения, а всё остальное – и государство в том числе – постепенно само придёт в равновесие. Надо больше интересоваться не политикой или экономикой, а состоянием души человека. Время показало, что это наиболее удачный вариант «жизненной философии»: с одной стороны, он признавал мир «тонких» материй, мир духов, общения с Небом, с другой – призывал больше обращать внимание на соблюдение простейших этических норм в повседневной жизни. Правда, сами по себе эти нормы, или особые правила поведения, – ритуал – имели исключительно священный, надчеловеческий характер.

Но воплотить в реальности самые простейшие нормы поведения не так легко, как кажется на первый взгляд. Даже если очень подробно и доступно объяснить человеку, как он должен себя вести, то вряд ли стоит ожидать, что он тотчас изменится.

Нормы поведения в семье Конфуций переносит на правила поведения в государстве, объявляя, что «вся Поднебесная – одна семья». Так же, как в семье, здесь должны царить сыновняя почтительность и преданность по отношению к правителю, а тот в свою очередь обязан проявлять отеческую заботу, справедливость, выражать благодарность и милость к своим «сыновьям». Главным же стержнем взаимоотношений должно стать человеколюбие. Это, конечно, вполне традиционное, хотя и весьма расширенное продолжение культа предков, но это и абсолютно небывалая, прочная система взаимоотношений человека и государства, государства и священных сил Неба.

...

Ученые мужи у правителя во время угощения (с каменной стелы)

Каждый должен находиться на предназначенном ему месте – в этом залог гармонии отношений в стране. Конфуций называет это да тун – «великое взаимоподобие», которое понимается как основной и, увы, утопический принцип взаимоотношения между людьми, некая предельная этика жизни. Он призывает «исправить имена» (чжэн мин) – привести все явления в соответствие с их функциями. Этим принципам должны были в равной степени подчиняться государь и чиновники, муж и жена. «Правитель должен быть правителем, подданный – подданным, отец – отцом, сын – сыном», – наставлял Конфуций. Каждый способен выполнять свой долг, «быть таким, каким следует быть», лишь на основе всё тех же моральных категорий сыновней почтительности, человеколюбия и других подобных качеств.

Его страшно тяготит нарушение гармонии и баланса магических сил в Поднебесной, причем для него это прежде всего равновесие между внутренней сущностью мира и его внешним выражением. «Имя» (мин) для Конфуция, равно как и для многих мистиков древности, есть явление сущностное, не случайное. Это также тяготеет к архаическим шаманским культам, где лишь одно произнесение имени или названия предмета могло мистическим образом либо породить вещь, либо изменить ее сущность. А поэтому именами и названиями нельзя жонглировать, как попало – ведь неверное слово порождает и неверное явление в мире. Именно поэтому посвященный муж (цзюньцзы) тщательно следит за своими словами – «в них не должно быть и крупинки неточности».

И если ошибка в названии и имени простительная для простолюдина, то она абсолютно непростительна для цзюньцзы, поскольку именно он должен своими словами, молитвами и заклинаниями упорядочивать этот мир.

И для Конфуция здесь становится очевидной причина развала отношений гармонии в Поднебесной – потеря соответствия между именем и сущностью, произносимым звуком и явлением, которое он должен обозначать. Некие люди называют себя «достоинными правителями», но не способны выполнить свои функции, приведя народ к процветанию. Правитель перестал быть истинным правителем, чиновник – праведным чиновником,

отец – отцом, сын – сыном. Поэтому надо вернуться к истинному смыслу этих названий, привести их в соответствие с внутренней сутью вещей.

Но почему же именно это оказывается столь важным для Конфуция? Разве недостаточно соблюдать правила и ритуалы, почтительность к родителям и старшим, заботиться о младших? Да, этого достаточно лишь в том случае, если все эти принципы действительно реализуются на практике, а не представляют собой лишь притворство и механистическое следование правилам, против чего всегда выступал Учитель «Название» или «имя» (мин) в архаической традиции не просто звук – оно порождает сущности, оно формирует реальность. И ошибка в имени тотчас воплощается с искажением реальности.

Но его мысль об «упорядочивании названий» уже многим непонятна и вызывает отторжение. В эпоху политических интриг, военных походов, смены административных моделей управления царствами столь мистическая концепция возвращения к неким «истинным названиям» кажется уже непонятной, уже слишком далекой от действительных нужд правителей. Никто не возражает против введения справедливых законов и установления эффективных налогов, но воспринять всю концепцию чжэн мин, положив ее в основу управления, так никто и не согласился. Это была еще одна почти утопическая идея Конфуция, принесенная им из мира мистики в мир государственных дел и политических споров. Но он продолжает настаивать!

Как только его собираются пригласить в управление царством Вэй, он тотчас предлагает начать с «исправления названий». Даже его ученик Цзы Лу поражен: «Неужели, Вы, Учитель, собираетесь продолжать настаивать на этом?!». Но Конфуций непреклонен – «исправление названий» должно быть произведено и только это моет мистическим образом исправить все беды Поднебесной. Более того – такое «исправление названий» порождает целую цепочку изменений в мире. И речь уже идет не о каких-то «именах», но о восстановлении утраченной связи человека и Неба, о возрождении древнейшей традиции гармонии мира духов и мира людей. Конфуций объясняет непонятливому Цзы Лу: «Если названия не соответствуют своей сущности, то и слова противоречат действительному положению вещей. Если словами противоречат положению вещей, то и дела не будут исполняться. А когда дела не исполняются, то Правила и музыка оказываются недейственными. Если Правила и музыка недейственны, то наказания не будут справедливы. А когда наказания не справедливы, то народ не знает, как с пользой распорядиться силой своих рук и ног». Значит, государству надо заниматься тем, чтобы привести всех людей, в том числе и чиновников, в соответствие с их функциями и способностями.

...

Чжоуский правитель на прогулке в сопровождении слуг

Этому предложению Конфуцию поучаствовать в делах управления царства Вэй предшествовала история, которая была в общем была характерна для той эпохи. Но она неприятно поражает стареющего Учителя. Наследник правителя царства Вэй Куай-туй, стыдясь развратного поведения своей матери Наньцзы, решил умертвить ее. Но план проваливается и ему приходится бежать из царства. Отец бежавшего – правитель царства

Лин-гун, ошеломленный вероломством сына и нарушением всех приличий, решает сделать своим наследником второго сына Ина, но тот отказывается. Вскоре правитель умирает, и его вдовствующая правительница вновь хочет передать престол Инну, но вновь получает отказ. И тогда престол приходится передать сыну бежавшего старшего сына – Чу-гуну, внуку умершего правителя. Сам же Чу-гун враждовал с своим отцом. Итак, в одном семействе получается так, что все враждуют со всеми. Младший сын, нарушая все правила сыновней почтительности, отказывается принять трон, старший сын устраивает заговор против своей же матери. Поэтому Конфуций и требует, что прежде всего надо «восстановить истинный порядок названий»

Его отношение к официальному участию в делах управления могло показаться странным для служивого мужа того времени. С одной стороны, он никогда не стремился получить официальный пост, хотя ему неоднократно предоставлялась такая возможность. С другой стороны, он действительно все время служил правителям, иногда занимал невысокие должности и никогда не жаловался на то, что его советы не принимались во внимание. Но он подчеркивает, что все же в делах реального управления участвует, и его роль здесь значительно выше, чем роль чиновника средней руки. Он управляет именно мистическим образом, устанавливая равновесие между Небом и правителем.

Отношения Конфуция с государством были странными и необычными. Он несколько раз занимал официальные посты, но понимал, что ни на одном из них так и не смог добиться воплощения своего нравственного идеала

Отвечая на вопрос, почему он сторонится прямого участия в управлении царством, он очень тонко подчеркивает эту особенность «сокрытого управления»: «В «Каноне истории» говорится: «Когда надо проявлять сыновнюю почтительность – проявляй ее, будь дружен со старшими и младшими братьями». В этом и кроется суть управления. Таким образом я уже участвую в управлении. К чему же непременно занимать высокий пост?» (II, 21). Здесь примечательны две вещи. Во-первых, сам мотив косвенного, мистического сокрытого управления, когда дела в государстве творятся не путем прямого администрирования, а установления некоего равновесия между мудрейшими. Мотив этот не нов – он вообще звучит у мистиков того времени, достаточно вспомнить, например, Лао-цзы: «Лучший правитель – тот, о котором народ не знает».

В другой раз Конфуций согласился принять пост. Какие же аргументы понадобились, чтобы убедить его? К мудрецу обратился некий Ян Хо, занимавший одну из высших чиновничьих должностей в царстве Ци и влиявший на политику царства Лу:

– Можно ли назвать человеколюбивым человека, который, накопив богатства, позволяет государству сбиться с пути? Я бы таковым не назвал его. Можно ли назвать мудрым такого человека, который, будучи всегда готовым участвовать в общественной жизни, всегда отклоняет такую возможность? Я бы таковым не назвал его. Дни и месяцы уходят. Время не на нашей стороне.

Конфуций ответил кратко:

– Хорошо, я приму пост.

Обладая тайным Учением, известным мастерством наставника и большими духовными силами, у него есть выбор – укрыться от людей, став отшельническим учителем, окруженным небольшим количеством учеников, или подарить свои знания достойным правителям. Что он выберет? Конечно, последнее. Его философия – это философия именно служивого мужа. Уединенное отшельничество и скитания по царствам с учениками есть лишь вынужденное явление. Он, как сам признается «ждет ценителя» и не стесняется сравнения себя с «куском прекрасной яшмы». Его ученик Цзы-гун прямо спрашивает Учителя о его выборе «Вот кусок прекрасной яшмы. Спрятать ли нам ее в шкатулку или же постараться продать ее за хорошую цену?». Конфуций не задумывается «Продать, продать!» (IX, 13). Но вот исток истинной драмы – достойного «покупателя» не находится. Он вышел из чертогов древних посвящений и магических ритуалов, он готов использовать их силу на благо служения любому достойному правителю.

Он хочет, чтобы его позвали, он не может понять, как достойный и искренний муж может оказаться невостребованным в этой жизни. Он искреннее и честно, некортыстолюбиво и с открытым сердцем предлагает использовать эти знания для установления гармонии в царствах. Гармонии не земной, но гармонии небесной, что устанавливается между Небом и людьми. Увы, это уже не нужно, как и не нужен такой странный персонаж как Конфуций, отделившийся от мира древних мудрецов, но так и не способный овладеть практицизмом государственного чиновника. Его короткий период государственной службы оказался не очень удачным. Конфуций оказался плохим чиновником. Он действительно страдает от этого, он причитает: «Я не был использован на государственной службе» (IX,7)

Но что может составить тот стержень, тот движитель, который заставляет человека служить в этой жизни? Конечно же, долг (и). Не приказ, не закон, а внутренний нравственный долг. А подчинение приказам – это просто выполнение долга. Долг – ключевое понятие в проповеди Конфуция. Подданный должен служить государю, государь – заботиться о подданных.

Где истоки этого долга? Естественно, в глубокой древности, когда все жили, опираясь на нравственные понятия, которые и старался вернуть к жизни Конфуций. Для Конфуция существует понятие долга как продолжения человеколюбия и справедливости, как части Ритуала. Долг заключён прежде всего в том, что мистический Ритуал жизни необходимо исполнить до конца.

Долг... Долг во всём, и вся жизнь – как высшее долженствование. В конечном счёте долг по отношению к государю, к отцу, к старшим всегда оборачивается долгом человека перед Небом,

Конфуций – реалист в управлении государством, хотя как политик он всё же не состоялся. Так или иначе, он отмечал: «Если руководить народом с помощью законов и призывать порядок с помощью наказаний, народ будет стремиться избежать наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом с помощью добродетели и вносить в народ порядок с помощью ритуала, то народ познает стыд и исправится».

Смута и волнения опасны тем, что народ отвлекается от своих основных обязанностей: не пашет землю, бросает ремёсла, да и просто уходит в другие царства. Он точно говорит: «В государстве, где царит хаос, люди не живут».

Сам же народ надо кормить и воспитывать, – вот два шага, которые должен предпринимать каждый правитель по отношению к своим подданным. Воспитание народа становится вообще одним из лейтмотивов всей жизни Конфуция, не случайно он вошел в историю именно как Учитель, наставник. Его ученик Жан Ю спрашивает учителя, когда они направляются из родного царства Лу в Вэй:

– Когда народ столь многочислен, то как же его направлять?

– Прежде всего, надо дать ему разбогатеть, – ответил Учитель.

– А когда он разбогател, – вновь спросил Жан Ю, – то как его дальше направлять?

– А вот теперь его надо воспитать (XIII, 9).

Однако само воспитание имеет в устах Кун-цзы особый смысл. Это, прежде всего, привитие людям ритуальных навыков и норм поведения, при которых «чиновник всегда бы оставался чиновником, отец – отцом, сын – сыном», когда бы четко соблюдался исходный порядок вещей во вселенной. Воспитание – не передача знаний, не обучение канонам (это должно быть доступно избранным), а выработка способности следовать высшим предписаниям. Но – и это очень важно для Конфуция – сначала народ надо накормить, голодный и озлобленный человек своей энергетикой способен лишь разрушить гармонию Поднебесной.

Он не осуждает и не отрицает материальное благополучие, хотя сам никогда не был богатым, а иногда и бедствовал. Более того, для него достаток – необходимое условие воспитания народа. В другой раз он говорит: «Быть бедным и не роптать – трудно. Быть богатым и не зазнаваться – легко» (XIV,10).

И если в сам Конфуций очень жестко относится к тем, кто нарушает ритуал как форму общения с духами предков, то он чрезвычайно снисходителен к тем, кто нарушает обиходные правила. Однажды властительный князь Цзи Кан-цзы предложил достаточно простой способ решения конфликтов:

– А что, если убивать тех, кто пути-Дао не следует?

– Если управляете, – ответил Конфуций, – зачем же убивать? Если сами устремитесь к добру, то и народ станет добрее. Нрав правителя подобен ветру, а нрав народа – траве. Куда дует ветер, туда и клонится трава.

Конфуций решительно отвергает убийства как способ урегулирования дел в государстве, ибо несправедные подданные – это вина правителя, именно он должен воспитывать их своим примером.

Великий учитель, несмотря на все его многочисленные неудачи в самостоятельном управлении областью, в истории выступает не как романтик «первобытного утопизма», но как жесткий прагматик, он постоянно говорит об умении «использовать»: «использовать людей», «пользоваться ритуалом», «использовать подданных», «использовать народ в надлежащую пору» (1, 5). И порою он кажется дидактиком управления, неким древним типом «менеджера-управленца» (не случайно сегодня столь популярным в КНР стало образ «конфуцианского бизнесмена» – удачливого, но честного). Но нет, за каждой его фразой скрывается подтекст, абсолютно понятный слушателям и читателям последующих поколений, подтекст описывающий ритуальное поведение человека в мистическом пространстве бытия. Конфуций выступает как мудрый проводник-шаман, обучающий людей тому, как пройти по этому могучему, пугающему и одновременно имманентно присущему пространству, не ошибаясь и не сгинув. Именно для этого конфуцианцы в своих работах столь большой упор делают на сакральные слова, столь схожие с архаическими заговорами – не таковы ли термины «ритуал», «человеколюбие», «долг» и другие конфуцианские понятия? Конфуций в какой-то мере сыграл дурную шутку: он заставил все последующие поколения китайцев, равно, впрочем, как и западных исследователей, спорить о том, что означают эти понятия, как следует их трактовать, как поступать в соответствии с их истинным смыслом (чжэн и). Но как раз «истинного смысла» у них и нет, это – слова-пустышки, некие путеводные вехи, которые сами по себе ничего не означают, кроме как вонзенных в землю палок, и лишь указывают на потенциальное наличие правильного пути, пути по этому мистическому пространству, которое в своей совокупности уже недоступно людям времен Конфуция.

Лишь правитель в полной мере может обладать и магическими способностями-жэнь и благодатью-дэ. Воспринимая их от нема, он, как медиум, спускает это на своих ближайших чиновников и на народ, устанавливая гармонию в Поднебесной. И поэтому Конфуций служит правителю не как начальнику, но как воплощению этой силы. И решительно уходит, если эта благодать иссякает из-за нарушения ритуалов.

Правители, по его мнению, есть и других «варварских» народов. Но правители не благодатны, а вот китайцы (в т пору еще протокитайская этническая общность ся), даже оставшись без правителей могут сохранять благодать (III, 5).

Перед истинными правителями, которые сохраняют постоянную связь с Небом, он благовейно трепещет. К правителю он относится именно как к носителю благодатной энергии. Тот для него не столько человек, сколько персонифицированный дух, в котором воплощается вся энергетика предков. Когда Конфуций заболевает и правитель приходит его навестить, хотя мудрец и болен, но все равно принимает правителя по ритуалу. Он отворачивает голову от востока, так как по ритуалу правитель должен сесть в западном углу и Конфуций поворачивается к нему лицом. А поскольку Учитель лежал и не мог одеться, то просто накрывается парадной одеждой и перекидывает поверх пояс – теперь он готов встретиться с воплощенным духом (X, 19). Стоит правителю вызвать его к себе, он отправляется к нему пешком, даже не дожидаясь пока запрягать лошадей (X, 20), а переступая порог зала правителя, он «сгибался

до пола», а голос его начинал дрожать.

Жизнь Конфуция – постоянное служение. Служение правителю, духам, долгу. Он служит постоянно, он держит себя в дисциплине сознания и тела ежемгновенно.

«Лунь юй»: Искусство управления государством

I, 5

Учитель сказал:

– При управлении государством, что способно выставить тысячу боевых колесниц, сохраняй благоговейную сосредоточенность и добивайся доверия народа. Будь экономен в расходах и жалея людей. Используй народ в надлежащую пору.

I, 10

Цзы Цинь спросил Цзы Гуна:

– Когда Учитель приезжал в какое-нибудь государство, он непременно хотел узнать о методах управления. Он сам вопрошал или ему рассказывали?

Цзы Гун ответил:

– Учитель получал все это, ибо был приветлив, открыт, уважителен, скромнен и уступчив. Да и стремления его были иные.

...

Цзы Цинь – возможно, один из учеников Конфуция. Цзы Гун – ученик Конфуция.

II, 1

Учитель сказал:

– Осуществление правления, опираясь на добродетель, подобно Полярной звезде. Кажется, она замерла на своем месте, а все другие звезды движутся вокруг нее.

II, 3

Учитель сказал:

– Если наставлять народ путем правления, основанного на законе, и поддерживать порядок через наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится чувства стыда. Если наставлять народ путем правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем использования Ритуалов, то у народа появится чувство стыда и он исправится.

VI, 2

Чжун Гун спросил о Цзысан Боцзы. Учитель ответил:

– Годится – он нетребователен.

Чжун Гун сказал:

– Разве можно управлять народом, будучи нетребовательным и к себе и к поступкам других? Разве сочетание нетребовательности к себе и к поступкам других не являются собой слишком уж большую нетребовательность?

Учитель ответил:

– Да, ты абсолютно прав.

...

Цзысан Боцзы – его личность не идентифицирована. Возможно, это персонаж легендарного памятника древности «Чжуан-цзы» Цзысан Ху. По другой версии, суждению речь может идти о Цзысане, видном чиновнике при дворециньского правителя Му-гуна.

II, 19

Ай-гун спросил:

– Как заставить народ повиноваться?

Конфуций ответил:

– Если возвышать честных над бесчестными, народ будет повиноваться. А если возвышать бесчестных над честными, то народ слушаться не станет.

...

Ай-гун – правитель царства Лу в 494–466 гг. до н. э.

VI, 8

Цзи Канцзы спросил Конфуция:

– Можно ли Чжун Ю привлечь к управлению?

Учитель ответил:

– Ю – человек решительный. Какие могут быть сомнения в допуске его к управлению?

Цзи Канцзы вновь спросил:

– Ну, а Цы можно ли привлечь к управлению?

Учитель ответил:

– Цы – человек разумный. Какие могут быть сомнения в допуске его к управлению?

Цзи Канцзы спросил:

– А вот Цю можно ли привлечь к управлению?

Учитель ответил:

– Цю – человек талантливый талантлив. Какие могут быть сомнения допускать его до управления или нет?

VIII, 9

Учитель сказал:

– Народ можно принудить [следовать указанному пути], но нельзя заставить его понять, ради чего это следует делать

XIII, 1

Цзы Лу спросил о сущности правления. Учитель ответил:

– Прежде всего побуждай народ своим личным примером, а затем дай ему возможность усердно трудиться.

Цзы Лу попросил пояснить, что это значит, и Учитель сказал:

– Никогда не ленись.

XIII, 2

Чжун Гун, став управляющим в семье Цзи, спросил о сущности управления. Учитель ответил:

– Будь примером для тех, кто служит рядом с тобой, прощай мелкие ошибки прощай, талантливых – выдвигай.

Чжун Гун спросил:

– А как же узнавать талантливых и выдвигать их?

Учитель ответил:

– Выдвигай лишь тех, кого знаешь. А если среди тех, кого не знаешь, найдутся

талантливые, то разве они останутся неизвестными для людей?

XIII, 6

Учитель сказал:

– Если сам правитель прям, то народ все исполняет и без приказов. Если же правитель не прям, то народ не будет повиноваться, сколько бы приказов ни издавалось.

XIII, 11

Учитель сказал:

– «Сто лет у власти в государстве добрые люди – и вот уже нет жестокостей и казней». Как верны эти слова!

XIII, 15

Дин-гун спросил:

– Можно ли за счет лишь одного слова достичь процветания страны?

Кун-цзы ответил:

– Одним словом такого не свершить. Впрочем, говорят: «Быть правителем очень трудно, да и сановником быть также нелегко». Если правитель понимает сколь трудно его управление – разве это не близко к тому, когда одним словом можно достичь процветания страны?

Тогда Дин-гун вновь спросил:

– А можно ли одним словом погубить государство?

Кун-цзы ответил:

– Одним словом такого не свершить. Впрочем, говорят: «При управлении государством нет у меня иной радости, кроме той, когда никто не перечит ни единому моему слову». Если никто не перечит праведным словам, разве это плохо? Но если никто не перечит неправедным словам, не близко ли это к тому, когда одним словом можно погубить государство?

XIII, 16

Шэ-гун спросил, в чем сущность истинного правления. Учитель ответил:

– Надо добиться такого положения, когда вблизи радуются, а издали стремятся прийти.

XIII, 17

Цзы Ся стал главой уезда Цюйфу. Он спросил Учителя о сущности правления. Учитель ответил:

– Не торопись и не гонись за мелочами. Будешь торопиться – не достигнешь цели. Погонишься за мелочами – упустишь большое дело.

XIV, 17

Цзы Гун сказал:

– Разве Гуань Чжун был человеколюбивым? Когда Хуань-гун убил Гунцзы Цю, то он не только не покончил с собою, но и стал первым советником Хуань-гуна.

Учитель ответил:

– Гуань Чжун, став первым советником Хуань-гуна, помог ему сделаться гегемоном [среди царств], объединил и выправил Поднебесную. Народ до сих пор пользуется его благодеяниями. Если бы не Гуань Чжун, мы ходили бы с распущенными по спине волосами и запахивали одежду на левую сторону, как варвары. Разве мог он умереть, закончить свои дни как безвестный простолюдин, – в придорожной канаве?

...

Речь идет об истории, когда Хуань-гун убил своего брата Гунцзы Цю. Первый наставник и советник Гунцзы Цю покончил собой, отказавшись служить новому господину. Другой же наставник, Гуань Чжун, остался жив и даже не покинул службы, как того предписывали традиции. Конфуций видит заслугу Гуань Чжуна в том, что он помог Гуань Чжуну восстановить процветание в царстве. Гуань Чжун был одним из основателей школы легистов.

XIV, 19

Учитель, рассуждая о правителе царства Вэй Лин-гуне, сказал, что он сошел с Дао. Канцзы спросил:

– Если так, то почему же он не потерял царство?

Учитель ответил:

– У него Чжуншу Ю ведает приемом гостей из других царств, Чжу То – жертвоприношениями, Вансунь Цзя – военными делами. При таких советниках как он может потерять царство?

...

Правитель царства Вэй Лин-гун, процарствовал 42 года (534–493 гг. до н. э.) и

отличался беспутством и несправедливым поведением. Но его достойные чиновники сумели сохранить его правление – здесь Конфуций выделяет роль добродетельных служивых межей, который даже при недобром правителе могут исправить положение.

XIX, 10

Цзы Ся сказал:

– Благородный муж прежде всего должен добиться доверия народа и только после этого может понуждать его трудиться. Не добившись доверия, он обрекает себя на роль насильника. Сначала он добивается доверия и правителя и только после этого может его увещивать. Если не добьется доверия, его увещивания посчитают за злословие.

XX, 2

Цзы Чжан обратился с вопросом к Конфуцию:

– Что требуется для успешного управления государством?

Учитель ответил:

– Надо почитать пять хороших качеств и избавляться от четырех скверных качеств, – вот тогда можно успешно управлять государством.

Цзы Чжан спросил:

– Что такое «пять хороших качеств»?

Учитель ответил:

– Это когда благородный муж добр, но не расточителен. Когда он понуждает народ к труду, но не вызывает его гнева на вышестоящих. Когда он желает обрести что-то, не испытывает алчности. Когда он величав, но не высокомерен и, наконец, когда грозен, но не свиреп.

Цзы Чжан спросил:

– Как понимать «добр, но не расточителен», и другие слова?

Учитель ответил:

– Приносить народу пользу, исходя из того, что выгодно народу, – это доброта, но не расточительность, не так ли? Если народ понуждать к посильному труду, разве будет он гневаться? Если желать человеколюбия, можно ли говорить об алчности? Благородный муж не выказывает пренебрежения к людям, будь они их много или немного, и к делам, будь они великие или малые, – разве это не величие без высокомерия? Благородный муж сообразно Правилам носит одежду и шапку, взгляд его полон

достоинства, поэтому люди взирают на него с уважением, – это и значит быть грозным, но не свирепым, не так ли?

Цзы Чжан спросил:

– А что же такое «четыре скверных качества»?

Учитель ответил:

– Когда вместо того, чтобы воспитывать людей, их казнят, – это называется жестокостью. Когда, не предупредив заранее, требуют немедленного исполнения – это называется насилием. Когда медлят с распоряжениями, но настаивают на их скором выполнении, – это называется пагубным для дела. Когда обещают награду, но проявляют скардность при выдаче ее – это чиновничья мелочность.

Учитель, что стал Колоколом

Ученики для того Конфуция, который вошел в историю, – часть его образа, обрамление его мудрости и передача традиции. Как-то обращаясь к ним, но говорит: «Небо скоро сделает вашего Учителя языком колокола» или в другом переводе «сделает Колоколом» (III, 24). Трактовка здесь не сложна – этот деревянный язык колокола должен пробуждать звуки, отклики в душах учеников и последователей на много веков вперед. Он предвидит это и сообщает об этом откровении своим ученикам.

Именно ученики сыграли, пожалуй, самую важную роль в сбережении образа Конфуция. Их было более сотни, но лишь несколько десятков вошли в историю. Именно они бережно и непредвзято записывали изречения своего учителя, вероятно, сами до конца не понимая, важно или нет для вечности то или иное его высказывание.

Сколько прямых учеников было у Учителя? Казалось бы, исторические свидетельства и генеалогические книги школы должны были донести до нас их точное число, ведь это, по существу, указатель на линию преемственности мудрости от Конфуция к последующим поколениям. Но здесь повторяется та же ситуация, что и с биографией Конфуция. За кажущейся ясностью и логичностью изложения скрывается путаница, разночтения и несуразности. Безусловно одно: точное количество учеников Конфуция не известно, что, впрочем, не удивительно – далеко не все следовали за Конфуцием во всех его странствиях или постоянно находились рядом. С другой стороны, часть людей могла назвать его своим учителем даже в том случае, если Конфуций лишь раз побеседовал с ними. В анналы истории вошла цифра три тысячи учеников – именно так свидетельствуют «Исторические записки» Сыма Цяня, которые, однако, как мы уже знаем передают в основном предания, а не реальные факты того периода [12, гл. «Кунцзы чжуань», с. 1938]. Это, конечно, колоссальное, почти невероятное число, и сегодня трудно предположить, чем руководствовался составитель «Исторических записок» в этом пассаже его «Жизнеописания Конфуция». Но лишь семьдесят или семьдесят два ученика стали считаться ближайшими последователями – именно это число чаще всего фигурирует в различных биографиях Конфуция. Об этом пишет «Мэн-цзы»,

упоминается в труде другого философа «Ханьфэй-цзы», в трактате даосского толка «Хуайнань-цзы»

и некоторых других. Говорит о них и Сыма Цянь, причем в несколько странном контексте – он пишет о том, что среди учеников Конфуция тех, «кто был искушен в шести искусствах, было семьдесят два человека». Речь идет о классических «шести искусствах», в которых должен был упражняться всякий достойный аристократ эпохи Чжоу – ритуалы, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, письмо и искусство счета.

Примечательно, что Сыма Цянь выделяет эти семь десятков учеников из всех остальных не столько по принципу близости к самому Конфуцию, сколько по их совершенству в «шести искусствах». Тем самым он, по сути, признает, что не в состоянии объяснить сам метод выделения «ближайших последователей» Учителя. Да и само число ближайших учеников для Сыма Цяня было не очень ясным – он просто передавал разные версии, сводя их воедино: он то говорит о семидесяти двух учениках, то о семидесяти семи. Более того, он перечисляет по именам лишь тридцать шесть из них, при этом шесть имен вообще не встречаются в «Лунь юе», а часть персонажей фигурирует в «Лунь юе» не как ученики Конфуция, а как просто люди, которые встречались с ним. Разумеется, он не выдумывает эти имена, Сыма Цянь просто в свойственной китайскому историку манере методично и малоосмысленно «складывает» вместе все возможные версии, истории, разночтения, предоставляя последующим поколениям разбираться в этом вопросе.

Сколько учеников фигурирует в самом «Лунь юе»? Исследователи, используя разные методы подсчетов, причисляют к ученикам традиции «Лунь Юя» двадцать пять-тридцать человек. В любом случае, речь о «сотнях учеников» здесь не идет.

Из нескольких десятков учеников лишь несколько человек сыграли действительно важную роль в сохранении мысли своего учителя. Это Цзэн Шэнь (505–436), прозванный Цзэн-цзы – «Мудрец Цзэн», Цзы Ся (или Бу Шан, 507-?), Цзы Ю (или Жань Цю, 522–489), Цзы Чжан (или Чжуаньсунь Ши, 503 до н. э. – ?), Ю Цзя (или Ю Жо, 508-?). Скорее всего они образовали в последний период жизни учителя и после его смерти тот узкий круг учеников, которые бережно записывали все сказанное наставником, а потом приложили все силы, чтобы эти высказывания получили широкое хождение по царствам Центральной равнины. Они явным образом и составляли костяк школы, получив от Конфуция полную традицию. Косвенным указателем на это является тот факт, что они все вместе упоминаются в важнейшем сборнике «Ли цзи» («Записи о ритуале») именно как группа единомыслящих последователей. Стоит обратить внимание и на то, что если другие ученики лишь упоминаются в «Лунь юе», высказывания этих пятерых вошли в основной текст трактата, причем высказывание не о Конфуции, а самостоятельные философские суждения.

Ученики Конфуция в подавляющем большинстве были людьми знатными, подобно Конфуцию, из средних и мелких аристократических родов. Среди них было немного простолюдинов – Конфуций считал, что простой народ надо образовывать и воспитывать, но его священное знание им вряд ли было доступно. Вместе с тем, Конфуций подчеркивал, что его учение доступно каждому, кто открыт своей душой –

и одним из его наиболее любимых учеников становится Янь Хуэй, происходивший из бедной крестьянской семьи царства Лу.

Последователи великого наставника явно не были ни однородными по своим устремлениям, ни одинаковыми по своим талантам. Среди них выделялись четыре группы «по специализации»: одни были «самыми способными в осуществлении добродетелей», другие были «искушены вести беседы», третьи – в государственных делах, четвертые были знатоками в культуре или гражданских дисциплинах (вэнь) (XI, 3). Из текста не ясно, кто выделял эти четыре группы (а всего к ним причислено лишь десять учеников) – то ли сам Конфуций, то ли составители текста.

...

Любимый ученик Конфуция Янь Хуэй, умер в раннем возрасте (скульптура из мемориала Конфуция в Цюй Фу)

Он по-разному оценивает способности и качества своих учеников. Одних он высоко ценит; к другим относится снисходительно; третьи вызывают его искреннее восхищение; над потерей иных он скорбит так, что по нескольку дней не выходит из дома и не принимает пищи. Но примечательно, что основными носителями конфуцианской доктрины стали не они. Ученики Конфуция, как и положено благородным мужам, предпочитали не выставлять себя на люди, быть «скромными с достоинством», умели ценить себя и быть гордыми (один из учеников утверждал, «что его можно даже убить, но шапку он не снимет»).

Когда скончался ученик Конфуция Янь Юань, остальные ученики решили устроить ему пышные похороны. Они считали, что именно это соответствует истинному Ритуалу. Но их удивили слова Конфуция, который заметил: «Этого делать не следует». Нетрудно понять: Учитель боялся, что богатый внешний ритуал перебьёт в душах учеников внутреннее, личностное переживание. Более того, Конфуций видел в учениках своих детей и на умершего Янь Юаня смотрел как на сына. Разве может даже самый пышный похоронный обряд возместить утрату собственного ребёнка? Увы, ученики не поняли всей мудрости совета Учителя и поступили по-своему. Конфуций не стал их корить, он лишь с грустью заметил: «Янь Юань относился ко мне как к отцу, а я не смог отнестись к нему как к сыну. Это не я, а вы, ученики мои, так поступили!» (XI, 11).

В этом эпизоде – всё величие истинного Учителя. Ведь лучшие ученики не послушались его, а он не бранится, хотя из-за их поступка Конфуций «потерял сына», т. е. не смог исполнить настоящего, внутреннего Ритуала, как того требовала смерть ученика. Такова китайская традиция – истинный наставник не поучает, а лишь незаметно и плавно подводит к правильному поступку. Он оставляет ученикам свободу выбора, уважая личность в человеке, не ограничивает их и, более того, даёт сделать ошибку. Ведь именно в этом случае ученики сами способны осознать, что сделали, покаяться и больше не повторять ошибку. Не страшно совершать промахи – непозволительно их не замечать и повторять вновь и вновь. Конфуций как-то заметил: «Лишь то можно считать ошибкой, которая не исправлена».

Он подходит к своим ученикам именно как к последователям, как к продолжателям традиции. И бывает весьма строг, если те нарушают не столько его предписания, сколько дух самого его Учения. Для него важно не только формальное следование правилам (хотя в этом он весьма преуспел), но соблюдение заветов учения в душе. «Лунь юй» передает нам случай, когда аристократ Циши решил повысить поземельный налог, а один из учеников Конфуция – Жан Цю «помог в приумножении его богатства». Конфуций, узнав об этом, отказывается от ученика со словами: «Он не мой ученик. Вы можете, развернув флаги, с барабанным боем напасть на него» (XI, 17). По сути, Конфуций подвергает своего бывшего ученика публичному ostracismu и призывает своих последователей. Мэн-цзы прокомментировал так эту историю из жизни Конфуция: «Из этого можно видеть, что Конфуций отторгал тех, кто помогал правителям преумножить богатства, при этом не отдавая дань уважения добродетельному правлению» (IVa, 17).

Но со временем его отношение к ученикам становится все жестче и жестче. Он внезапно понимает, что не может видеть в них истинных последователей. Они для него – нерадивы и ленивы, они не хотят постигать истинное Учение, но лишь механически повторяют его слова. Для них внутренний, великий Ритуал слияния с Небом уже не доступен.

Ученики его часто расстраивают именно тем, что не могут размышлять над сказанным наставником. Он поражен тем, что весь день проговорил с одним из своих любимых учеников Янь Хуэйем, а тот «подобно глупцу, ни разу не возразил мне». Впрочем, тут же одергивает сам себя: «Когда он ушел, я все же убедился, что Хуэй отнюдь не глупец (II, 9). Конфуций на своем приеме готов показать ученикам, что такое – постигать суть человека без скороспелых выводов. Но в другой раз он опять расстроен: «Хуэй мне не помощник, он доволен всеми моими суждениями» (XI, 4).

Кажется, порою, что он не видит в них тех, кто может понести учение дальше – они не понимают его, медлительны в своих мыслях, слишком по-школярски пытаются понять его мысль. Именно про них, своих ближайших и лучших учеников он скажет: «Чай глуповат, Шэнь туповат, Ши лицемерен, а Юй грубоват» (XI, 18). «Туповатый Шэнь» – это один из лучших последователей Учителя, тот, кто многое сделает для распространения учения, Цзэн Шэнь или Цзэн-цзы. У Цзэн-цзы уже были свои ученики. «Лунь юй» рассказывает, что «Когда Цзэн-цзы заболел, он призвал своих учеников и сказал им: «Посмотрите на мои ноги, посмотрите на мои руки» В «Каноне песнопений» сказано: «Будь осторожен! Будто стоишь ты на краю бездны, будто идешь ты тонкому льду». Лишь сейчас я понял, как избежать недугов, мои ученики!» (VIII, 3).

Многие его ученики сделали более удачную карьеру, чем он, руководствуясь советами и своего Учителя, но обладая меньшими амбициями и более скромной самооценкой. Одни заняли видные должности в его родном царстве Лу, другие – стали советниками при дворах правителей в другом царстве. Например, его ученик Цзы Гун, «отказавшись принять Небесное повеление (т. е. принять Учение Конфуция – А.М.), занялся торговлей и приумножает богатство» (XI, 19). Не это ли трагедия для Конфуция – ученики, поступаясь Учением, оказываются более успешными, тем самым показывая, что время

тайной духовной проповеди уже прошло?

«Лунь юй»: ученики и школа

XI, 9

Учитель сказал:

– Я проговорил с Хуэем целый день, а он, подобно глупцу, ни разу не возразил мне. Но когда он ушел, я, озирая его жизненный путь, убедился, что Хуэй отнюдь не глупец.

...

Хуэй – Янь Хуэй, один из самых способных учеников.

V, 9

Учитель спросил Цзы Гуна:

– Кто из вас способнее – ты или Хуэй?

Цзы Гун ответил:

– Как смею я сравниться с Хуэем? Хуэй, услышав об одном, знает уже все десять. А я, услышав об одном, знаю лишь о втором.

Учитель сказал:

– Не ровня. Я согласен, ты ему не ровня.

VI, 7

Учитель сказал:

– Сердце Хуэя могло по три месяца оставаться человеколюбивым, тогда как других хватает на день или месяц.

VI, 11

Учитель сказал:

– О, какой достойный человек Хуэй! Он довольствуется одной чашкой риса и утоляет жажду из тыквенной фляги, ютится в нищем закоулке. Другие не вынесли бы таких лишений, а он всегда весел. О, сколь достоин Хуэй!

VIII, 5

Цзэн-цзы сказал:

– Будучи способным, он мог учиться у неспособного. Обладая большими знаниями, он мог спрашивать даже у незнающего. Будучи ученым, не боялся выглядеть как неуч. Обладая Знанием, он мог выглядеть как не обладающий им; наполненный, [не боялся] казаться пустым; И если ему кто-то наносил обиду, он никогда не старался ответить. Именно так вел себя один мой старый друг.

...

Скорее всего речь идет об ученике Конфуция – Янь Хуэе.

XI, 4

Учитель сказал:

– Хуэй мне не помощник, он доволен всеми моими суждениями.

IX, 20

Учитель сказал:

– Всегда внимательным к моим словам был, пожалуй, один Янь Хуэй.

IX, 21

Конфуций сказал о Янь Юане:

– Как жаль мне его! Я всегда видел егодвигающимся вперед и никогда не видел, чтобы он останавливался.

...

Конфуций произнес эти слова на могиле Янь Юаня (Янь Хуэя) – своего любимого ученика.

XI, 23

Когда Учителю угрожала опасность в местности Куан, Янь Юань отстал от него. Учитель сказал впоследствии:

– Я считал тебя умершим.

А тот ответил:

– Пока Учитель жив, как Хуэй может умереть?

XI, 9

Когда Янь Юань умер. Учитель запричитал:

– О! Небо хочет моей гибели! Небо хочет моей гибели!

XI, 10

Когда Янь Юань умер, Учитель, оплакивая его, тяжело убивался. Кто-то из сопровождающих сказал ему:

– Не слишком ли безутешно горюет Учитель!

Он сказал:

– Безутешно? Если не горевать по таким, как он, то по кому же?

XI, 11

Когда Янь Юань умер, ученики хотели устроить пышные похороны. Учитель сказал:

– Нельзя этого делать.

Но ученики все же пышно похоронили его. Учитель сказал:

– Хуэй относился ко мне как к отцу, а я не смог отнестись к нему как к сыну. Это не я, а вы, ученики мои, так поступили!

XI, 7

Цзи Канцзы спросил:

– Кто из ваших учеников больше всех любил учиться? Учитель ответил:

– Янь Хуэй больше всех любил учиться. К несчастью, жизнь его была коротка, он скончался. Ныне таких уж нет.

XI, 8

Когда Янь Юань умер, отец его Янь Лу просил у Учителя повозку, чтобы, продав ее, приобрести саркофаг для гроба. Учитель сказал:

– Каждый должен почитать своего сына, вне зависимости от того талантлив он или нет. Но вот когда Ли – мой сын умер, у него был обычный гроб без саркофага. Я же не могу пойти на то, чтобы ради покупки саркофага ходить пешком, ведь я же – сановник и мне не подобает ходить пешком.

...

Это история относится к тому периоду, когда Конфуций был сановником (дафу) и

возглавлял судебное ведомство в своем родном царстве.

V, 4

Цзы Гун спросил:

– Как вы оценивать меня?

Учитель ответил:

– Ты – сосуд.

– Что за сосуд? – спросил Цзы Гун.

– Жертвенный сосуд в храме предков.

V, 5

Кто-то сказал:

– Юн обладает человеколюбием, но он не красноречив.

– А на что ему красноречие? – возразил Учитель. – Подавлять людей многословием, вызывая в них раздражение... Не знаю, насколько он человеколюбив. Но на что ему красноречие?

...

Юн – Жан Юн, ученик Конфуция из царства Лу, происходил из бедной семьи.

V, 10

Цзай Юй заснул днем. Учитель сказал

– Трухлявое дерево не годится для поделок. Стена из навоза не годится для побелки. Так стоит ли упрекать Юя?

И добавил:

– Прежде я верил людям на слово: если сказали – значит, так и сделают. Теперь же я слушаю, что они скажут, и смотрю, что станут делать. Я переменялся к ним из-за Юя.

V, 12

Цзы-гун сказал:

– Не хочу, чтоб меня обманывали. Равно как и сам никого не хочу обманывать.

На это учитель сказал:

– Цы! Этого тебе не добиться.

V, 14

Когда Цзы Лу, услышав что-либо, не мог это исполнить, он боялся опять услышать что-либо похожее.

V, 15

Цзы-гун спросил:

– Отчего Кун Вэнь-цзы – «Просвещенный», получил такое посмертное имя?

– Он был умен и любознателен, – ответил Учитель, – и не стыдился испрашивать советов у нижестоящих. Оттого и дали ему посмертное имя Вэнь-цзы – «Просвещенный».

...

Кун Вэнь-цзы – сановник из царства Вэй по имени Юй. «Вэнь-цзы» («Просвещенный муж» или «Муж культуры») – является его посмертным именем.

VIII, 4

Когда Цзэн-цзы заболел, его навести Мэн Цзинцзы. Цзэн-цзы сказал:

– Птица перед смертью кричит жалобно, человек же перед смертью о добре говорят. Благородный муж ценит в Дао три вещи. Он требователен к своему поведению, которое должно быть свободно от грубости и надменности. Он сохраняет спокойный вид, и тогда люди проникнутся к нему доверием. В словах и тоне речей он свободен от вульгарностей и ошибок. Что касается такой мелочи, как расстановка жертвенных сосудов, то за это отвечают соответствующие служители.

...

Мэн Цзинцзы – аристократ из царства Лу.

IX, 27

Учитель сказал:

– Только Чжун Ю не стыдился, будучи одетым лишь в рваный халат на старой вате, стоять рядом с одетым в лисью или енотовую шубу! В «Каноне песнопений» говорится: «Не завидует, не заискивает, разве не может он быть добрым?»

Цзы Лу потом постоянно повторял этот стих, и Учитель сказал:

– Этого недостаточно для достижения добродетелей, так стоит ли за это хвалить?

...

Чжун Ю – другое имя Цзы Лу.

XI, 2

Учитель сказал:

– Из сопровождавших меня в царство Чэнь и Цай никто уже не входит в мои ворота.

...

В царствах Чэнь и Цай многие ученики покинули Конфуция.

XI, 3

Среди учеников самыми способными в осуществлении добродетели были Янь Юань, Минь Цзыцянь, Жань Боню, Чжун Гун; в умении вести диалог – Цзай Во, Цзы Гун; в государственных делах – Жань Ю, Цзи Лу; в вопросах культуры – Цзы Ю и Цзы Ся.

...

Конфуций перечисляет учеников, которые его сопровождали в странствиях в царство Чу.

XI, 16

Цзы Гун спросил:

– Кто лучше – Ши или Шан?

Учитель ответил:

– Ши переходит за середину, а Шан не доходит до нее.

Цзы Гун спросил:

– Значит, Ши лучше?

Учитель ответил:

– Переходить так же плохо, как и не доходить.

...

Чжуаньсунь Ши (Цзы Чжан) и Бу Шан (Цзы Ся) – ученики Конфуция. Считается, что Цзы-ся очень тщательно следовал наставлениям Учителя, но был человек узких взглядов и потому не доходил до середины.

XI, 13

Минь Цзыцянь, когда стоял подле Учителя, имел вид приветливый и строгий, Цзы Лу – стойким и воинственным, Жань Ю и Цзы Гун – любезный и довольный. Учителю был доволен этим, но все не заметил

– Что касается Цзы Лу, он не умрет своей смертью.

...

Цзы Лу действительно был убит во время междоусобицы в царстве Вэй.

XI, 14

Как-то жители царства Лу решили перестроить ритуальный зал Чанфу. Минь Цзыцянь спросил:

– Не оставить ли все по-старому? Стоит ли перестраивать?

Учитель сказал:

– Этот человек хотя и не разговорчив, но если заговаривает, всегда попадает в самую точку.

XI, 19

Учитель сказал:

– Янь Хуэй всегда преуспевал в учебе, но часто страдает от нужды. Цы, отказавшийся принять Небесное повеление, занялся торговлей, приумножает богатство, и его расчеты часто бывают верны.

XI, 22

Цзы Лу спросил:

– Когда услышу о деле, которое надо исполнить, следует ли мне немедленно исполнять?

Учитель ответил:

– Как же можно это делать, если у тебя живы отец и старшие братья?

Жань Ю спросил:

– Ну а мне, стоит ли это делать?

Учитель ответил:

– А вот ты – как услышишь, тут же исполняй.

Тогда Гунси Хуа спросил:

– Когда Ю задал вопрос, Вы ему сказали, что еще живы отец и старшие братья. Когда же Цю (Жан Ю) задал тот же вопрос, ему Вы сказали, чтобы он исполнял, как только услышит. Я в недоумении и прошу, разъясните мне суть ваших слов.

Учитель ответил:

– Цю (Жан Ю) порою труслив, поэтому его следует подбодрить идти вперед, а вот Ю (Цзы Лу) излишне отчаян, и поэтому я его сдерживаю.

XIV, 31

Учитель сказал:

– Не предполагать обмана и не подозревать в бесчестии других, но немедленно распознать все это, – разве не это мудрость?

Учение, что умирает в учениках

Конфуций к своим ученикам то чрезвычайно снисходителен, то очень требователен, порою нетерпим к их, казалось бы, небольшим проступкам. И, тем не менее, лишь ученики для него кажутся единственными, кто способен до конца понять его. Он даже признается, что «лучше мне было бы умереть на руках своих учеников, чем на руках чиновников» (IX, 12). Связано это было с тем, что когда Конфуций заболел и при этом не находился на государственной службе, ему была оказана забота как знатному чиновнику – Учитель счел, что его «обманули» и поступили лицемерно.

И все же Конфуций прекрасно понимает, с кого можно требовать «великого действия», а кто не способен даже на малое. Однажды один из его учеников заснул днём, что было нарушением многих правил поведения, да и просто явным признаком безделья и лени души. Казалось бы, Учитель должен был разгневаться, возмутиться. Но Конфуций не был бы великим Учителем, если бы подходил ко всем с одной меркой. Он просто произнёс: «Трухлявое дерево не годится для поделок. Стена из навоза не годится для побелки. Так стоит ли упрекать Юя?» (V, 10). Не всякий человеческий материал годен для изготовления «великого сосуда», и не надо бояться признать это.

Конфуций не сердится на учеников, видя в своих последователях обычных людей с присущими им слабостями. Он понимает, что далеко не каждому дано пройти свой путь к благородному мужу; более того, Конфуций готов признать и свои ошибки в отношении некоторых учеников. По поводу того же заснувшего Юя он говорит: «Прежде я верил людям на слово: если сказали – значит, так и сделают. Теперь же я слушаю их речи, но смотрю, что они сделают. Я переменяю своё отношение к ним из-за Юя».

У него бывают разногласия с учениками, по крайней мере дважды один из его любимых учеников Цзы Лу самым непосредственным образом не соглашается с поступками учителя (XVII, 5; XVII, 7), и Конфуций вынужден давать разъяснения своему поведению. Как иногда предполагают комментаторы, обе этих истории носят апокрифический характер и добавлены в «Лунь юй» дабы косвенно показать противоречивость Конфуция. В первом случае Конфуций отправляется служить к аристократу Гуншунь Фужао, который выступил против своего хозяина, в другой раз откликается на призыв Би Синя, который не подчинился указам своего правителя. Все это, действительно, крайне противоречит обычной логике поведения Конфуция, который всегда призывал к почтительности перед правителем. Но все же образ Конфуция значительно более сложен, а сам он более противоречив, чем представляется из его «иконописного образа». Равно как и очевидно, что у него были и противоречия с учениками (они проступают во многих диалогах) и непонимание с их стороны, и резкие выступления со стороны представителей других духовных школ. Стоит признать, что некоторым духом потенциальной конфликтности пронизаны многие пассажи «Лунь юя», в том числе и его диалоги с учениками.

Его нередко осуждают даже его ученики. Для них он не столько идеал традиции, сколько мудрый, но порою малопонятный старец-наставник. Как-то Конфуций отправляется на аудиенцию к правительнице Наньцзы. И его же ближайший ученик Цзы Лу выражает по каким-то причинам недовольство этим. И Конфуций, как бы оправдываясь, восклицает «Пусть Небо отринет меня, если я сделал что-то не так! Пусть Небо отринет меня!» (VI, 27). Он уже даже не стремится быть до конца понятыми учениками – они нерадивы, ленивы и не способны поучить высшее знание, постичь его путь-Дао. Он лишь хочет, чтобы его облик, облик посвященного учителя, который решил принести свои знания делу служения людям, запечатлелся в памяти учеников.

Но его ученики проявляют трусость и малодушие. Когда Конфуцию угрожают в области Куан, один из его достойных и любимейших ученик Янь Юань (Янь Хуэй) просто отстает от него, но впоследствии вновь появляется (XI, 23).

Его ученики ссорятся между собой, улавливая изменения в настроении учителя. И хотя Конфуций может быть недоволен тем, что даже старательный ученик не может целостно воспринять его учения, но сами ученики могут расценивать это как милость или немилость учителя. Вот один из его наиболее одаренных учеников Цзы Лу решает исполнить мелодию северных народов, что напали на китайские царства, прямо у ворот дома учителя. Учитель резко одергивает его и тотчас все ученики становятся непочтительны к Цзы Лу – ведь, кажется, тот впал в немилость. Но Конфуций уточняет: «Цзы Лу уже поднялся в зал для наставлений, но во внутренние покои еще не допущен». (XI, 15). Это – очень важное уточнение. «Не вошел во внутренние покои» – значит, не считается личным учеником Учителя, которому тот предаст всю полноту истинного знания. Но тем не менее он учится – учиться старательно. Учиться, как может – «он уже поднялся в зал для наставлений», то есть все же способен слушать учение. И все же он далек от того, чтобы принять истину.

Вероятно, все эти мелкие уколы пугали и раздражали учеников. Учитель, безусловно,

обладает Учением, высшим Знанием. Но кому он передаст его? Ведь буквально все оказываются неспособны его принять. Нет, конечно, был Янь Хуэй – самый талантливый, «лишь он один понимал Учителя». Но Янь Хуэй умер и Конфуций многократно подчеркивал, что никто не сравнится с ним. Может быть он делал это еще и потому, чтобы указать ученикам на их нерадивость, духовную нищету, неспособность преодолеть разрыв между формальным знанием и постижением Высшего Учения.

Но даже когда умирает Янь Хуэй (а Конфуций горько лил слезы на его могиле), Учитель поступает очень странно. Отец Янь Хуэя просит у Конфуция продать повозку, дабы купить саркофаг, куда будет помещен гроб с телом сына – именно такой вид похорон предусматривал полный ритуал. И получают решительный и жесткий отказ Конфуция – ведь Конфуций в тот момент служит сановником, и поэтому не может по статусу обойтись без повозки. К тому же напоминает, что когда хоронили его сына, тот тоже обошелся без саркофага. И здесь идея служения государю в качестве чиновника у Конфуция превалирует над идеей служения своим ученикам. Как только он получил свой пост начальника судебной управы в царстве, это тотчас захватило все его мысли.

...

Официальный портрет Конфуция. При жизни Учитель страдал, что его ученики так и не восприняли его Учение в полной мере

В конце жизни он вообще становится крайне обидчив на тех учеников, которые не слушают его совета и не следуют его пути. Он не только может их изгнать, но даже в сердцах обратиться ко всем остальным «напасть» на отступника, как это было с Жань Цю (XI, 17).

Его ученики талантливы, усердны, но, увы, никак не способны постичь глубину наставлений своего Учителя. Они слишком формальны в своих знаниях, для них даже священный Ритуал превращен лишь в выполнение каких-то формальных действий. Его радует лишь Янь Хуэй (Янь Юань), «который никогда не стоял на месте», и «лишь он один следовал словам Учителя». Остальные же оказались по сути бездарны, несмотря на свои старания. Глядя на тех, кто остался рядом с ним в конце жизни, он с горестью восклицает: «Да, бывает, появляются всходы, но не цветут! Бывает, что они даже и цветут, но все же не плодоносят!» (IX, 22). Не признание ли это великого Учителя в том, что его миссия в передаче традиции и Учения своим ученикам осталась неисполненной?

Это и гнетет его – ученики, что не могут «плодоносить», которые готовы понести слова Учителя, но не его мистическое переживание, ни его запредельный опыт. Конфуций был прав – его ученики старательно записали многие высказывания своего Учителя, манеру себя вести и наставлять. Они все сделали очень точно и искренне. Но так и не сумели выразить сам Путь учителя – «Путь, что все пронзает Единым». И поэтому «Лунь Юй» стал сборником мудрых афоризмов, но не изложением целостного учения Конфуция, которого большинство учеников так и не поняло.

И многие ученики оказываются просто неспособны постичь это Учение. Они хотят отказаться от него. Но учитель искусен, он буквально не отпускает ученика из под своей энергетики, стремится передать ему, пускай не ощущения и переживания, но хотя бы свои знания. Один из его ближайших учеников Янь Юань откровенно признается, что хотел бы покинуть учителя, отчаявшись постичь его Учение, поскольку «чем больше стараюсь проникнуть в Учение, тем непроницаемее оно оказывается». Но покинуть так и смог – мистическую школу покинуть нелегко, да и сам Конфуций был талантливым наставником и носителем древних традиций. Янь Юань учение все же постигает, но вот следовать ему не может (IX, 11). Мистическое учение умирало в настойчивых, но уже неспособных последователях. И это позже стало одной из причин, почему абсолютно закрытой, мистическое учение довольно узкой школы Конфуция превратилось в морально-этическую доктрину и даже государственное учение – по-настоящему магический фактор оказался настолько сложен, что окончательно исчез, и осталось лишь доктринерство.

Это очень важный момент – лучшие ученики не могут постичь Учение своего учителя. Переживает он – переживают они. Но передачи Знания так и не происходит. Уже потом, в конце жизни, горестно восклицая «Конец мне!», он внезапно прозревает, что ученики освоили отнюдь не то, что он старался им передать.

«Лунь юй»: нерадивые последователи

V, 7

Учитель сказал:

– Мое учение-Дао здесь не принимают. Сяду я на плот и поплыву по реке к морю. Лишь один Ю, вероятно, отправится со мной

Цзы Лу, услышав эти слова, обрадовался. Тогда Учитель сказал:

– Ю! Храбростью ты превосходишь меня, но ты даже не знаешь, где взять бревна для плота!

...

Ю – Чжун Ю по прозвищу Цзы Лу, ученик Конфуция.

V, 11

Учитель сказал:

– Я еще не встречал человека твердого.

Некто спросил:

– А Шэнь Чэн? Учитель ответил:

– Чэн обуреваем страстями. Где уж тут быть твердости?

...

Шэнь Чэн – ученик Конфуция, уроженец царства Лу.

VI, 3

Ай-гун спросил Конфуция: «Кто из Ваших учеников любит учиться?»

Кун-цзы ответил:

– Был Янь Хуэй, он больше всех любил учиться. Он не гневался, не повторял ошибок. К несчастью, жизнь его была коротка, он скончался. Ныне подобных ему уж нет.

Ныне я не слышал, чтобы кто-нибудь так любил учиться.

...

Янь Хуэй, один из лучших учеников Конфуция, единственный из учеников, которого он признавал способным распространить его Учение который скончался либо в 31 либо в 41 год.

IX, 12

Как-то учитель тяжело занемог. Цзы Лу прислал к нему нескольких учеников, [чтобы они ухаживали за ним, как за сановником]. Спустя некоторое время Конфуцию стало лучше, и он сказал:

– Чжун Ю (т. е. Цзы Лу)! Ты поступил неискренне. Если бы действительно захотел, чтобы за мною ухаживали как за сановником, смог ли бы я тем самым обмануть кого-то? О, Небо! И не лучше ли мне было умереть на руках у своих учеников, чем на руках у чиновников? И даже если я и не удостоился бы пышных похорон, разве вы бы меня бросили умирать на дороге!

...

Речь идет о том, что Цзы Лу нарушил важнейшую часть ритуальных правил – соответствие статуса и воздаваемых почестей. В тот момент Конфуций не находился на государственной службе, однако Цзы Лу повелел его обслуживать чиновника, занимающее высокий официальный пост. Для Конфуция это было равносильно лицемерию и неискренности.

VI, 27

Конфуций отправился на встречу с Наньцзы. Цзы Лу был недоволен этим. Тогда Учитель сказал:

– Пусть Небо отринет меня, если я сделал что-то не так! Пусть Небо отринет меня!

XI, 15

Учитель сказал:

– Почему же Ю (т. е. Цзы Лу) исполняет мелодию на гуслях (сэ) прямо у моих дверей? Ученики после этих слов стали непочтительны к Цзы Лу.

Учитель сказал:

– Ю уже поднялся в зал для наставлений, но во внутренние покои еще не допущен.

...

Как предполагается, недовольство учителя было вызвано тем, что Цзы Лу исполнял мелодию жителей северных окраин, отличавшихся воинственным нравом и воевавших с китайскими царствами.

XI. 17.

Цзиши хотел стать богаче самого Чжоу-гуна, и Жан Цю помог ему в приумножении богатства, собирая [неправедные] налоги. Учитель сказал:

– Жань Цю не мой ученик. Вы можете, развернув флаги, с барабанным боем напасть на него.

...

Речь идет о том, что местный аристократ Цзиши решил повысить поземельный налог в своих владениях, став богаче самого основателя династии. Реализовать это дело было поручено ученику Конфуция Жань Цю, который состоял на службе у Цзиши. Конфуций был против этого повышения, но Жань Цю все стал помогать Цзиши. И тогда Конфуций не только публично отрекается от своего ученика и даже призывает остальных выступить против него.

XI, 18

Учитель сказал:

– Чай глуповат, Шэнь туповат, Ши лицемерен, а Ю неотесан.

...

Чай (Цзы-гао), вэйский уроженец; о нем рассказывают, что он не наступал на тень, не убивал оживших насекомых, не ломал распускавшихся растений; находясь в трауре по родителям, три года плакал горячими слезами, никогда не улыбался, не ходил по тропинкам и не пролезал через канавы. Шэнь был человек безыскусственный, простой и чистосердечный, но тупоумный. Между учениками Конфуция не было недостатка в людях умных и красноречивых, но честь распространения его Учения принадлежала не умницам, а таким бесхитростным и чистосердечным людям, как Цзэн-цзы. Такие люди, хотя и медленнее понимали, но зато усваивали лучше и прочнее. Указывая на эти недостатки своих учеников, Конфуций хотел, чтобы они сами сознали их и приняли

меры к исправлению этих уклонений от неизменной середины (ком. П. Попова).

XIII, 14

Когда Жань Ю вернулся из дворца правителя, Учитель спросил его:

– Почему так поздно?

Тот ответил:

– Занимался государственными делами.

Учитель сказал:

– Ты занимался частными делами. Если бы дела были государственные, то, хотя я и не сам не на службе, все равно узнал бы о них.

IX, 22

Учитель сказал:

– Бывает, появляются всходы, но не цветут! Бывает, что они даже и цветут, но все же не плодоносят!

...

Речь идет об учениках Конфуция.

XIV, 43

Юань Жан в ожидании Учителя сидел на корточках, как варвар. Учитель сказал:

– В детстве ты не почитал старших, повзрослев, не приобрел известность, а сегодня состарившись, все не понимаешь, и ведешь себя, как разбойник.

И ударил его палкой по ноге.

...

Юань Жан – старый приятель Конфуция. Предполагают (П. Попов), что у него умерла мать, и он пришел к Конфуцию за помощью; но его непочтительная поза вызвала со стороны Конфуция упреки в варварстве. Также предполагают (Л. Переломов), что он отличался эксцентричностью. Так, например, он осмелился петь на гробе своей матери. На этот раз Конфуция возмутило то, что Юань Жан «сидел, как варвар», т. е. скрестив ноги, что не соответствовало ритуалу.

Заключение

Его жизнь и проповедь – ярка. Это – яркий пример того, как маг и мистик, идя на

службу государству, теряет и свои магические силы и свой статус мудреца. История вернула ему этот статус – статус «Учителя учителей», но при жизни он, как видим был отторгнут многими представителями оккультно-мистической традиции Китая. Он

Сама проповедь Конфуция и «Лунь юй» показывают, что в Китае не существовало какой-то отвлеченной философии, далёкой от практической жизни. Китайские мудрецы умели удивительным образом связывать мир видимый, каждодневный, изменчивый и мир метафизический, вечный и неизменный, мир чистого духа и сокровенного знания. Можно быть одновременно политиком и философом, великим стратегом и мистиком, как, например, знаменитый военачальник Сунь-цзы (VI–V вв. до н. э.) или как тот же Конфуций, постоянно соприкасавшись с делами управления. Такая двойственность не характерна для европейской культуры, требовавшей от человека жёсткого выбора – или политик, или отшельник. Китай же, наоборот, ставил во главу угла человека в равной степени духовного и социально активного (это отнюдь не исключало существования отшельников, монахов и аскетов). Более того, человек, не приобщённый к духовным учениям и правитель, не окруживший себя мудрецами, не мог удержаться на троне, а долг мудреца – предложить свой ум для решения политических проблем. Эти предложения делались в чисто китайской, конфуцианской манере – намёками, хитроумными отказами, т. е. с соблюдением всё того же ритуала прихода мудреца на службу, и эта машина «прихода во власть», запущенная ещё в эпоху Борющихся царств, действовала в течение многих веков.

Само же конфуцианство, представляя собой развитие и трансформацию проповеди Конфуция, оказалось не просто набором отвлечённых рассуждениями об идеалах человеколюбия, искренности и долга, но вполне практичным социальным и этическим учением. И именно под его знаком и живет современный Китай не столько жестко следуя каким-то нормам, сколько прагматично перестраиваясь под изменения ситуации и сохраняя свою национальную целостность

В отличие от идеологизированного конфуцианства – плода работы десятков поколений книжников, политиков и государственных администраторов, сам Конфуций до сих пор хранит загадку своей жизни и истинной сути своего Учения, которое его ученик так и не сумели до конца воспринять. И «Лунь юй» обнажает перед нами не триумф великого Учителя, а сложнейшую драму его жизни. И если читать этот трактат, абстрагировавшись от последующего возвеличивания Конфуция и превращения его в государственный культ, то перед нами предстает совсем иной образ Учителя. Это человек, посвященный в древние знания, готовящийся к профессиональной карьере священнослужителя и обладавший, безусловно, немалыми способностями духообщения по примеру традиционных медиумов. Но он надеется, что при помощи его знаний можно установить гармонию в Поднебесной, надеясь на силу своего образа.

Важнейшим для него становится именно поддержание неразрывной связи с Небом и с духами – именно оттуда может он черпать свои знания. Именно в этом смысл его призывов к сыновней почтительности, в строжайшем соблюдении всех погребальных ритуалов и периода траура – ведь тем самым мы поддерживаем связь с иным миром. Он продолжает использовать в своей практике древние магические методы, например, заклинания и

ритуальные песни из «Канона песнопений» и музыкальные мелодии, однако придает этому уже открытый, почти светский характер. От своих учеников он требует не столько догматических знаний (а именно в это позже превратилось конфуцианства), а непосредственного чувствования, внутреннего ощущения, которое и достигается за счет постоянного радения.

В отличие от отшельников и традиционных медиумов, он не бежит от людей и прежде всего власть предержащих, но наоборот всячески стремится получить официальную должность. Но делает это не ради самой должности, не ради жалования или почестей – лишь ради того, чтобы иметь возможность реализовать свое учение об управлении на практике. Но он уже не вписывается в политические реалии того времени. В конце концов, он утрачивает «связь с Небом», вероятно, осознав, что тайное знание никогда не может быть вынесено на общее обозрение и не предназначено для использования с государственных или политических целях.

...

Грандиозный ритуальный храм Конфуция в Цюйфу

Лексикон, которым он оперирует, разговаривая со своими учениками – отнюдь не лексикон «философа» или наставника в этике. Такое звучание ему было придано уже позже, комментаторами и исследователями, дабы «окультурить» облик древнего мистика. Говоря о жэнь, он имеет в виду не «человеколюбие», как стало считаться позже, а способность человека вступить в непосредственную связь с небом. Проповедуя идеал цзюньцзы, он видит перед собой не «благородного мужа», а человека магических знаний, который служит государству, правителю и людям.

И, понимая этом, в обыденности проповеди Конфуция открывает перед нами внезапный мистицизм самопрозрения человека, что «вечно претворяет изученное».

Слово, оставленное Учителем: «Лунь юй»

Канонизация слова Конфуция

То, что нам сегодня известно под названием «Лунь юй», естественно, не является изначальными словами Конфуция и, более того, хронологически точным описанием событий его жизни. Это скорее труд политический – облик Конфуция в нем подан так, как он представлялся правильным государству. И в этом смысле «Лунь юй» – не книга о том, как говорил и действовал Конфуций, а описание того, как он должен был бы действовать и говорить.

Очевидно и другое – через бесконечный частокол увещеваний и «мудрых высказываний» проступает живой, реальный Конфуций: громогласный и сомневающийся, осторожный и решительный, торжествующий и покинутый духами. Именно «Лунь юй», а не исторические описания Конфуция сделали его облик чрезвычайно обаятельным, живым и очень сложным.

Что вообще мы подразумеваем, говоря о «Лунь юй»? На первый взгляд здесь все

достаточно просто – это компиляция высказываний и событий из жизни Конфуция. Частично высказывания, встречающиеся в «Лунь юе», повторяются в «Ли цзи» («Записях о ритуале») иногда абсолютно точно, но чаще в переложении или с небольшими изменениями. Ряд историй и высказываний также повторен в более поздней книге «Мэн-цзы», но так или иначе, нигде не встречается точной «кальки» исходного текста.

В современном варианте «Лунь юй» содержит 20 книг или глав. Традиционно главу принято называть по первым значимым словам этого раздела, например, глава первая именуется «Учиться и...», глава вторая – «Осуществлять правление» и т. д.

Известная нам сегодня структура «Лунь юя» сложилась не сразу, очевидно, что по Китаю ходило несколько вариантов или списков этого труда, причем каждый считался «истинным». Такая ситуация складывалась вокруг практически всех известных китайских духовных произведений, в том числе, например, «Лао-цзы», «Чжуан-цзы», «Мэн-цзы»: одновременно циркулировало несколько версий, составленных учениками и последователями, которые оспаривали истинность и право первенства в продолжении традиции.

...

Экземпляр «Лунь юя», записанный на бамбуковых дощечках древним написанием. Большие иероглифы – основной текста, мелкие иероглифы – комментарий неоконфуцианца Чжу Си

Сегодня невозможно называть точное количество разных вариантов «Лунь юя». К концу I века было известно по меньшей мере три труда, которые потом легли в основу «Лунь Юя». Два труда были связаны с названиями царств: «Лу лунь» – «Речения царства Лу» из двадцати глав, и «Ци лунь» – «Речения царства Ци» в двадцать две главы. К последнему труду прилагались еще две главы «Вэнь-ван» и «Ши тао», которые хотя и являлись частью общего корпуса текстов, но все же повествовали не о Конфуции. Третий труд получил название «Гу лунь» – «Древние речения», он состоял из двадцати одной главы и был обнаружен по преданию в стене дома Конфуция, будучи запрятанным туда учениками.

Именно эти три «Речения» перечисляются в самом раннем упоминании о труде Конфуция – «Истории династии Хань», принадлежавшем кисти известного историка Пань Гу. Хроники эти, дошедшие до нас с большими лакунами, были закончены в I в. н. э., и таким образом мы имеем достаточно позднее упоминание о беседах Конфуция – со времени его ухода из жизни прошло более четырехсот лет. А это значит, что не исключено и то, что до этого существовали и другие списки речений Конфуция, либо не дошедшие до нас, либо вошедшие в три уже известных сборника.

Эти три сборника «речений» был во многом схожи, но все же не одинаковы. Прежде всего, они заметно различались по своему объему. Скорее всего «Ци лунь» был самой обширной компиляцией речений Конфуция, по своему объему этот труд превосходил «Лу лунь», о чем в частности, упоминает историк-конфуцианец Лю Дэмин (556–627). В точности сложно сказать, то ли «Речения царства Ци» содержали большее количество

глав, то ли по числу высказываний и стихов они были более многочисленны.

Очевидно, что канонизации конфуциева учения к тому моменту еще не произошла – этого просто не могло случиться при наличии трех (а, возможно, и большего количества) вариантов его высказываний. А это значит, что до VI в. Конфуций не только не считался «учителем учителей», но занимал в исторической ретроспективе позицию немногим выше, чем ряд других духовных учителей. Такое множество вариантов трудов одного и того же мудреца можно считать нормативом ранней истории Китая. Достаточно упомянуть, что известно несколько списков «Дао дэ цзина» («Канон Пути и Благодати») Лао-цзы, где встречаются заметные разночтения. Более того, обнаруженный в 90-х гг. вариант этого трактата, записанный на бамбуковых дощечках (до этого варианты II в. были записаны на шелку, т. н. «шелковые книги»), оказался существенно, почти в два раза короче, чем широко известная сегодня версия «шелковых книг». Таким образом для истории Китая было вполне характерным дополнять древние трактаты: слова мудрецов дополнялись, дописывались и в конце концов превращались в компиляцию – но компиляцию высказываний не только самого духовного наставника, но и мыслей его учеников и последователей по принципу, «что мог бы сказать учитель по этому поводу».

...

Слово Конфуция распространилось даже среди «варваров». Экземпляр «Лунь юя» VI–VII вв., обнаруженный в захоронении у северо-западных границ Китая в Синьцзяне

Три версии «Лунь юя» долгое время существовали отдельно и циркулировали по Китаю как самостоятельные произведения. Такая ситуация сохранялась вплоть до I в. до н. э. н. э., когда одна из версий попадает в руки известного каноноведа Чжан Юя (? – 5 до н. э.) – знатока речений Конфуция, а также «И цзина» («Канона перемен»). Чжан Юй – эрудит и книжник – имел весьма высокий ранг знатности – хоу, ученое звание боши, т. е. «доктора» и преподавал императорской семье тонкости «Лунь юя». В 25 г. до н. э. он был назначен главным советником императора, что соответствовало рангу и обязанностям премьер-министра. Чжан Юй, как считается, составляет новую версию «Лунь юя» на основе старых списков.

До сих пор идут споры о том, какая же из трех версий легла в основу известного нам сегодня «Лунь юя». По одному из предположений, Чжан Юй сводит воедино две версии – лускую и цискую. Он также пользуется многочисленными комментариями различных книжников, которые составлялись на «Лунь юй», в том числе известных канонистов Ван Яна, Лу Фуцина и других. Так рождается произведение, названное «Чжан хоу лунь» – «Суждения [и беседы в версии] хоу Чжан [Юя]». Эта версия стала столь популярной, в том числе и благодаря высокому посту ее составителя, что затмила все остальные списки «Лунь юя». Так Китай получает первый «официальный» «Лунь юй».

Теперь «Лунь юй» все более упорядочивается различными комментаторами. Новый список составляется известным ученым Чэнь Сюанем (127–200 н. э.), который также использует версии «Речений из царства Ци» и «Речений из царства Лу». Эта версия не дошла до наших дней, хотя отрывки из нее обнаружены в различных вариантах.

Поразительно, что относительно большая часть этого трактата, обнаруженная в 1969 г. в Синьцзяне, является ученической копией, составленной в 710 г. двенадцатилетним юношей. Известная нам сегодня версия «Лунь юя» была составлена Хэ Янем (190–249 н. э.), который, как считается, свел вместе варианты Чжан Юя и Чэнь Сюаня.

Как видим, наиболее древние версии, передающие нам истинный характер записей Конфуция, не сохранились. Разумеется, вряд ли стоит считать, что ныне существующая версия «Лунь юя» является подделкой или сильно подправленным вариантом. Судя по высказываниям Учителя, приводимых в других трактатах, скорее всего мы имеем дело с реальным словом Конфуция. Однако в результате многочисленных редакций могло измениться другое – те акценты, которые стремился расставить Конфуций своими беседами и проповедями. Изменился и смысл некоторых понятий, а за ним трансформировался и образ Конфуция, превратившись в философа-книжника. Именно влияние такой редактур мы должны учитывать, читая сегодня слова Конфуция. Вряд ли он говорил о другом, но скорее всего он говорил по-другому.

Постепенная, хотя и не окончательная канонизация «Лунь юя» происходит в династию Хань (III в. до н. э. – III в.). А уже в эпоху Тан текст «Лунь юя» выбивается на каменных стелах, и тем самым как бы закрепляется канонический вариант «слова Конфуция».

Приобретая классический вид, «Лунь Юй» стал частью практически всех основных канонов литературно-назидательной классики Китая и, прежде всего, т. н. «Четверокнижие» («Сы шу»). «Четверокнижие» как собрание наиболее значимых трудов конфуцианской классики составляется знаменитым философом-неоконфуцианцем Чжу Си в 1190, и в это собрание помимо собственно «Лунь юя» вошли «Мэн-цзы», «Чжун юн», «Да сюэ» («Великое учение»). «Лунь юй» также стал центральной частью «Тринадцатикнижие» («Шисань цзин чжу ши»), которое изучалось всеми учеными и чиновниками, а также были основой обучения в китайских школах. «Тринадцатикнижие» всегда воспринималось как наиболее полный и точный свод именно конфуцианской классики с каноническим комментариями (в частности, «Лунь Юй» издавался в обрамлении комментариев Чжу Си). «Тринадцатикнижие» было составлено в XII в. при правлении династии Южная Сун, а цинский чиновник Жуань Юань (1764–1849) скомпилировал критический свод всех текстов, куда были включены не только прежние комментарии, но и некоторые новые комментарии, а также списки разночтений (цзяокань цзи). Именно это издание, неоднократно переиздававшееся впоследствии, стало своеобразным нормативом для последующих исследований.

«Четверокнижие» становится официальным каноном китайской политической и духовной культуры. В течение многих веков эти трактаты, и прежде всего «Лунь юй» были основным предметом изучения чиновником, и знание этих текстов, а также умение их комментировать в обязательном порядке являлось частью государственных экзаменов на чиновничьи и ученые звания с 1313 по 1905. И здесь живое слово Конфуция, драма его жизни как духовного учителя и мистического проповедника абсолютно и окончательно растворяется в политической идеологии государства. Большинству терминов, в том числе жэнь (человеколюбие), сяо (сыновья почтительность), чжун (преданность), и (долг) даются новые трактовки в соответствии с «политической необходимостью».

И с этого момента сама проповедь Конфуция приобретает совсем иной характер – характер морально-этической и нравственной доктрины, а сам мистический фактор окончательно «вымывается» из нее. И вплоть до сегодняшнего дня как на государственном уровне, так и на уровне обыденного сознания конфуцианство воспринимает как часть национальной идеологии, как символ китайской цивилизации, но отнюдь не как личная проповедь бродячего наставника Конфуция.

Структура «Лунь юя»

Характер самого «Лунь юя» в равной степени как полностью соответствует канонам записей речений мудрецов того времени, так и отличается от многих других образцов классики Китая.

Прежде всего, по своей структуре это текст не оккультный не мантический, как, например, «Канон перемен» («И цзин»), за редким исключением он не содержит заклинательных формул и магических речитативов, как более древний «Канон песнопений» («Ши цзин»), который очень высоко ценил сам Конфуций. И – самое главное – он не написан самим Конфуцием и, по-видимому, им даже и не правился. Его ученики записывали то, что им казалось важным, а иногда просто эпизоды из жизни наставника или манеры его поведения, не в силах дать им трактовку, оставляя это для потомков.

Сам же Конфуций отказывался записывать что бы то ни было, вероятно считая, что все, что необходимо, уже записано – не случайно он отсылал своих учеников к «И цзину», «Ши цзину». Он же несет какого-то устного, формального учения, а передает его всем своим поведением, он вопрошает духов и воплощает их веления на земле. И здесь особый смысл приобретает его знаменитая фраза «Я не создаю, но лишь повторяю изученное». Ему передано учение (сюэ) и он его «повторяет» и не творит ничего нового. И в этом он – абсолютно традиционный мистический учитель.

Традиционно предполагается, что записи высказываний Конфуция составлял Цзын-цзы (505–436 до н. э.), которому традиция также приписывает составление небольшого трактата «Да сюэ», который также вошел в конфуцианское «Четверокнижие».

Сама структура «Лунь юя» является суммой самых различных высказываний и явно отражает борьбу, которая шла вокруг наследия Конфуция между его приемниками и учениками. Это хорошо прослеживается в неоднородности структуры текста. Прежде всего, характер первых пятнадцати книг заметно отличается от последних пяти.

На первый взгляд, материал в главах сгруппирован случайно, сами же главы, равно как и высказывания внутри них, также расставлены вне всякой логики. Более внимательное прочтение продемонстрирует нам, что над составлением «Лунь юя» все же тщательно работали компиляторы, собирая в одну главу фразы не столько тематически близкие, сколько связанные единым термином. Например, откроем третью главу. В близких пассажах 23, 24 и 25 речь идет о музыке, во всяком случае, во всех случаях используется этот термин. Но в первом случае Конфуций говорит о том, что «Музыку необходимо

знать!», во втором случае упоминается музыкальный инструмент то – деревянный язык колокола, причем в контексте, никак не связанном с музыкой. Конфуций говорит своим ученикам «Почему вы так обеспокоены, что нет у вас чиновничьих постов? Поднебесная уже давно лишилась пути-Дао и скоро Небо сделает Вашего Учителя языком колокола». В третьем случае, Конфуций рассуждает о том, что музыка древнего правителя Шуня (музыка шао) была «красивой и нравственной», а вот музыка правителя У – «воинственного» – «красива, но не вполне нравственна». В сущности, здесь речь идет не столько о музыке, сколько о самом характере древнего правления. В других же местах «Лунь юя» встречается немало высказываний о музыке, которые не сгруппированы в одну главу.

Первая и вторая глава вызывают несколько сумбурное ощущение – складывается впечатление, что составители пытались включить в них то, что им казалось самым главным в речениях Конфуция, а поэтому здесь главенствует не единая тема, а единая мысль, свод важнейших идей проповеди Учителя. А вот дальше «Лунь юя» приобретает значительно большую стройность. Третья глава в основном посвящена наставлениям в ритуале и музыке, четвертая глава поочередно обыгрывает основные понятия конфуцианского учения – «человеколюбие», воспитание человека, путь-Дао, сопоставление благородного мужа цзюньцзы и «мелкого человека». Большая часть пятой и шестых глав включает высказывания Конфуция о разных людях: своих учениках, правителях, аристократах. Седьмая глава содержит ответы Конфуция на вопросы учеников, причем через них показывается сам характер Конфуция – некий идеальный норматив поведения. Восьмая глава состоит из высказываний Конфуция по самым различным поводам, однако при этом в ней встречаются включения высказываний его ученика Цзэн-цзы. Одиннадцатая глава целиком посвящена самому Конфуцию. В двенадцатой главе мы встречаем запись вопросов Конфуцию и ответов на них. Первая часть тринадцатой главы посвящена высказываниям по поводу управления государством, вторая часть (18–28 параграфы) рассказывают о нормативе поведения благородного мужа цзюньцзы. Здесь же обыгрывается понятие ши – честного служивого мужа, по сути, цзюньцзы, который находится на службе у правителя. Четырнадцатая глава как бы возвращает нас к центральным понятиям конфуцианской проповеди, обозначенным в первой и второй главе, из-за этого она также как и первые главы, кажется несколько рыхлой по структуре. Наконец, в пятнадцатой главе в основном обсуждается тема человека как такового – любящего добродетель, человеколюбивого или лживого, снисходительного и требовательного.

...

Ксилографический экземпляр «Лунь Юя» эпохи Мин (1368–1644) с комментариями

Последние пять глав «Лунь юя» заметно отличаются от первых пятнадцати. Как указывали многие исследователи, вполне вероятно, что они носят более поздний характер, и были записаны как результаты споров и дискуссий, развернувшихся вокруг духовного наследия Конфуция.

У этих последних глав – совсем другая функция. Скорее всего, эти пять глав, составленные позже остальных, носили «разъяснительный» и «внутришкольный»

характер, они предназначались для подтверждения главенствующей роли некоторых учеников, чьи речения в основном и помещены в последних пяти главах. Сам же Конфуций теперь именуется не Кун-цзы, но в основном просто «цзы» – «мудрец» или «учитель», и это обращения без всяких дополнительных пояснений указывает ученикам, что речь идет именно об их учителе.

Очевидно, что в эти пять глав входит часть историй из жизни Учителя, которые носят характер апокрифов, не случайно они встречаются в некоторых других книгах, например, в «Чжуан-цзы». XIX книга вообще целиком состоит из высказываний учеников Конфуция. В этой же книге появляется новый основной персонаж – Цзы-гун. Здесь ученики Конфуция уже сами наставляют, советуют, проповедуют. Они сами дают оценку людям в духе их Учителя – кого-то критикуют, про кого-то говорят, что «он не так плох, как считают ныне». Учитель же для них – личность абсолютно сакральная и запредельная. И самое главное – это высшая точка развития человеческих свойств. С ним «никто не может сравниться, как невозможно по лестнице вскарабкаться на небо» (XIX, 25), он «подобен солнцу и луне, а до них не подняться» (XIX, 24). XX глава на первый взгляд вообще лишена сквозной логики изложения и состоит всего лишь из трех пассажей. Причем первый из них представляет собой диалог между легендарными мудрецами прошлого Яо и Шунем, причем некоторые фразы настолько малосвязаны между собой, что у многих исследователей этот пассаж вызвал сомнение в его целостности.

В течение многих последующих веков образ и слова Конфуция многократно использовались самыми различными людьми – средневековыми комментаторами, современными политиками, правителями. Его изначальная, чистая мысль оказалась глубоко погребена под комментариями и стереотипами, а образ мистика и духовного наставника постепенно превратился в дидактика-философа.

Кажется, он не записал и не оставил после себя того самого главного, потаенного, что хранил в своем сердце. Это очень личное – интимное настолько, насколько только может быть прямая беседа с духами предков и слушание голоса Неба. Но самое главное – он оставил после себя свой образ, свой мистический след, под знаком которого существует вся китайская цивилизация до сих пор.

Переводы Конфуция и цитируемая литература

1. Алексеев В.М. Китайская литература. «Наука» М., 1978
2. Алексеев В.М. Наука о Китае. М., «Наука», 1982
3. Головачева Л.И. Беседы и суждения Конфуция // Рубеж, 1992, N 1.
4. Кривцов В.А. (пер.) Лунь Юй // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах, Т.1., 1972.
5. Маслов А.А. Укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз в Китае. М., «Алетейя», 2003.

6. Маслов А.А. Тайный смысл и разгадка кодов Лао-цзы. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2005.
7. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь Юй. М. «Восточная литература», 1998.
8. Попов П.С. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. Перевод с китайского с комментариями. СПб, 1910.
9. Попов П.С. Китайский философ Мэн-цзы. Перевод с китайского, снабженный примечаниями. СПб, 1904.
10. Семенов И.И. (Сост. и комментарии) Конфуций. Я верю в древность, М., 1995
11. Мэн-цзы. Пекин: Жэньминь чубаньшэ. 1978.
12. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). Шанхай, 1993.
13. Цзочжуань чушу («Хроники Цзо с комментариями»). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1998.
14. Цзочуань чу шу («Хроники Цзо с комментариями»). Шанхай, 1998.
15. Цзя Жуго. Чжунго жуцзяо шихуа (Рассказы по истории китайского конфуцианства). Баодин: Хэбэй дасюэ чубаньшэ, 1999.
16. Чжу Си. Сы шу чжан цзюй цзичжу («Четверокнижие» с собранием комментариев Чжу Си). Т.2. Пекин, 1989.
17. Chen Jinpan. Confucius as a Teacher – Philosophy of Confucius with Special Reference to Its Educational Implication. Beijing: Foreign Language press, 1990;
18. Creel H. Chinese Thought from Confucius to Mao Tse-tung. New York: New American Library, 1960;
19. Creel H. Chinese Thought from Confucius to Mao-tsetung. London: Eyre amp; Spottiswoode, 1954;
20. Fingarette H. Confucius – The Secular As Sacred. New York: Harper and Row, 1972
21. Hall D. and Ames, Roger T. Thinking Through Confucius. Albany: SUNY press, 1987;
22. Lau D.C. (translation and introduction). Confucius. The Analects N.Y. 1979
23. Legg J. The Chinese classics with the translation, critical and exegetical

notes, prolegomena, and copious indexes. V. 1. Confucian Analects, L., 1893

24. Tang Yi-jie. Confucianism, Buddhism, Daoism, Christianity and Chinese culture. Washington and The University of Peking, 1991

25. Walley A (translated and annotated). The Analects of Confucius, N.Y. 1938

Примечания

1

Здесь и далее в скобках дается отсылка на соответствующие параграфы «Лунь юя». Один из наиболее полных, точных и комментированных современных переводов Конфуция можно посмотреть, в частности, в книге: Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй, М: «Восточная литература», 2002.

2

Здесь и далее приведена антология отрывков из «Лунь Юя», составленная по тематическому принципу. В нее вошло подавляющее количество пассажей из этого произведения. Сегодня существует немало достойных и качественных полных переводов «Лунь юя» на русский язык, которые при этом могут давать различные трактовки того или иного высказывания или понятия, причем порою кардинально отличающиеся друг от друга. В своем переводе мы опирались в основном на толкование, предлагаемое Л.С. Переломовым, а также П. Поповым и В.А. Кривцовым. Л.С. Переломов также приводит подробные комментарии к каждому из параграфов с разбором смысловых нюансов.